

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЗЕБРА

9 785938 567832

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Ульяновск

2024

УДК 88.362я7
ББК 316.624(075)
П 24

Авторы:

Предисловие (Нагорнова Анна Юрьевна).

Глава 1 – § 1.1 (Александрова Марина Викторовна, Воднева Светлана Николаевна, Донина Ирина Александровна, Задворная Марина Станиславовна, Лях Юлия Анатольевна, Хачатурова Карине Робертовна, Шерайзина Роза Моисеевна), § 1.2 (Гончарова Наталия Васильевна, Ликова Ольга Александровна), § 1.3 (Пчелкина Евгения Петровна), § 1.4 (Ганишина Ирина Сергеевна, Рожкова Вера Алексеевна), § 1.5 (Ковалева Наталья Владимировна, Леонтьева Александра Владимировна), § 1.6 (Беляева Светлана Игоревна, Максименко Ксения Николаевна), § 1.7 (Шакирова Алина Мунировна, Божкова Галина Николаевна, Софронова Светлана Алексеевна), § 1.8 (Азарных Татьяна Дмитриевна).

Глава 2 – § 2.1 (Федулова Анна Борисовна, Бринзевич Юлия Сергеевна), § 2.2 (Кривова Юлия Евгеньевна, Пшеничнова Ирина Викторовна, Мишагина Ольга Михайловна), § 2.3 (Черникова Елена Геннадьевна), § 2.4 (Полякова Ольга Борисовна), § 2.5 (Жильцова Юлия Владимировна, Коришева Светлана Евгеньевна, Скопина Ирина Евгеньевна), § 2.6 (Майоров Георгий Александрович, Гонтарь Владимир Николаевич, Ичитовкина Елена Геннадьевна, Соловьев Андрей Горгоньевич, Жернов Сергей Вячеславович), § 2.7 (Нагорнова Анна Юрьевна, Нагорнова Софья Юрьевна).

П 24 Педагогика и психология девиантного поведения: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2024. – 158 с.

В коллективной монографии рассматриваются основные направления психолого-педагогических исследований девиантного поведения личности. Характеризуются современные технологии профилактики и коррекции девиантного поведения.

Монография предназначена научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, практикующим психологам, студентам гуманитарных специальностей.

УДК 88.362я7
ББК 316.624(075)

Рецензенты:

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, президент Международной Ассоциации девиантологов, Международной академии ювенологии и Международной академии социальной работы, председатель диссертационного Совета по гуманитарным наукам Академии образования Великобритании, академик РАЕН.

Яцмирская Раиса Сергеевна – доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы Филиала Российского государственного социального университета в г. Павловский-Посад, зав. кафедрой Независимого Института семьи и демографии.

ISBN 978-5-93856-783-2

© Коллектив авторов, 2024
© Зебра, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Психолого-педагогические исследования девиантного поведения личности	5
1.1. Современные подходы к пониманию сущности девиантного поведения	5
1.2. Девиантное и аддиктивное поведение как социально-педагогическая проблема	15
1.3. Понятия девиации и девиантного поведения в психологии	23
1.4. Феномен девиантного материнства в местах лишения свободы	32
1.5. Агрессивность дошкольников как объект исследования в психологии (теоретический аспект)	44
1.6. Характеристики социальной перцепции подростков с девиантным поведением	54
1.7. Вид подростковых скандалов в современной юношеской литературе	64
1.8. Суицидальные идеации при посттравматическом стрессе у студентов	71
Глава 2. Современные технологии профилактики и коррекции девиантного поведения	85
2.1. Теоретические и практические подходы к системе профилактики жестокого обращения с детьми	85
2.2. Коррекция девиантного поведения подростков в условиях средней школы	95
2.3. Социальная профилактика как эффективная технология деятельности специалистов по работе с подростками, склонными к суицидальному поведению	109
2.4. Психолого-педагогические и социокультурные подходы к преодолению алкогольной и наркотической зависимости в центре социальной реабилитации и адаптации	120
2.5. Личностные особенности осужденных, склонных к игровой зависимости (в контексте функционирования научной школы Академии ФСИН России «Психолого-педагогическое сопровождение осужденных, отбывающих уголовные наказания»)	125
2.6. Девиантное поведение подростков: психолого-педагогический анализ и стратегии коррекции	140
2.7. Проблема алкогольной зависимости в современной Японии	150
Сведения об авторах	155

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях переходной экономики и хронического дистресса для многих людей, девиантное поведение становится распространенным способом адаптации к изменяющимся социальным и экономическим условиям. В последние десятилетия количество социальных девиаций постоянно увеличивается, что отражается, в частности, в росте криминогенной ситуации в стране.

Девиация представляет собой одну из сторон явления изменчивости, присущей как человеку, так и его окружающему миру. Изменчивость в социальной сфере связана с деятельностью и выражается в поведении человека, взаимодействии с окружающей средой через внешнюю и внутреннюю активность человека.

Новые виды социальных девиаций, такие как компьютерная зависимость, интернет-мошенничество и другие преступления, становятся все более распространенными в связи с быстрым развитием информационных технологий. Уровень преступности, особенно среди молодежи, также высок, что приводит к появлению агрессивных маргинальных субкультур.

Девиантное поведение в детском и подростковом возрасте часто является проявлением социальных и психологических проблем. В основе такого поведения могут лежать различные факторы, включая семейную обстановку, взаимоотношения с окружающими, а также индивидуальные особенности личности ребенка.

Педагоги и психологи должны обращать особое внимание на девиантное поведение, так как оно может привести к различным негативным последствиям как для ребенка самого, так и для его окружения. Важно провести комплексный анализ причин девиантного поведения и разработать индивидуальный подход к работе с каждым конкретным случаем.

Также важно помнить о возможности применения различных методов и техник работы с девиантным поведением, включая консультирование, психологическую поддержку и коррекционные программы. Ключевым моментом в данном процессе является создание доверительных отношений с ребенком, помощь в осознании и понимании причин его поведения, а также постепенное формирование здоровых и адаптивных стратегий поведения.

Технологии коррекции и профилактики девиантного поведения представляют собой совокупность методов и стратегий, направленных на предупреждение и устранение отклонений от социально принятых норм поведения. В рамках коррекционных технологий используются индивидуальные и групповые подходы, включающие в себя психологическую, социальную и педагогическую работу с индивидом. Профилактические технологии основаны на раннем выявлении факторов риска и предупреждении возможного возникновения девиантного поведения. Эти технологии включают в себя психологическое консультирование, социальную поддержку, обучение социальным навыкам, а также развитие позитивных механизмов адаптации и саморегуляции. Эффективное применение технологий коррекции и профилактики девиантного поведения требует комплексного подхода и взаимодействия специалистов из различных областей, таких как психология, педагогика, социология и медицина.

Исследования в области психологии и педагогики продолжают развиваться для более глубокого понимания девиантного поведения и создания эффективных методов его преодоления и коррекции.

ГЛАВА 1. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

1.1. Современные подходы к пониманию сущности девиантного поведения

Во все времена одной из важнейших социально-психологических проблем являлось соблюдение принятых в данном обществе норм и выявление факторов, провоцирующих их нарушение. Между тем, само понятие нормативности вызывает активные споры в научном мире и среди обычных граждан. Дело в том, что нередко поведение, не подчиняющееся определенным стандартам, не понятное большинству обычных людей, не поддающееся под логическое объяснение, относят к отклоняющемуся от нормы. Хотя само представление о норме выступает достаточно спорным и имеет тенденцию меняться в зависимости от культурных особенностей, менталитета, законодательной сферы государства, традиций и устоев социума.

В основе теории девиантного поведения, ее причин и вариантов проявления лежит определение девиаций, представленное в 1897 году Э. Дюркгеймом. Согласно этому определению, к девиантным разновидностям действий можно отнести любое поведение, отклоняющееся от норм, принятых в данном социуме [3, с. 78].

Между тем, на сегодняшний день понятие девиаций, девиантности, девиантного поведения рассматривается намного шире и имеет достаточно сложную структуру. Наиболее распространенным, традиционным, определением данного феномена выступает описание его с позиций «поведения, отклоняющегося от общепринятых, социально одобряемых, наиболее распространенных и устоявшихся норм в определенных сообществах в определенный период их развития» [7, с. 3]. Данное определение выдвигает на первый план социальную природу девиаций, в связи с чем, поиск предпосылок также осуществляется с позиции влияния социального окружения, общественных норм и правил (либо их отсутствия), особенностей воспитания.

Между тем, с точки зрения психологов, девиантное поведение является следствием проявления определенных личностных качеств, выбора поведенческих стратегий на основе внутренних побуждений (протеста, страха, агрессии, тревоги, гнева и др.).

В более обобщенном смысле девиации относят к разновидностям поведенческих реакций, отличающихся от общепринятых социальных, психологических моделей и стереотипов. При этом возникновение подобных отклонений может исследоваться с позиций педагогических, профессиональных, медицинских, психологических, поведенческих, социальных и иных критериев.

Подобная многозначность понятия, а также – отсутствие единых подходов к выделению признаков, проявлений, предпосылок и последствий девиантного поведения обусловило актуальность темы исследования и постановку целей и задач.

В рамках проводимого исследования нами была обозначена проблема, состоящая в поиске наиболее значимых характеристик девиантного поведения, определении критериев его оценки и классификации и выявлении первопричин данных поведенческих нарушений.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ определений, характеристик, классификации и показателей девиантного поведения в научной литературе.
2. Выделить основные категории девиаций.

3. Проанализировать причинно-следственные связи между наличием склонности к девиантному поведению и отдельными социально-психологическими предикторами.

4. Представить классификацию проявлений девиантного поведения с учетом социальных, психологических и педагогических причин его возникновения.

Теоретическая значимость исследования состоит в проведении комплексного теоретического анализа подходов к определению и классификации девиантных форм поведения в современной научной литературе, а также – в составлении типологической структурной модели возникновения девиантного поведения.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов в практике работы социологов, психологов, социальных педагогов, работающих с лицами, подпадающими под определение «группы риска».

Новизна исследования состоит в систематизации разных научных подходов и выделении основных форм девиантного поведения с учетом причин и проявлений отклонения.

Понятие девиации (фр. *dévi*ation - отклонение) в широком смысле слова описывается как любое нарушение существующих в той или иной сфере норм. В связи с этим, существуют физические, физиологические, механические, биологические, психологические, педагогические, медицинские, социологические и иные характеристики и трактовки данного понятия.

В рамках социально-психологических исследований остановимся на описании социальных, психологических и медико-биологических характеристик. В социальной сфере к девиациям принято относить любые формы нарушения отношений в группе или между людьми, которое несет угрозу социальному, психологическому или физическому благополучию человека в данной социальной среде [4, с. 57]. Показателями девиации выступают нарушение индивидом социальных норм, отрицание и попираание культурных ценностей, отсутствие общественно значимых целей и ценностей, нарушение социальной идентичности, ведущее к социально опасному поведению.

С точки зрения психических характеристик (медицинский подход) девиации связывают с нарушениями психического здоровья, наличием нервно-психической патологии, несущим угрозу не только окружающим, но и самому человеку. Подобное определение сопряжено с выделением конкретных физико-биологических показателей и постановкой медицинского (психиатрического) диагноза.

В психологии девиациями считаются любые нарушения нравственных норм, психологически неблагоприятные проявления, склонность к развязыванию конфликтов, нанесение ущерба общественному благополучию, окружающим и/или самому себе.

S. Benoit, R. Ferraro, T. Schaeffers, K. Wittkowski отмечают, что девиантное поведение предполагает намеренное нарушение общих норм в ситуации потребления [11, с. 10]. При этом подобные деяния всегда оказывают негативное влияние на окружающих и могут нанести серьезный вред (конкретным людям, обществу, сложившимся устоям, правопорядку и т.д.).

В общем виде к проявлениям девиантного поведения принято относить совокупность нравственных пороков, отступление от принципов норм морали и права.

Таким образом, девиантное поведение можно определить как «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся социальной дезадаптацией» [5, с. 147].

В этой связи следует остановиться подробнее на признаках девиантного поведения, которые приводят различные исследователи:

1. Несоответствие поведения и действий индивида общепринятым или официально установленным социальным нормам.
2. Действия, вызывающие негативную оценку (социальное порицание) со стороны окружающих.
3. Поведение, которое наносит реальный ущерб самой личности или окружающим людям.
4. Многократно повторяющееся или длительное нарушение общепринятых норм.
5. Наличие общей негативной (агрессивной, противоречивой и т.д.) направленностью личности.
6. Наличие признаков социальной дезадаптации.
7. Индивидуальное, возрастное и гендерное своеобразие девиантных поступков.

Следует отметить, что, по убеждению многих современных авторов, на самом деле не существует «нормативных» и «ненормативных» типов поведения. Поскольку само понятие нормы очень субъективно и во многом определяется культурными, историческими, социальными предпочтениями, традициями, стереотипами. Именно поэтому то, что осуждается и относится к девиациям в одном обществе, может быть отнесено к норме или даже одобряться в другом. Кроме того, девиации могут стать стимулом, предпосылкой кардинальных позитивных преобразований в обществе, мировоззрении, ценностях, этапе открытий и инноваций, ведущих к прогрессу [10, с. 320].

При этом Л.А. Азарова приводит следующие признаки социально-психологических девиаций:

- негативное отношение к проступку со стороны окружающих;
- деструктивный или аутодеструктивный характер действий;
- повторяемость;
- соответствие общей направленности личности;
- дезадаптационный характер;
- наличие индивидуальных и половозрастных особенностей, не свойственных соответствующей социальной группе [1, с. 32].

В связи с наличием различных научных подходов к определению и описанию признаков девиаций, существует также значительный спектр классификаций, в рамках которых выделяют:

1. Социальные и психологические девиации.
2. Индивидуальные и групповые отклонения.
3. Первичное и вторичное нарушение норм морали.
4. Культурно одобряемые (позитивные) и неодобряемые (негативные) поведенческие стереотипы.

Другие специалисты в числе основных разновидностей девиантного поведения называют:

1. Различного рода правонарушения (включая преступные деяния, аморальное поведение, пьянство, наркоманию, суицидальные действия и т.д.).
2. Нарушение культурных норм и традиций, исторически сложившихся в данном обществе.
3. Проявления психической или психологической дисгармонии, поведение, не объяснимое с точки зрения психической нормативности.

4. Пограничные или явные проявления конфликта между личностными и общественными интересами столкновения позиций, ведущие к непримиримой вражде и нанесению ущерба окружающим [8, с. 85].

Между тем, в последнее время все чаще можно обнаружить исследования, свидетельствующие о том, что талантливые, креативные люди, обладающие нестандартным типом мышления и выдвигающие смелые идеи и инновации, также причисляются к категории лиц с девиантными проявлениями.

Так, к девиациям, связанным с позитивными личностными образованиями, проявлением гениальности и превосходства над другими можно отнести:

- сверхинтеллектуальность;
- особые склонности, талант и способности в определенных видах деятельности;
- сверхмотивацию к достижению успеха и власти;
- личностные качества, позволяющие достичь признания и возвышения личности;
- чрезмерная креативность и изобретательность и т.д.

Обобщая представления разных ученых о причинах и проявлениях девиантного поведения, Д.А. Тарутин и Р.Г. Хабибулин приводят следующие формы девиаций:

1. Нарушения, связанные с аддикциями (гемблинг (игровая зависимость); нарушения пищевого поведения (анорексия, булимия), наркомания, алкоголизм, трудовоголизма, психологическая зависимость от человека и т.д.).

2. Сексуальные девиации (педофилия, зоофилия, некрофилия, нарциссизм, фетишизм, гомосексуализм и т.д.).

3. Суицидальное поведение.

4. Психосоматические нарушения, связанные с навязчивыми идеями, фобиями и т.д. (дисморфобии - необоснованная убежденность в наличии физических недостатков; педантичность (уверенность в агрессивном настрое других и наличии угроз жизни и здоровью); панические атаки, связанные с разного рода страхами и мнительностью, ипохондрия)

5. Сквернословие – употребление нецензурной брани, в том числе – в общественных местах и в общении со взрослыми, представителями власти, педагогами, родителями и т.д.

6. Аморальный образ жизни, пьянство, отсутствие социального контроля. В последнее время в данную категорию включают чрезмерное увлечение граффити, порча имущества и культурных памятников, общественных мест и т.д. Поведение стихийных рисовальщиков колеблется между допускаемой обществом самостоятельностью в определенное время и определенных ситуациях (карнавалы, праздники) и вандализмом. По сравнению с другими разновидностями вандализма (поджоги, осквернение памятников и др.) и проявлениями насилия и агрессии граффити представляют собой мелкие, незначительные, относительно безопасные действия, однако, они осуждаются обществом и могут перерасти в разновидности антиобщественных действий [7, с. 5].

Г.Беккер разделяет девиации на первичные (поведение в целом не противоречащее культурным нормам) и вторичные (поведение, которое наносит значительный ущерб окружающим). Последние, в свою очередь, подразделяются на:

1. Правонарушения, подразумевающее виновное поведение, противоречащее нормам права и влекущее юридическую ответственность. К этой группе относят проступки (гражданские, дисциплинарные, административные) и преступления.

2. Нарушения общественной морали: пьянство и алкоголизм, наркомания, токсикомания, проституция, бродяжничество, попрошайничество, суицидальные действия и др. [2, с. 104].

При этом другие классификации основываются на иных критериях. Например, классификация по целевой направленности:

- девиации корыстной ориентации;
- проступки агрессивной ориентации;
- социально-пассивные нарушения;
- аддиктивные формы.

В.Д. Менделевич выделяет пять видов девиантного поведения:

- деликventное, содержащее в себе предпосылки преступных действий, но не осознаваемое индивидом и не несущее угрозы жизни и физическому здоровью окружающих;
- аддиктивное, выражающееся в сильной привязанности к тому или иному продукту, человеку, виду деятельности и т.д.;
- патохарактерологическое, связанное с патологическими изменениями характера, которые сформировались в процессе воспитания (акцентуации характера, пограничные состояния и личностные качества, дефекты внутренней структуры образа «Я»);
- психопатологическое, предполагающее наличие различных психических расстройств и заболеваний;
- поведение на базе гиперспособностей. Когда человек существенно выделяется среди других гипертрофированными качествами, талантами, способностями, возможностями и т.д.;

На основании подобного разделения девиаций можно выделить основные предпосылки или причины возникновения отклоняющихся форм поведения и психики.

С позиции приверженцев психоаналитических теорий, в основе отклоняющегося поведения лежит наличие внутриличностных конфликтов. Индивид с определенным складом психики и ума, ожиданиями от жизни и социального окружения, сталкивается в реальности с противоположными стереотипами и шаблонами, которые его «эго» отказывается принимать. В результате он стремится противостоять социальной несправедливости и быть услышанным, понятым окружающими. Не достигая своей цели, он может совершать асоциальные или самоповреждающие действия.

Ученые, поддерживающие социокультурные направления исследования девиаций, отмечают, что в основе данных поведенческих форм лежат неудачные модели социализации, отражающиеся во внутренней структуре личности. В этой связи на сегодняшний день возникает наибольшее число споров и противоречий, порожденных отсутствием единой теории нормативности, а также – частой сменой социокультурных ориентиров и норм, ценностей и приоритетов. В подобной ситуации процесс адаптации и социализации (особенно – в детском и подростковом возрасте) сталкивается с неопределенностью и необходимостью совершения нравственного выбора. Который не всегда оказывается социально одобряемым.

К. Мертон полагал, что причиной девиации является разрыв между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения [6, с. 673]. На этой основе возникают девиации, в основе которых лежат позитивные побуждения и мотивы, но средства достижения целей могут нести угрозу благополучию самого индивида или окружающих.

Современные теории девиантности сочетают в себе положения трех основных направлений: психоаналитической теории, теории когнитивного развития и теории обучения.

При этом, несмотря на определенные расхождения в трактовках, признаках и характеристиках девиантности, в данных направлениях можно проследить общие закономерности, состоящие в:

- индивидуальном характере и осознанности девиаций, что ведет к ответственности индивида за свои действия;
- внутренняя обусловленность, наличие личностных мотивов и детерминант;
- наличие внутриличностных конфликтов, признаков психологического неблагополучия, расстройств личности;
- сочетание дисгармонии во внутреннем плане с социальными, интеллектуальными, коммуникативными и иными проблемами.

Конфликт личностных предпочтений, ценностей и целей с социальными, общественно значимыми част приводит к внутренней дисгармонии и негативизму против социума. При этом антисоциальные импульсы человека могут быть направлены как внутрь, так и наружу. Направляя эти импульсы вовне, люди проявляют девиантное поведение. Кроме того, психосоциальные теории берут начало в учении о нейропсихологических особенностях, обуславливающих определенный тип связей в структурах мозга. Вследствие физиологических процессов формируются спонтанные, импульсивные, или последовательные, осознанные действия. Первые, в свою очередь, приводят к формированию предпосылок развития девиантности.

Согласно теории когнитивного развития, девиантное поведение является результатом того, как люди воспринимают, понимают, оценивают мораль и закон.

Теория обучения основана на принципах бихевиоризма, в основе которого лежит понимание внешней обусловленности поведения и склонностью к копированию образцов. В связи с чем ближайшее окружение становится первопричиной формирования асоциальных и девиантных форм поведения.

Также существуют классификации, основанные на типах обусловленности поведения (реактивное, аморальное, патология влечений и т.д.); на формах проявления (делинквентность, побег, бродяжничество, сексуальные девиации, суицид и др.); на факторах возникновения (биологические, социально-психологические, возрастные); на степени выраженности патологии (девиации и медицинские нарушения) [9, с. 91].

На основании обобщения всех изученных положений и подходов можно заключить, что все существующие концепции обусловленности девиантного поведения можно объединить в три основных подхода или направления:

1. Биологический или антропологический, основоположниками которого являются Ч.Ломброзо и У.Шелдон. Приверженцы данного направления определяют механизмы возникновения физическими особенностями человека.

2. Психологический, основанный на теориях З. Фрейда, А.Адлера и др. В основе возникновения девиаций в данном случае лежат нарушения психологического плана (комплексы, внутриличностные конфликты, тревожность, агрессия и т.д.).

3. Социологический, в основе которого лежат проблемы и противоречия общественной жизни.

Выявленные противоречия и аспекты возникновения девиантного поведения обусловили актуальность проведения эмпирического исследования, целью которого стало

изучение ситуации с девиантными проявлениями среди современных подростков. Выбор возрастной аудитории обусловлен тем фактом, что, согласно статистике, именно в подростковом возрасте отклонения от социальных норм становятся наиболее частыми и яркими. С другой стороны, некоторые из поведенческих реакций не несут характер намеренного нарушения, а являются естественной возрастной потребностью в самовыражении, поиском себя и самоопределения.

Исследование проводилось среди 100 учащихся 7-9 классов общеобразовательных школ.

Методики исследования:

1. Методика диагностики девиантного поведения несовершеннолетних (тест СДП – склонности к девиантному поведению) разработана коллективом авторов (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев,) – направлена на оценку наличия склонности к девиантному поведению.

2. 16-тифакторный Личностный опросник Кеттелла – включает оценку личностных качеств, способствующих формированию девиантного поведения.

3. Наблюдение – направлено на отслеживание признаков социально неодобряемого поведения

4. Анкетирование – имеет целью выявление факторов социального, психологического, физического неблагополучия.

На первом этапе нами было проведено исследование склонности подростков к девиантному поведению. Так, результаты диагностики при помощи теста Э.В. Леус и А.Г. Соловьева удалось установить, что более 80% школьников имеют те или иные проявления поведенческих реакций, отличающихся от понятия нормативности (Рис. 1).

Рисунок 1 - Распределение показателей склонности подростков к девиантному поведению по результатам теста Э.В. Леус и А.Г. Соловьева

При этом 29% демонстрируют признаки делинквентности – незначительные или неосознаваемые нарушения, не несущие реальной угрозы обществу; у 26% отмечены проявления аддикций – зависимости того или иного рода (химической, компьютерной, пищевой и т.д.); 22% демонстрируют агрессивные наклонности, а у 5% отмечены предикторы суицидального поведения.

Тогда как 18% школьников не проявляют признаков отклоняющегося от нормы поведения и не обнаруживают факторов риска.

Наблюдение за поведением подростков в школе и во внеурочной деятельности позволило выделить три основных категории:

- школьники, не демонстрирующие признаков девиации – 23%;
- подростки, проявляющие среднюю степень агрессии, протестного поведения, игнорирования правил и норм – 60%;
- испытуемые, проявляющие высокий уровень девиантности, неподчинения правилам, агрессии и т.д. – 17% (Рис. 2).

Рисунок 2 - Выраженность признаков девиантного поведения у подростков по результатам наблюдения

После проведения диагностики мы разделили испытуемых на 2 группы:

- 1) Подростки с признаками девиантного поведения
- 2) Подростки, не имеющие признаков девиантного поведения (демонстрирующие социально желаемое и одобряемое поведение)

После этого в указанных группах была проведена диагностика личностных качеств и анкетирование по вопросам социально-психологического благополучия.

Так, по результатам теста Кеттелла подростки с девиантными проявлениями показали более выраженную склонность к повышенной тревожности (67%), эмоциональной нестабильности (64%), прямолинейности (46%), интроверсии (32%), замкнутости (30%), что говорит о наличии внутренних проблем. Кроме того, у этих испытуемых сниженный уровень конформности, конформизма, консерватизма, практичности, сдержанности, что свидетельствует о сниженной адаптационной способности (Рис. 3)

Анкетирование школьников показало, что в группе с выраженными проявлениями девиантного поведения отмечаются следующие черты социально-психологического неблагополучия:

- неполные семьи – 43%;
- алкоголизм, наркомания у членов семьи – 58%;
- насилие, жесткие методы воспитания – 54%;
- равнодушие родителей к проблемам ребенка – 62%;
- буллинг в среде сверстников – 43%.

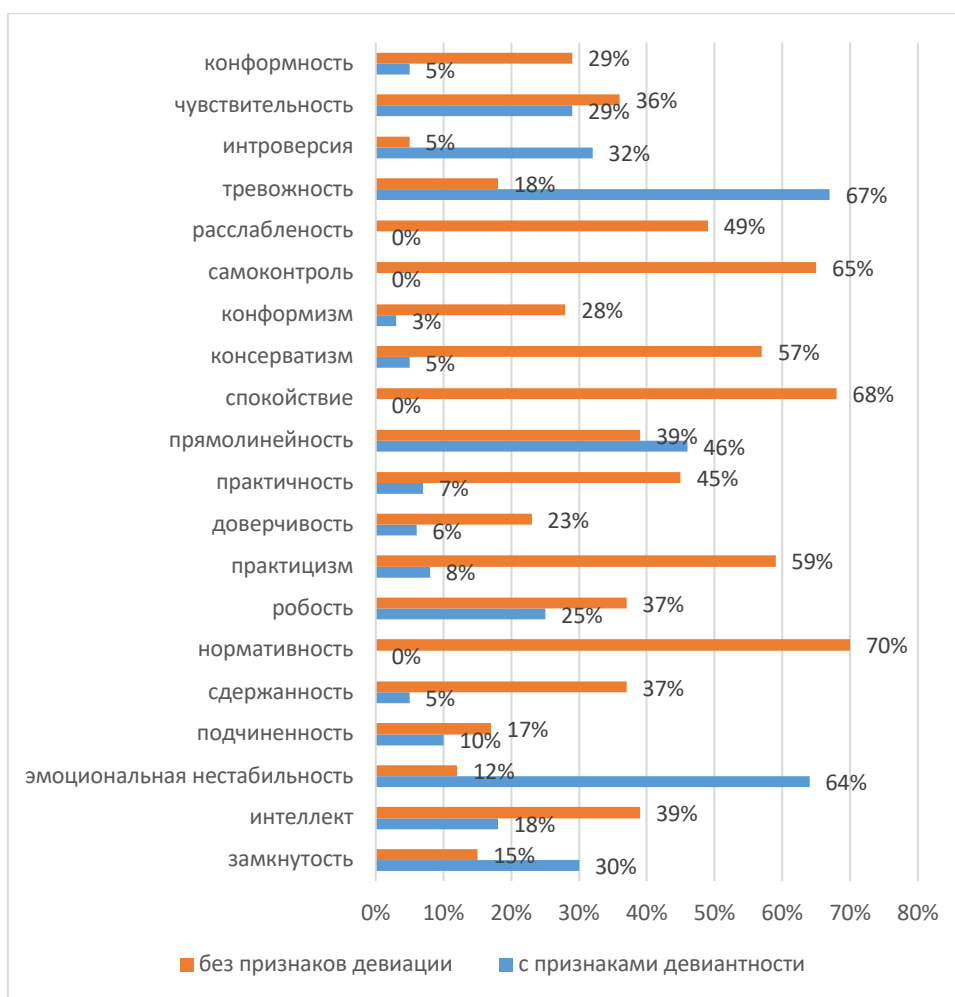

Рисунок 3 - Результаты диагностики личностных качеств по 16-тифакторному опроснику Кеттела

В группе детей, не демонстрирующих признаков девиантного поведения, такие факторы наблюдаются значительно реже (Рис. 4).

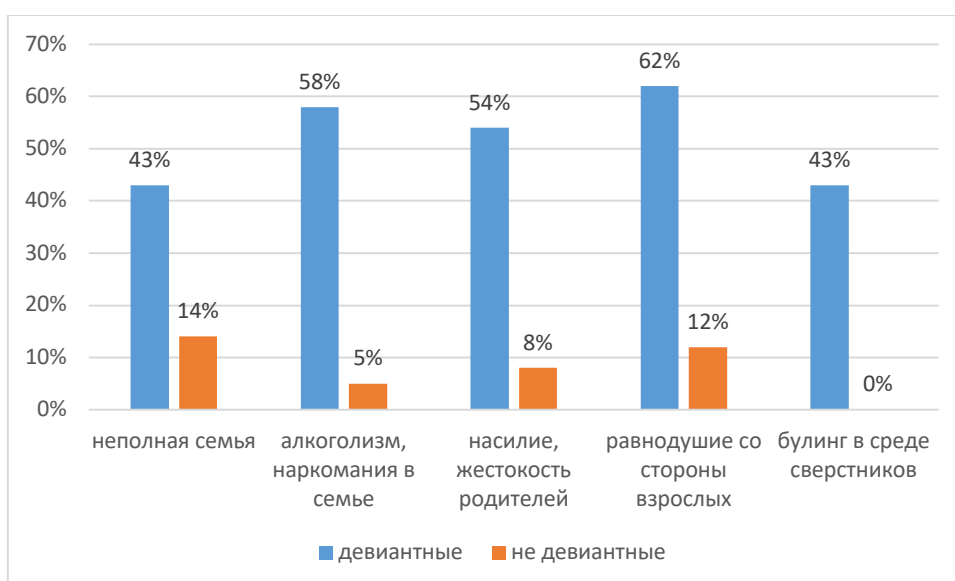

Рисунок 4 - Показатели социально-психологического неблагополучия среди подростков

Таким образом, можно сделать вывод, что на формирование склонности к девиантному поведению оказывают влияние как личностные психологические характеристики и качества, так и степень социально-психологического неблагополучия. При этом многие подростки отмечали в анкете, что не уверены в том, что правильно понимают, какое поведение считается нормативным. Это может быть обусловлено как расхождением в системах воспитания дома и в школе, других социальных институтах, так и отсутствием единых ценностных ориентиров в социальной среде, где воспитывается ребенок.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о сложности и многогранности проблемы девиантного поведения, в частности – в подростковой среде. Что требует более детального изучения и статистического анализа выраженности разных показателей и факторов формирования девиаций.

Анализ научной литературы и результатов эмпирического исследования позволяет сделать вывод о том, что девиантное поведение является многогранным и неоднозначным понятием, основной характеристикой которого является наличие отклонения от принятых в обществе норм. При этом специфика социума, его временные, культурные, социально-экономические и иные условия могут существенно влиять на формирование самих норм. Кроме того, в определенные исторические периоды в том или ином обществе возникают ситуации неопределенности моральных норм, принципов, целей и ценностей, что затрудняет отнесение тех или иных поступков к девиантным или нормативным.

Все многообразие классификаций и подходов к описанию девиантных форм поведения можно в общем виде отнести к одному из типов: биологический, социальный и психологический. Между тем, большинство девиаций имеют в своей основе сочетание нескольких типов.

Существуют определенные закономерности и взаимосвязи между возникновением девиаций и личностными особенностями, а также – между девиантными проявлениями и социально-психологическим неблагополучием. При этом физические и физиологические причины при благополучном социальном окружении и ситуации психологического комфорта и конструктивного взаимодействия не являются первопричинами и ведущими факторами возникновения девиаций.

Список литературы

1. Азарова Л.А. Психология девиантного поведения: Учеб.-метод. комплекс. - Минск. 2009. - С. 32.
2. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход / Г. Беккер. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - 294 с.
3. Дюркгейм Э. Метод социологии. О разделении общественного труда. - М., 2017. - 196 с.
4. Колесов В. И. Психология девиантного поведения: социальные признаки поведения человека // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов III Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России. В 3-х частях, Рязань, 08–09 апреля 2021 года / Под общей редакцией Д.В. Сочивко. Том Часть II. - Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. - С. 56-62.

5. Коробанова Ж. В., Полевая М.В. Девиантное поведение личности: социальные и психологические особенности // Социально-гуманитарные знания. - 2020. - №1. - С. 145-155
6. Мертон Роберт К. Социальная структура и аномия // Американское социологическое обозрение. - 1938. - № 3 (5). - С. 672-682.
7. Тарутина Д.А., Хабибулин Р.Г. Девиантное поведение: причины, виды и формы проявления // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [2023]. URL: https://scienceforum.ru/2020/article/2018021894?ysclid=lt0fwm2kdl3761819
8. Скворцова Е. В. Психология девиантного поведения девиантное поведение в подростковом возрасте: теория и практика. - Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2021. - 179 с.
9. Шуакбаева Б. С. Основные подходы к объяснению девиантного поведения // Современная психология : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). - Казань: Бук, 2014. - С. 91-93.
10. Boukis A. Achieving favourable customer outcomes through employee deviance // Service Industries Journal, 2016. № 36 (7-8). P. 319-338.
11. Schaefers T, Wittkowski K, Benoit S., Ferraro R. Contagious effects of customer misbehavior in access-based services // Journal of Service Research. 2016. № 19 (1). P. 3-21.

1.2. Девиантное и аддиктивное поведение как социально-педагогическая проблема

XXI век представляет собой период социально-антропологической напряженности. Выводы современных философов, социологов, психологов - всем, кто занимается вопросами социальной философии – наше время, время конфликтов в отношениях «человек – общество».

Северный Кавказ является наиболее проблемным регионом России и одновременно важной концентрацией сухопутных, морских и воздушных коммуникаций, связывающих Европу и Азию. После распада Советского Союза Северный Кавказ часто ассоциируется с понятиями «теракты», «конфликты», «нестабильность», «нарушения прав человека», на основе которых формируются устойчивые фобии и негативные стереотипы. Следует иметь в виду, что эта территория характеризуется высоким уровнем этнокультурного разнообразия. Представители ислама, христианства, буддизма, иудаизма веками жили бок о бок, создавая удивительное место с более чем 150 этническими группами, где история провела уникальный эксперимент по созданию мультикультурного пространства.

Однако, в процессе исторического развития на Северном Кавказе происходит не только развитие государственного суверенитета, но и попытки создания национального суверенитета, в деятельности народов этносы могут проявлять стремление не только определить характер своей национальной жизни (культура, образование, обычаи, традиции и др.), но и иметь свой суверенитет.

Задача системы образования в области формирования толерантности на Северном Кавказе предполагает выработку такого подхода, при котором в приоритете привитие общечеловеческих, общечеловеческих ценностей должен активно развиваться и развивать

интерес к национальному, этническому, нравственному, родному языку, традициям и обычаям своего народа.

М. Как отмечает М. Бубер: «Характерной чертой нашего кризиса является изменение отношения человека к вещам и коммуникациям, созданным его собственным трудом или косвенным участием. Человек не может противостоять миру, который является творением его собственных рук ... вот почему человек столкнулся с ужасной реальностью, смысл которой заключается в том, что создатель демонов перестал быть их хозяином» [1].

Какие демоны были созданы умами и творениями многих людей? Демоны удовольствия, но не те удовольствия, о которых говорил в своих трудах античный философ Эпикур, создавая систему с точки зрения мировоззрения эпикурейцев, подчеркивая то, что является естественным и необходимым для жизни, естественным, но необходимым для жизни, необходимым для жизни и неестественным. Философ первым призвал действовать и избегать других.

Согласно эпикуру, счастье - это удовлетворение желаний, то, что приносит человеку удовольствие, то есть отсутствие страданий, счастливая жизнь, гармония здорового тела и спокойной души. А. А. Грицианов утверждает, что для эпикурейства сущностью является, прежде всего, получение духовного удовольствия, не зависящего от внешних факторов, обстоятельств [2].

Могут ли факторы, созданные людьми, нарушать личность человека и, прежде всего, подростка? Отечественные исследователи Дж. И. Гилинский и В. С. Афанасьев относят девиантное поведение к категориям алкоголизм, наркомания, преступность, проституция, гомосексуализм, азартные игры, компьютерная зависимость [3].

В нашем современном российском обществе выделение девиантных форм поведения, которые остаются в основном традиционными, осуществляется на основе существующих социальных норм, ценностей, часто религиозных традиций, традиционной морали, принятой и утвержденной в обществе.

Но что такое общество? От имени общества кто определяет и определяет поведение, которое считается девиантным, неправильным, а иногда и опасным?

Современная цивилизация, российское общество находятся на переходном этапе. Это пример социальной дезорганизации, которая является одной из причин девиантного поведения.

В социальной философии, социологии существует ряд теорий, в которых научно объясняются причины социальных отклонений. Это биологические и психологические теории, которые лежат в основе девиации, наркомании, биологической, наследственной хромосомной основы.

Рассматривается теория «аномии общества», то есть его нестабильности, потери поддержки и контроля над социальными институтами и ряд других теорий. В целом можно сделать следующий вывод: «причинами девиантного поведения могут быть как субъективные, так и личностные (несоответствие принятым в обществе ценностям, неэффективная социализация, бытовые проблемы и объективные, социальные (нарушение порядка в обществе, ослабление социальных связей и социального контроля)» [4].

В. И. Добренко и А. И. Кравченко отмечает, что отклоняющееся (девиантное) поведение-это собирательный термин, включающий в себя три или более специфических формы нарушения социальных норм: собственно девиацию, правонарушение и преступное поведение [5].

Девиантное поведение означает отклонение, которое не влечет за собой уголовного наказания.

Делинквентное поведение - это противоправные действия, наказуемые в административном порядке. Преступное поведение - это действия, которые можно классифицировать как преступления.

При анализе современного общества социальная философия уделяет особое внимание наиболее уязвимой его части – подросткам, молодежи.

В аналитическом отчете общественной палаты РФ говорится, что в настоящее время более 80% подростков употребляют алкоголь, совокупный возраст которых снизился с 17 до 14 лет. По официальным данным, увеличение числа потребителей наркотиков составляет около 4 миллионов человек. 5 миллионов студентов попробовали наркотики.

В докладе отмечается, что 65% опрошенных подростков имеют постоянный опыт курения сигарет, в то время как 29% детей курят сигареты [6].

Наркомания, токсикомания, игровая зависимость, проституция, табакокурение, вообще детская преступность – это философия современной цивилизации, в которой, в отличие от философии гедонизма, эпикурейства, основным принципом которой является «отнимать все у жизни», добывать Высшие ценности, не ища их, бессмысленно, без анализа средств. Ценности, которые в конечном итоге приводят к «кайфу».

Молодежь получает его непосредственно из того, что дает общество, определенные социальные группы, средства массовой информации, родители. Все мы должны помнить, что большинство зависимостей создаются в условиях, созданных обществом, родителями, школой. И здесь главное-отсутствие внимания в семье, в школе. Подросток одет, одет, Чучело, но он внутренне одинок, психологически безразличен, никому нет дела до его чувств, переживаний, интересов.

Чаще всего такие подростки, дети, становятся носителями девиантного и делинквентного поведения, подвержены аддикции.

А. В. Юрьевич отмечает, что в России 12% подростков употребляют наркотики, более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в нашей стране, около 1,5 млн детей не ходят в школу, современная Россия насчитывает 40 тыс. несовершеннолетних заключенных., что в 3 раза больше, чем в СССР в начале 30-х годов [7].

Социальная философия с учетом единства противоположностей считает, что в целом причиной наркомании и девиации является психологическая запущенность и гиперопека. Последние не формируют навыков самоконтроля и самоконтроля.

Те, кто общается с подростками, должны помнить, что искусственное сдерживание путем запретов, наказаний проявление девиаций ведет к усилению аддиктивных проявлений.

Не анализируя жизненные ситуации, личностные качества других людей, понятия «хорошо» и «плохо», необходимо понимать, что ситуативное поведение может быть запрограммировано и подчинять волю подростка случайным, ошибочным, произвольным мнениям. Основной вопрос философии образования заключается в том, что делать с подростками, когда мы учим их читать и писать? Как проходит процесс воспитания личности? Воспитывать их в духе мира или войны? Воспитание через призму философской антропологии должно быть идеалом духовности, веры и веры – главное в борьбе с вредными привычками, различными отклонениями. Нет уверенности в том, что реальность хороша (семья, школа, друзья, вокруг пустота, во всем нет смысла, разочарование, все

неправильно), и подросток готов стать зависимым от наркотиков или алкоголизма, проституции и игр. Невежество и серый цвет – основа девиации. Нужно ощутить часть радостей жизни и пагубных проявлений и посмотреть на яркие картины.

Следует иметь в виду, что проблемы девиации сегодня особенно важны, потому что возможностей, информации, соблазнов так много, как 10 лет назад.

Проанализировав сущность и пути развития, проявления зависимости, проведем глубокий анализ следующих факторов.

Прежде всего, это связь аддиктивного поведения с современным обществом, его экономическими, социальными, культурными, религиозными компонентами. Развитие социально-философских концепций, отношение личности к социальным нормам общества, перспективы развития общества и личности. В целом, аддиктивное бессознательное – это уход от реальности путем изменения своего психического состояния [7].

Черниговская Э. С., указывает на ценность и необходимость философского подхода к анализу проблем девиации и наркомании.

Важным моментом при оценке этих проблем является включение в список зависимостей не только пристрастия к определенным веществам (алкоголь, наркотики и токсические вещества, наркотики), но и изменение у подростков менталитета через виды действий (компьютер, азартные игры, переедание, голод, секс, длительное прослушивание музыки и т.д.) [8].

В социальной философии менталитет, менталитет – важнейший элемент, определяющий поведение человека, через призму сознания, духовной жизни общества, в данном случае личности, подростка. В. А. Шкуратов включает в понятие менталитета множество компонентов. К ним относятся социокультурные факторы, влияние на экономическую, политическую, религиозную жизнь общества, природные факторы, такие интересные потребности человека как биологическое существо, специфическая природа человека. Сознательные и сознательные факторы, оцениваемые человеком, и бессознательные и сознательные факторы, не понимаемые самим человеком, эмоционально-психологические факторы (отношения, влияния) являются личностными факторами, корни которых лежат в интимных глубинах человека [9].

Действительно, явление девиации и наркомании является проявлением бытия человека в его оптимальной, но реально существующей форме.

Социальные, культурные, экономические, семейные и другие факторы, быстрая смена ценностей давно изменили менталитет человека и (хотя и частично) его иммунную систему от отклонений в поведении. Социальные нормы изменяются и становятся девиантной социальной нормой.

Многие подростки, воспитанные на социальном комфорте, из – за смены менталитета приходят со своим антиподом – девиантным поведением.

Родители, педагоги, в общем-то, те, кто с подростками, должны четко понимать, что подростковый возраст – это особый период в жизни каждого человека. Любой человеческий организм особенно чувствителен к воздействию таких токсических веществ, как наркотики, то есть алкоголь, никотин, наркотики в подростковом возрасте. Следует иметь в виду, что под зависимостью следует понимать не только вредные привычки, но и фактор, угрожающий жизни подростка, здоровью его будущих детей.

Основой образовательного процесса педагогического коллектива является философия формирования гражданской идентичности через этническое развитие, в сфере поликультурного образовательного пространства, где образовательным учреждением является.

Образование выступает сегодня наряду с общекультурной и профессиональной подготовкой подрастающего поколения на определяющем уровне формирования жизненной позиции и достоинства человека, в области, ранее именовавшейся международным образованием.

Педагогический состав техникума определяет цели и задачи воспитания и обучения учащихся и студенческого коллектива. Формирование умений и навыков решения учебно – воспитательных задач при взаимодействии с учащимися разных национальностей, их родителями, представителями диаспор и различных конфессий – основа получения специальной профессиональной квалификации – этнопедагогической компетентности.

Перед педагогами техникума создаются условия для межэтнического общения на всех этапах формирования личности ребенка (основной детский сад, школа, СПО, во), основной целью которых является формирование ценности личности, интереса к другому человеку, его внутреннему миру, его инаковости. В основе всей деятельности лежит философия развития свободного независимого мышления, критичности к самому себе, своим поступкам, основанным на твердых человеческих ценностях. В вузовской практике используются занятия, лекции, семинары, раскрывающие поликультурные, многонациональные, разнообразные мировые преимущества Кавказских Минеральных вод, Северного Кавказа, России в целом.

Через такую систему образования и воспитания может быть налажен фундаментальный межэтнический диалог. В результате особое внимание должно уделяться массовому сознанию менталитета людей, их взглядам, интересам, этнической самобытности, их связям друг с другом, развитию межнациональных связей через другие сферы.

Если социальные связи внутри группы крепки и строятся по принципу комплимента, т. сознательное чувство симпатии к «своему», то межнациональное общение нуждается в обязательном внешнем воздействии. Это влияние идет через школу, книги, фильмы, средства массовой информации.

Э. Н. Назарян и Д. Д. Жиров отмечал: «Вся жизнь человека должна быть направлена на поддержание гомеостаза – постоянной внутренней среды организма. Отклонения биологических констант от нормы приводят к возникновению потребностей в их возвращении в норму (или их разрушении)» [10].

В подростковом возрасте усиливается влияние социальных факторов, т. в основе поведения мальчиков, девочек лежат не только биологические, но и социальные факторы, которые диктуют «моду» на разрекламированные пищевые предпочтения - алкоголь, табак, наркотики.

Итак, переедание, гиподинамия, алкоголизм, курение табака, наркомания, токсикомания, игровая зависимость – объекты анализа социальной философии.

Современная наука довольно сложно определяет понятие девиантного поведения. Как отмечал Ю. Волков: «... понятие девиации достаточно широкое. Ведь девиация-это любое поведение, не одобренное обществом, от сексуальных извращений до коррупции государственных чиновников. Проблема девиации стоит на самом общем уровне социальной теории ...» [11].

Однако есть несколько факторов, которые могут привести к нарушению социальных норм. Аномалия в обществе обусловлена особыми социальными условиями, при которых общество, государство предлагают общеизвестные символы жизненного успеха, но при этом реальные возможности его достижения ограничены. Итак, рождается ретритизм, бунт, т. е. настроение человека или группы людей, чаще всего молодых людей, подрост-

ков. Возникает желание общаться с молодежью, подростковой, криминогенной средой, бороться с «благородной» частью общества, родителями, учителями посредством жестокости, наркомании, алкоголизма – т.е. проявление уже аддиктивных составляющих.

Социальная философия, рассматривая условия развития в целом, обращает внимание на влияние привычек на то, как функционирование общества нарушает развитие общества и личности.

Н. А. Сирота отмечает: «Человек теряет способность общаться, любить, понимать других, учиться. Другие последствия-конфликты в семье, школе, нарушение закона, постоянная ложь себе и другим людям, одиночество» [12]. Рассматривая проблему девиации и наркомании с точки зрения философского осмысления развития общества, личности, индивида, социальных групп, необходимо исследовать психологическую природу (психологию) индивидуальной истории каждого человека (психоанализ), возможность создания такой системы ценностей и норм. не оставляющей ничего, выходящего за пределы допустимых законов человеческих потребностей - (Философия права), создание условий для гармоничного развития личности и удовлетворения ее потребностей с учетом влияния экономических, социальных, политических факторов (социология, экономика, политология) (мораль, социальная политика).

Философия рассматривает девиацию шире, чем социология, психология, право и ряд других наук. Это связано, прежде всего, с тем, что такое поведение подростка неприемлемо с точки зрения общества и ведет к разрушению личности, а значит, грозит гибелью человечества, это одна из глобальных проблем. Мир, состоящий из агрессивных, лживых, вороватых, зависимых людей, разрушается сам по себе.

В научной литературе под девиантным поведением понимается нарушение процесса усвоения и воспроизведения социальных норм и ценностей в конкретном обществе, социальной среде, совокупности социально-нравственных норм и ценностей, а также процесс саморазвития и саморегуляции личности в обществе, к которому она принадлежит [13].

Признавая психиатрический подход к анализу причин девиации и наркомании, философия рассматривает и допускает применение анализа и других факторов, прежде всего социальных, психологических, морально-этических, идеологических. Влияние социальных, экологических, социализирующих агентов, предоставление подросткам особых прав, недостаточная правовая культура, низкая самооценка подростка, различие между личными потребностями и социальными нормами, вхождение в кризисные ситуации и в «кризисный период» в кризисном - комплексе причины девиации и наркомании вытекают из призм философского анализа.

Л. М. Шипицын отмечает, что «то, как взрослые реагируют на проявления зависимости, во многом будет зависеть от качества изменений, которые происходят с ребенком. Самые опасные негативные проявления невозможно не заметить, так как они могут прочно закрепиться и развиваться, но при чрезмерной настойчивости и общем контроле нельзя «перегибать палку»: это может привести и к усилению негативных проявлений, и к патологическим изменениям характера» [14].

Определение отклоняющегося поведения (девиантного) как отклонения от социальных норм с философской точки зрения следует рассматривать такие виды отклонений, как эгоистический, агрессивный и социально-пассивный [15, 16].

Социально-пассивное отклонение выражается в нежелании решать собственные и социальные проблемы, уклонении от гражданского долга, учебы, употребления различных психотропных веществ, погружающих подростка в мир иллюзий, суицида.

В основе этих и других аномалий лежит понятие зависимости, т.е. рабская привязанность - это зависимость от власти, которая не зависит от нее. В переводе с английского наркомания - отклонение от чего-либо, вредная привычка. На латыни-человек, приговоренный к рабству за долги.

Психолог, социолог, философ В. П. Короленко. ввел в лексикон термин «аддиктивное поведение», который указал, что аддиктивное поведение - это деструктивное поведение, которое выражается в желании уйти из реальности принимая, употребляя различные вещества, которые провоцируют различные искусственно созданные эмоции» [17].

Ученые отмечают, что на сегодняшний день употребление психоактивных веществ и нарушение пищевых традиций, азартные игры (всевозможные пристрастия к компьютерным играм, увлечение социальными сетями), сексуальная зависимость, религиозный экстремизм, фетишизм и многое другое. С. А. Кулаков определяет аддиктивное поведение как злоупотребление психоактивными веществами, которое сочетается с последствиями ухудшения социальной активности, как правило, с другими видами поведения [18].

Сейчас понятно, что решить проблему наркомании только силами специалистов практически невозможно. Масштабы и темпы роста наркомании, алкоголизма и других негативных явлений свидетельствуют о необходимости общепсихологической, общеполитической, общепедагогической концепции профилактики зависимостей.

При решении этой проблемы необходимо ломать общественное сознание. Рассматривая предметные области социальной философии, следует исходить из двух позиций.

Прежде всего, это философские воззрения общества не только на общую целостность, но и на его историческую эволюцию, то есть на решение конкретных философских проблем, на производство, на развитие, то есть на выявление и анализ философского потенциала общества, социального существования человека.

Вторая сторона сущности социальной философии очень важна для анализа феномена отклонений и зависимостей. В. С. Как отметил Барулин: «...это область социального обоснования философских проблем» [19].

С точки зрения философии эта проблема заканчивается несколькими очевидными противоречиями.

Человек, часть подростка - это общество, его функциональная единица, но это также субъект общества как субъекта творения.

Это должно касаться каждого человека, который не повторяется сам по себе, усвоения, социального опыта, свободы, набора стереотипов и элементов личной свободы. «Человеческая личность, - справедливо писал В. С. Соловьев, - и, поэтому каждый человек имеет возможность реализовать либо бесконечную реальность, либо особую форму бесконечного содержания. В сознании человека есть бесконечная возможность получить больше и больше истинного знания о содержании всего» [20].

Очевидно, что общество оказывает огромное влияние на человека, оно является продуктом общества, всей человеческой истории, а также является человеком, равным этому обществу, способным в то же время отдалиться от него, создать свой, порой странный для общества мир.

Социология, анализируя это противоречие, делает выводы. Личность, созданная обществом, семьей, коллективом «для себя», является не только продуктом общества, но и его конкурентом. Создавая личность, общество создает ее отрицание, отрицание установленных норм социального поведения. Общество программирует человека, но, развивая интеллектуальный, творческий тип личности, он создает свое новое поведение, реализует их и приобретает способность действовать заранее и без какой-либо программы.

Яспер К. подчеркивал, «Человек может быть неполным, поэтому он должен вовремя измениться, подчиниться всем новым судьбам. Каждый из его образов находится в мире, который он создал с самого начала, в зародыше разрушения» [21].

Философия выводит человека за пределы своей животной идентичности, он эксцентричен, т. е. постоянно пытается выйти за пределы социального существования и пытается его изменить. Плесснер Х. пишет: «Эксцентричность является характерной формой человеческого решения, связанного с окружающей средой» [22].

Признание подростка частью общества, программирующим его через социальные нормы, закладывает алгоритмы его поведения, философия признает личность, право подростка на самопрограммирование, социальную трансцендентность. Подросток уникален, равен обществу, потенциально свободен, потенциально не распределен. Н. А. Бердяев писал: «Каждый человек по своей внутренней природе есть великий мир – микрокосм... это великий мир, в котором сознание человека все еще может быть закрыто, но расширение и просветление его сознания открывается изнутри» [23].

Часто у человека, подростка, возникает вопрос, а зачем ему – индивиду – общество?

Ведь создавая общество, развивая общественное сознание и общественное сознание, мы не создаем гармоничного, счастливого, благополучно организованного мира. Создавая такой мир, общество тут же предлагает его подросткам, молодежи, но ты меня успокаиваешь, а я тебя выбрасываю в мир – это элемент социального протеста молодежи. Необходимо понимать, что общество - это не только комната для хранения социальных норм, достижений человечества, но и живая, постоянно развивающаяся ткань, сущность, принимающая вклад и сущность каждого молодого человека. Влияние общества, масс, социальных групп, коллектива на индивида необходимо продолжать понимать философскую концепцию приматов. Сегодня, видя и давая философскую, социальную, педагогическую оценку формирования менталитета личности, становится очевидным влияние личности на формирование менталитета общества, определенной социальной группы.

Список литературы

1. Бубер Н. Проблема человека // Я и ты. - М., 1993. - 112 с.
2. Новейший философский словарь. – Минск. Книжный дом. 2003. - 1230 с.
3. Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. - Санкт-Петербург, 1993.
4. Латышева В.В. Социология и политология. - М., Юрайт 2017. 236 с.
5. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология в 3 т. Т. 3. Социальные институты и процесс. – М., 2000. с. 448.
6. Социальный портрет молодежи РФ / Аналитический доклад. Общественная палата РФ. - М., 2011.
7. Юревич А.В. Нравственное состояние современного Российского общества // Социологические исследования. - 2009. - № 10. - С. 71.

8. Черниогло Е.С. Философский анализ аддиктивного поведения как проявление социальной девиации.
9. Гуречич А.Я. Исторический синтез «Школа аналог». - М., 1993. - 1995 с.
10. Назарова Е.Н., Жиллов Ю.Д. Основы медицинских знаний и здорового образа жизни. М., «Академия», 2012. - С. 155.
11. Волков Ю.Г. Социология. - Ростов-на-Дону: «Феникс», 2012. - С. 424.
12. Сирота Н.А. Руководство по профилактике злоупотребления психоактивными веществами в студенческой среде: - Москва: Социальный проект. - 2003. - С. 49.
13. Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением / Под. ред. Н.И. Рожкова. - М.: Владос, 2001.
14. Профилактическая работа с несовершеннолетними различных групп социального риска по злоупотреблению психоактивными веществами / Под ред. Л.М. Шипициной, Л.С. Шпилене. - М., 2004. - С. 158.
15. Девиантное поведение несовершеннолетних. - М., 1999.
16. Попов Ю.В. Профилактика алкоголизма подростков с девиантным поведением. - Л., 1987. - С.115.
17. Короленко И.П., Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития// Обзор психотрипсии медицинской психологии им. Бехтерева. – 1991, - №1. - С. 8.
18. Кулаков С.А. Диагностика и психотерапия аддиктивного поведения у подростков. - М.: Академия, 1998.
19. Барулин В.С. Социальная философия. – М., Фиар Пресс, 1999. – С. 3.
20. Соловьев Л.С. Соч. в 2 т. М., 1900. - Т.1. - 282 с.
21. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. - М., 1991. - С. 411.
22. Плеснер Х. Ступени органического в человеке // Проблема человека в западной философии. - М., 1988. - С. 126
23. Бердяев Н.А. Смысл истории. - М., 1990. - С. 19.

1.3. Понятия девиации и девиантного поведения в психологии¹

Девиантное поведение считается поведением, которое не соответствует социальным нормам-ожиданиям.

Под девиантным поведением понимаются такие отклонения от социальных норм, которые влекут негативные реакции общества в виде осуждения, принудительного исправления нарушителя (лечения), изоляции от общества, например, в виде, тюремного заключения, вплоть до лишения жизни (смертной казни).

Г.В. Апинян считает понятие девиации наиболее общей категорией, которое терминологически «фиксирует» категорию отклоняющегося (девиантного) поведения как внешнего проявления в поведении девиантности (внутренней стороны девиации). Таким образом, в девиации внутренняя сторона, относящаяся к личности – это девиантность, а внешняя – это девиантное поведение [2].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект программы «Приоритет 2030» № 2-УП от 31.01.2022.

Г.В. Апинян под девиантным поведением понимает «поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным (правовым) или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям в отношении традиций, обычаев и морали [там же].

В таком же ключе с самого начала научного изучения данного феномена его рассматривали Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Н. Смелзер и др.

Э. Дюркгейм рассматривал отклоняющие формы поведения как отражение царящей в обществе аномии, то есть разрушения прежних систем норм и ценностей, скреплявших общество ранее, без создания вместо них новых регуляторных систем. Аномия создает как бы зазор между состояниями нормативной регуляции общества, что автор назвал социальным вакуумом [3].

Рассогласование заданных обществом целей и недостаточными возможностями легитимно их достичь задает процесс постоянного продуцирования девиантного поведения, с точки зрения Р. Мертона [См.: 8].

В теориях личности многими авторами рассматривались механизмы и особенности нормального и отклоняющегося развития (Л. Хьел и Д. Зиглер) [24].

Так, З. Фрейд считал девиантное поведение следствием психических отклонений, в частности нарушения психосексуального развития человека. Уже его ученики оспаривали ведущее значение в формировании личности человека сексуального фактора и рассматривали в той или иной степени влияние социальных причин как на нормальное, так и на девиантное формирование человека [23]. А. Адлер указывал на важнейшую роль в данном процессе ближайшего окружения, в частности семьи [1]. Э. Эриксон рассматривал факторы культуры и социума как ведущие, с позиции его эго-психологии, в формировании нормальной и девиантной личности [26; 27].

Ю.А. Клейберг дает следующее определение девиантного поведения. Это «любое отклонение от одобряемых обществом социальных норм, нарушение правовых норм, разные виды социальной патологии (убийство, наркотизм, алкоголизм и т.п.), а также социальное творчество. Тем не менее, девиантное поведение всегда взаимосвязано с каким-либо несоответствием поступка субъекта», его действия общественным ожиданиям [5].

Сходным образом понятие девиантного поведения рассматривается большинством ученых, при этом могут акцентироваться те или иные его стороны. Так, А. Коэн, относит к нему поведение, не соответствующее социальным ожиданиям, сложившимся и институционализированным в том или ином обществе, которое связано с неблагополучием в развитии личности [10].

И.А. Невский рассматривает любые формы социального поведения, не соответствующие установленным в обществе нормам, как относящиеся к девиантным [15].

Девиантное поведение представляет собой, в терминологии И.И. Черёмушниковой и Е.С. Барышевой, противоречащие хотя бы одной из комплекса норм, принятых в обществе (правовых; нравственных; эстетических). Девиантное поведение представляет собой отдельные поступки или их систему, которые можно распознать по «несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде уклонения от нравственного и эстетического контроля за собственным поведением» [25, с. 5].

И.И. Черёмушникова, Е.С. Барышева под девиантным поведением понимают любое нарушение (отклонение) от правовых, нравственных и эстетических норм (законопослу-

шания, общечеловеческих ценностей и этикета), а также систему таких отклонений. Нарушение может быть разной степени выраженности и представлять собой однозначно понимаемые (абсолютные) критерии или же нефиксированные законодательно, передающиеся устно в традициях, верованиях, регламентациях семейной жизни и профессиональной деятельности (относительные) [25, с. 7].

Многие авторы отмечают, что девиантное поведение может быть самым разнообразным, но все его виды вытекают из аморальных привычек, закрепленных в поведении. Девиантное поведение является закономерным итогом развития аморального поведения: от отдельных поступков – до устойчивой направленности личности.

Девиантное поведение рассматривается на индивидуальном (как индивидуальный поведенческий акт – проступок одного человека, несоответствующее общественным ожиданиям и нормам поведение отдельной личности) и на социальном уровнях (как социальный феномен – то есть имеющий массовый характер и устойчивость в деятельности, и также не соответствующий ожиданиям и нормам более широких социальных групп, всего общества). При этом, по мнению А. Коэна, понятия девиации (отклонения), девиантности (*deviance* в значении «отклоняемости») или социальной девиации (социального отклонения) стали использовать для обозначения социальных эффектов, признаками которых являются массовость, устойчивость и распространенность при сходных социальных условиях» [10, с. 520-521].

На индивидуальном уровне девиантное поведение изучают психология и педагогика, криминология и др., а также различные поведенческие науки (например, этология, зоопсихология). На социальном уровне – социальная психология и социология, политология и др. На обоих уровнях проблему отклоняющегося поведения рассматривают философия, антропология, теология и др., где она анализируется как общая проблема человекознания, «вечная» проблема.

Определение понятий девиации и девиантного поведения невозможно без обращения к категории, которая выступает смысловым противопоставлением девиации, а именно – нормы. Соответственно девиантное поведение противопоставляется нормативному поведению и обычно рассматривается в логической соотнесенности к нему. При этом имеются в виду социальные нормы, регулирующие взаимодействия людей в обществе. Поэтому девиантное поведение как таковое характеризует только человека, как и нормативное поведение.

Девиации не могут быть без норм и наоборот, определение нормы всегда подразумевает, что существуют ее границы, за рамками которых начинаются девиации разной степени выраженности. Нормы и отклонения от них являются единым процессом и не могут существовать по раздельности, как и процессы, согласно Н. Бору, организации и дезорганизации, энтропии (степени хаотичности и неупорядоченности) и негэнтропии (степени организованности и упорядочения). «Порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира» [20], что обеспечивает «подвижное равновесие» (А. ле Шателье) или «устойчивое неравновесие» (Э. Бауэр), устойчивость и сохранение системы через ее изменения (Г.В. Апинян). Конечность и смертность существования и неизбежность энтропийных изменений позволяют, согласно точке зрения Г.В. Апиняна, рассмотреть девиацию как «прорыв тотальной жизнедеятельности через (сквозь) социальную форму» [2].

Ученые разных направлений отмечают относительную консервативность и стремление к стабилизации таких социальных структур, как семья, школа и в целом система

образования, их охранительное (иногда чрезмерное) сопротивление всяким инновациям. Это свойство стремления к устойчивости и наличие реагирующих на девиации механизмов борьбы с ними являются атрибутивными характеристиками социальных систем (а также сложных систем), как и возможность изменений, динамики в некоторых нормативных пределах (границах, рамках, в биологии – нормы реакции).

Э. Дюркгейм, Г. Беккер, Ж.-Н. Фишер и др. считали, что в обществе одновременно существуют, как и в природе (Ю.А. Клейберг), два противоположных начала – к упорядочиванию процессов (нормативности) и к их изменениям (безнормности). Поэтому определенный уровень девиантности, безнормности, хаоса всегда присущ обществу из-за его несовершенства (Г. Беккер) или даже для возможности динамики и необходимых перемен (Э. Дюркгейм). Обществу следует поддерживать оптимальное соотношение нормативности – девиантности и не позволять значительно изменять уровень отклонений [6].

Отметим, что в отношении биологической организации – на организменном уровне – эти тенденции ярко проявляются в человеческих популяциях (то есть в отношении биологического понимания группового уровня человека) в форме наследственности и изменчивости (комбинативной и мутационной). Причем оба вида изменчивости лимитируются границами нормы реакции, за пределами которых организм погибает и не участвует в передаче наследственности своих биологических возможностей в следующих поколениях.

В онтогенезе человека нормативность или девиантность развития его организма регулируется гомеостатическими механизмами, стабилизирующими функциональные показатели деятельности различных систем: температуры тела, уровня обмена веществ, уровней углеводного, липидного, водно-солевого обмена, соотношением таких противоположно направленных процессов, как катаболизм (распад старых структур, стабилизация роста, затухание, смерть) и анаболизм (образование новых структур, рост, развитие, изменение), структурами, регулирующими работу генетического материала (различные виды иммунитета, антимикробные свойства слюны, чистой и здоровой кожи, слизистых оболочек, плацентарный, гемоэнцефалический барьеры и т.д.).

Интересно, что в МКБ-11 термин «девиация» относится только к медицинским диагнозам, например, говорится о девиации пищевода, девиации мочеочника, трахеи, пальца кисти и т.д. [14].

В рубриках, относящихся к поведенческим расстройствам, термины «девиация», «девиантное / отклоняющееся поведение» не употребляются. Это свидетельствует о том, что данные понятия относятся не к области медицинской и психиатрической, это не заболевания как таковые, по которым может быть проведена статистика смертности и заболеваемости. Это феномены социально-психологические, в крайнем выражении – правовые и криминальные [21].

В словаре «Новая иллюстрированная энциклопедия» термин «девиация» рассматривается в шести значениях, каждое из которых подразумевает девиацию (отклонение) как некоторое нарушение нормальности, уклонения от того или иного эталона в разных областях жизни. Произошел он от позднелатинского слова «deviatio», означающего отклонение.

Так, в первом значении девиация – это «отклонение движущегося тела (корабля, самолета, снаряда и т.п.) от заданного направления движения (расчетной траектории) под влиянием каких-либо случайных внешних причин».

Во втором значении – слово относится к магнитному компасу. Это отклонение стрелки компаса из-за находящихся рядом намагниченных тел от магнитного меридиана.

Причиной может быть стальной корпус судна. Такая девиация «устраняется вспомогательными магнитами».

В третьем значении девиация есть «наибольшее отклонение частоты от среднего значения при частотной модуляции».

Четвертое значение указывает на вариант филэмбриогенеза, при котором предположительно считается, что на средней стадии формирования зародыша наступает отклонение формирования какого-либо органа от предковых форм. В результате изменяется строение этого органа у взрослого организма.

Пятое значение девиации рассматривается здесь как синоним девиантного поведения, что в социальных науках означает отклонение от общепринятых в конкретном обществе норм и правил. Как пример приводится преступное поведение, правонарушения, наркомания и алкоголизм – то есть наиболее часто встречающиеся формы девиаций, а также наиболее опасные в отношении сохранения целостности общества.

И наконец, в шестом значении девиация рассматривается с экономических позиций как «изменение цен биржевых товаров, курса ценных бумаг под влиянием форт-мажорных обстоятельств» [16, с. 26].

Как видно из перечисленного списка значений девиации, в каждом из них остается общий смысл – разная степень нарушения некоторого порядка, стандарта, нормы. Получается, что понимание одного понятия зависит от другого, в данном случае для определения понятия «девиация» необходимо сначала указать на понятие «норма». Однако четкости и согласия в понимании нормы не наблюдается не только в разных научных направлениях, но и в самой девиантологии по отношению к социальным нормам.

Отметим, что не все ученые принимают равнозначно как синонимы категории «девиация» и «отклонение», эта разница распространяется и на связку понятий «девиантное поведение» – «отклоняющееся поведение». Так, в социологии А.И. Кравченко указывает на удобство, которое создает наличие двух терминов: «девиация» и «отклонение», так как позволяет более детально выстроить их градацию по степени выраженности отклоняющегося поведения как обобщающей категории для включенных в него: девиантного – деликвентного – криминального поведения. При этом, согласно А.И. Кравченко, минимальной тяжестью отклонений характеризуется девиантное поведение – это разного рода незначительные негативно оцениваемые проступки, не подпадающие под квалификацию административных нарушений. Степень выраженности отклонений нарастает в деликвентном поведении, под которым подразумеваются административные нарушения. Максимальной выраженностью отклонений характеризуется криминальное (или преступное) поведение, которое включает отклонения, расцениваемые как преступления и входящие в юрисдикцию уголовного законодательства. То есть отклоняющееся поведение выступает обобщенной категорией и распадается на виды: от девиантного – к деликвентному, и затем доходит до криминального поведения [11].

Однако данная идея разделения значений понятий еще не нашла полного принятия в научном мире, в частности в отечественной психологии, в которой в большинстве случаев девиантное и отклоняющееся поведение рассматриваются как синонимы (Т.А. Донских, Е.В. Змановская, Ц.П. Короленко, А.Е. Личко, В.Д. Менделевич, Е.Б. Усова, Л.Б. Шнейдер, и др.) [7; 9; 12; 13; 17; 18; 22].

Близким, но не полностью перекрывающимся по смыслу понятием в отношении девиации, является термин «патология» или «социальная патология». Однако Г.В. Апинян считает эти слова («патология» и «социальная патология») неудачными, приводя в каче-

стве аргументов их значения. Так, слово «патология» переводится с греческого как «учение о страдании», как наука о болезненных изменениях структуры, функции и развития организма человека или животного, то есть рассматривается в биологическом (медицинском) ракурсе. Этот термин заимствован из медицины, но и в ней нет четкого определения и соответственно критериев нормы и патологии. Согласно мнению таких авторитетов, как И.П. Павлов и И.В. Давыдовский, нет четкой границы между нормой и патологией (болезнью). Последние сами выступают как специфические приспособления и варианты нормы.

Г.В. Апинян обращает внимание на однозначно негативный смысл понятия патологии, тогда как в отношении девиации есть двойное ее понимание – как отклонения от нормы в социально желательную и нежелательную стороны. Это также является аргументом неприемлемости применения термина социальных патологий вместо девиаций [2].

К.К. Платонов в составленном им словаре указывает на синонимичность категорий девиации (лат. *deviatio*) и аномалии (греч. *anōmalia*). Так, под аномалией автор понимает явления отклонений разной степени от норм. Такое же значение большинство авторов усматривают у слова «девиация» [19].

Девиантное поведение (*deviant behavior*) как понятие имеет аналогичную версию в отечественной психологии – отклоняющееся поведение – и в таком значении переводится с латинского слова *deviatio* – отклонение.

Отклоняющимся или девиантным поведением называется, еще раз подчеркнем, человеческое поведение. Очевидно, что у животных тоже есть некие нормы, хотя их так не называют – это закономерности их жизнедеятельности, помогающие выжить популяциям и отдельным особям. У них есть нарушения этих закономерностей, приводящие к постепенному или внезапному и стремительному вымиранию вида. То есть их «нормативность» задается биологическими целями – выжить и оставить потомство.

Для человека эти цели малы, он всегда ищет большего смысла, ради которого может пренебречь и даже отказаться полностью от этих стремлений выжить и оставить потомство.

Под девиантным поведением имеется в виду отклонение от некоего центра, хорошего, позитивного для жизни индивидуальной и общественной. В таком смысле девиантное поведение рассматривается как отклонение от оптимума жизненных процессов. При этом норма рассматривается как этот оптимум, наилучшее состояние подвижного равновесия общественного устройства (социальная норма) или же внутреннего состояния человека на всех уровнях – часто имеется в виду психологический и физический уровни, но мы добавим также социальный и духовный уровни).

Во втором значении под девиантным поведением понимается отклонение от таких значений нормального, в рамках которых вообще возможно наличие жизненных процессов, а за пределами этих значений нормальности они уже невозможны. То есть в таком случае границами нормы будут ее лимитирующие значения как максимально, так и минимально выраженные.

В качестве нормы (оптимальной и лимитирующей) чаще всего выступают социальные нормы, ценности, правила поведения, стереотипы, обычаи, традиции, обряды, мода, образ и стиль жизни, мораль и т.д. Все это привычное принятое и разделяемое большинством проявление отношений к чему-то или кому-то и между людьми и группами. В этом отношении, согласно мнению Л.С. Выготского, все нормы задаются изначально обществом, которые человек творчески перерабатывает и усваивает. Девиантное

поведение, перефразируя Л.С. Выготского, есть социальный вывих и отражение особой девиантной системы отношений в генезисе личности, которая перестраивает всю структуру личности. Это ответ личности на негативную социальную ситуацию личностного становления в определенные сенситивные периоды в отношении морального развития человека (по аналогии с психологическим и биологическими процессами).

Все определения нормы можно свести к двум крайним вариантам и разнообразным переходам от одного к другому: норма как среднее, наиболее часто встречающееся (реальное) выражение поведения (отношения) или норма как эталон (почти недостижимый и нереальный, а идеальный). Причем этот эталон может быть, как с положительной стороны как что-то, к чему следует стремиться (норма влечет к себе), так и с отрицательной стороны как к чему-то, чего следует избегать (отталкивает от себя – это некая отрицательная сторона нормы, своеобразная «анти-норма»).

Г.В. Апинян указывает, что девиантное поведение – это всегда несоответствие разных форм поведения человека или целых групп распространенным в обществе ценностям, правилам (нормам: формальным (правовым) или неформальным), поведенческим стереотипам и установкам, ожиданиям, ролям [2].

В результате могут быть девиантные нормы, стиль, ценности, образ жизни и даже идеи и взгляды [См.: 2; 28], которые расходятся с общепринятыми в основной культурной среде [5; 6].

В определениях девиаций и девиантного поведения авторы стремятся указать их существенные характеристики. Так, И.И. Черёмушникова, Е.С. Барышева под девиацией понимают отклонения «в ту или иную стороны с различной интенсивностью и в силу разнообразных причин от поведения, которое признается нормальным и не отклоняющимся» [25, с. 5].

Е.В. Змановская под девиацией понимает системное свойство субъекта, включенного в определенную систему, и отклоняющуюся от ее направления развития и законов функционирования, тем самым вызывая ее напряжение и дестабилизацию. Данное определение и учет других существующих подходов легли в основу предложенной ею междисциплинарной классификации социальных девиаций [4].

Понятия девиации и девиантного поведения, а также синонимичные им понятия отклонений и отклоняющегося поведения, по мнению Е.В. Змановской, являются социально-психологическими феноменами трех измерений и соответственно имеют три группы свойств: имеют структурно-уровневую организацию; содержательно-динамические характеристики и процессуально-временные границы. В основе девиации (отклонения) и девиантного поведения (поведения, отклоняющегося от социальных норм) находятся рассогласования в системах разного уровня: личность (или группа, субкультура) – общество. Промежуточным элементом в данной системе выступают социально-правовые нормы [4].

Ученый считает, что наличие отдельных актов поведенческих отклонений (девиаций) еще недостаточно для квалификации поведения как девиантное. Только если отклонения приобретают регулярный характер, они начинают переходить в девиантное поведение.

Е.В. Змановская отмечает, что девиация имеет компенсаторный характер и представляет собой особый искаженный (девиантный) вид адаптации к негативным условиям социальной среды и внутренним дезадаптивным особенностям собственной личности [там же].

Отметим, что в определении Е.В. Змановской просматривается релятивный (относительный) характер девиации, на который также указывают и другие ученые (Ю.А. Клейберг) [5; 6]. В данном случае точкой отчета является система с ее нормами. То есть в рамках системы ее части рассматриваются девиантными или нормативными. По-видимому, все это относится к социальной системе.

Девиациям свойственно распространяться, конечно, не без борьбы. Девиантные субкультуры, например, стремятся и могут так расширить свое влияние, что захватят большинство участников группы, населения в обществе и тогда девиации могут стать нормами. Остается неясным, может ли считаться нормальным поведение большинства в некоторых сообществах (например, в тоталитарном, фашистском режимах). На этот вопрос автор не дает ответа. Но с точки зрения подхода, когда определение норм привязывается к самому сообществу как к системе, в которую включен индивид, такая система откуда-то изнутри себя продуцирует свою безупречность, стремление самосохраняться, эволюционировать в лучшую сторону и т.д. Однако очевидными являются постоянные факты нарушения этой логики (процессы самораспада систем, их отрицательной динамики развития – самовыврождения, понижения продуктивности и т.д.).

Некоторым противоречием выступает указанные автором и другими исследователями девиаций возможности всей системы быть девиантной. Очевидно, что такие девиантные системы тоже считаются таковыми относительно еще более широких систем, в которые они включены. А те, в свою очередь могут стать девиантными относительно еще более широкого масштаба. И так можно двигаться до предела, которым выступает лимитирующие законы жизни на Земле. В данном случае авторы рассматривают не только социальные системы, но и уровень организма, как в определении девиации у Е.В. Змановской.

Вопрос остается в отношении социальной жизни человечества. Может ли стать абсолютно девиантным все общество и как долго в таком виде оно может оставаться существовать на планете?

Этот вопрос упирается в другую проблему – конечности жизни человечества. Такая конечность задается абсолютным распространением девиантности, о чем написано в Апокалипсисе.

Как видим, определений девиантного поведения и связанных с ним смежных понятий очень много, однозначность понятийного аппарата выработать, по мнению Г.В. Апиняна, затруднительно в связи со следующими объективными причинами: широким разнообразием форм девиантности; зависимостью самих определений от экспектаций (ожиданий) и нормативно-ценностного состояния социальной группы или всего общества; культурно-исторической изменчивостью понятий нормы и отклонений; противоречивыми оценками и невозможностью объективных оценок и всегда наличием субъективного отношения у самих ученых, занимающихся данными проблемами [2].

Г.В. Апинян указывает на еще не до конца сложившийся понятийный аппарат и достаточно широкую неопределенность понятий в девиантологии, что связано с молодостью науки.

Таким образом, нормы (мы говорим о социальных нормах, так как у них социальная природа) и девиации, девиантное поведения – это характеристики сугубо человеческие.

Рассмотрение проблемы девиантного поведения всегда согласуется с проблемой норм, относительно которых осуществляются отклонения поведения. Нормы и отклонения (девиации) от них наблюдаются на всех уровнях существования жизни и изучаются

разными науками, однако четкого представления в отношении обеих категорий не выработано, что отражается в признании релятивности обоих явлений и очевидно требует выхода из парадигмы относительности как недостаточной для объяснения проблемы. Возможно, что данная научная проблема нормы – девиации упирается в ограничения научного изучения и смыкается с другим уровнем – веры и религии.

Список литературы

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: [Сборник]; [Пер. с нем. А. Боковиков]. 2-е изд. – М. [и др.]: Питер, 2003 (ГПП Печ. Двор). - 248 с.
2. Апинян Г.В. О понятиях «девиация», «девиантность», «девиантное поведение» / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatiyah-deviatsiya-deviantnost-deviantnoe-povedenie> (дата обращения: 12.02.2024).
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. - М.: Канон, 1995. - 352 с.
4. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. - СПб.: Питер, 2010. - 352 с.
5. Клейберг Ю.А Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. - М.: Издательство Юрайт, 2016. - 290 с.
6. Клейберг Ю.А Социальная психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. - М.: ТЦ Сфера, 2004. - 192 с.
7. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. Руководство для врачей. - М.: Медицина, 1981. - 607 с.
8. Кондрашенко В.Т. Девиантное поведение у подростков: социально-психологические и психиатрические аспекты. - Минск: Беларусь, 1988. - 206, [1] с.
9. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. - Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1990. - 222, [2] с.
10. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения / Социология сегодня. Проблемы и перспективы: Америк. буржуазная социология середины XX в.: [Сборник статей]: Сокр. пер. с англ. / Общая ред. и предисл. [с. 5–21] проф. Г.В. Осипова. - Москва: Прогресс, 1965. - С. 519-551.
11. Кравченко А.И. Социология: учеб. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. - 536 с.
12. Майсак Н.В. Матрица социальных девиаций: Классификация типов и видов девиантного поведения // Современные проблемы науки и образования. - 2010. - № 4. - С. 78-86. - URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=4505> (дата обращения: 12.02.2024).
13. Менделевич В.Д. М50 Психология девиантного поведения. Учебное пособие. - СПб.: Речь, 2005. - 445 с.
14. МКБ-11 для ведения статистики смертности и заболеваемости (Версия: 01/2023) - URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/ru> (дата обращения: 12.02.2024).
15. Невский И.А. Подростки группы риска в школе: монография. - М.: Издательский дом «Городец», 2011. - 112 с.
16. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 6. Да – Жа. М.: Большая Российская энциклопедия, ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2005. - 256 с. (кн. 6).

17. Паатова М.Э., Бегидова С.Н., Хакунов Н.Х. Теоретико-методологический анализ социально педагогических феноменов «девиантное поведение» и «делинквентное поведение» подростков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. - 2012. - №. 1. - С. 96-104.
18. Патаки Ф. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психологический журнал. - Т. 8. - № 4. - 1987. - С. 92-102.
19. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: Учеб. пособие для учеб. заведений профтехобразования. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Высш.шк., 1984. - 174 с. - С. 11. URL: https://www.phantastike.com/common_psychology/short_dictionary/djvu/view/ (дата обращения: 12.02.2024).
20. Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. - 1991. - № 6. - С. 46–52. Илья Пригожин; Философия нестабильности. Перевод с английского: Я.И. Свирский. Журнал «Вопросы философии», № 6, 1991 год. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 02.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/875> (дата обращения: 12.02.2024).
21. Психические, поведенческие расстройства и расстройства нейropsychического развития. - URI: <http://id.who.int/icd/entity/334423054> или <https://icd.who.int/browse11/l-m/ru#/http%3a%2f%2fid.who.int%2ficd%2fentity%2f334423054> (дата обращения: 12.02.2024).
22. Усова Е.Б. Психология девиантного поведения: учеб.-метод. комплекс. - Минск: Изд-во МИУ, 2010. - 180 с.
23. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции: [Пер. с нем.]; [Коммент. М. Г. Ярошевского]. - Москва: Наука, 1989. - 455 с.
24. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. - СПб.: Питер, 2007. - 607 с.
25. Черёмушникова И.И., Барышева Е.С. Исследование девиантных форм поведения в студенческой среде: методические указания. - Оренбург: ГОУ ОГУ, 2008. - 109 с.
26. Эриксон Э.Г. Детство и общество / Эрик Эриксон. - Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2020. - 447 с.
27. Эриксон Э.Г. Трагедия личности: [перевод с английского]. - Москва: Эксмо: Алгоритм, 2008. - 253, [2] с.
28. McCaghy Ch., Carpon T. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition. Macmillan College Publishing Company, Inc., 1994; McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Fifth Edition. Allyn and Bacon, 2000.

1.4. Феномен девиантного материнства в местах лишения свободы

Девиантное поведение встречается не только у подростков, но и у матерей, содержащихся в местах лишения свободы с малолетними детьми. Тема актуальна в юридической психологии и подлежит глубокому изучению.

В отечественной и зарубежной психологии нет единого мнения относительно понятия девиантного поведения. «Существует целый ряд определений, близких по смыслу и содержанию» [8, с. 43]. Е.В. Змановская рассматривает девиантное (отклоняющееся) поведение как «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией. Отклоняющееся поведение выражает

социально-психологический статус личности на оси «социализация – дезадаптация – изоляция» [17, с.11-15].

В последние десятилетия современный мир «все чаще сталкивается с такой проблемой института семьи, как девиантное материнство [32, с. 144]. «Проведенные исследования позволяют рассматривать пенитенциарное материнство как одну из форм девиантного материнства и обуславливают необходимость целенаправленной работы с диадой «мать – ребенок» [3, с. 16].

Термин «девиантное материнство» был предложен К. Боннэ. В дальнейшем разработку данной проблематики продолжили В.И. Брутман, М.С. Радионова, С.Н. Ениколопова, М.С. Панкратов, Г.Г. Абрамченко, Г. И. Брехман и другие. «Девиантное материнство характеризуется нарушениями материнско-детских отношений, которые служат причинами снижения эмоционального благополучия ребенка и отклонений в его оптимальном психическом развитии в младенческом, раннем и дошкольном возрастах. Признаками девиантного материнства являются открытое пренебрежение к ребенку, насилие по отношению к нему, отсутствие материнской привязанности, деформация эмоционального присоединения к ребенку» [22, с. 33-36]. Но общение с детьми в большинстве случаев меняет поведение осужденных женщин в лучшую сторону, они становятся сдержаннее, материнские чувства, приобретенные в процессе совместного проживания, помогают ей найти правильную дорогу и место в жизни, и тем самым исключить вероятность создания неблагоприятной семьи [12, 13, 14], которая может стать причиной девиантного поведения детей. [9, 10, 11, 27, с. 133]

Согласно статистическим данным, опубликованным на сайте Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) на 1 ноября 2022 г., в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) содержалось 39153 женщины, что больше на 574 человека, по сравнению с данными на 1 января 2022 года. Это составляет 9 % от всего количества осужденных, содержащихся в учреждениях УИС. По состоянию на 31.12.2021г. в исправительных учреждениях содержалось 109 беременных женщин, 373 женщины находилось в местах лишения свободы с малолетними детьми. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 310 детей в возрасте до 3 лет.

Анализ научной литературы позволил установить, что за последнее время проведено большое количество исследований осужденных женского пола.

В работе Л.А. Меликишвили (1991) изучались «уголовно-правовые аспекты содержания в исправительных учреждениях женщин» [26]. Криминологические и правовые проблемы социальной реабилитации и ресоциализации осужденных женщин рассматривались в работах Э.Ю. Бадалянц (1993), Т.Н. Волковой (1995, 2001), Е.В. Середа (2000) [2; 5; 6; 7; 31]. В.А. Сушко (1994, 1996),

С.А. Абасова (2003) затрагивали аспекты условий и порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женского пола [1; 36; 37]. Е.В. Струговой (1995), И.А. Янчук (2009), Н.А. Ивановой (2011) изучены такие важные аспекты, как дифференциация, индивидуализация и гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин [16; 33; 39]. Правовое положение женщин, осужденных к лишению свободы, а также регулирование их трудовой деятельности было изучено в диссертационных исследованиях М.В. Минстер (2009), И.В. Жижинной (2010) [16; 28].

Медицинские и психиатрические аспекты содержания осужденных женщин в исправительных учреждениях изучались в работах А.Ю. Лаговского (1993), А.В. Датий

(1999), Н.А. Качновой (1999), К.Н. Шаклеина (2017), О.И. Сочивко (2019) [15; 21; 23; 34; 39].

Индивидуально-психологические особенности осужденных женщин изучались Ф.С. Мусиным (2006), Н.В. Кастериной (2009), Е.А. Щелкушкиной (2011), А.В. Ильина (2015) [19; 20; 29; 40]. Особенности мотивационной сферы отражены в исследованиях К.Р. Варелджян (2010) и О.С. Кирсановой (2011) [4; 22]. Психология эмоционального интеллекта указанной категории изучена в работе М.В. Овсянниковой (2021), а Н.О. Макух (2022) провела изучение трансформации установок на семейные отношения у женщин, осужденных за насильственные преступления [25; 30].

Проведя анализ многочисленных исследований, и изучив особенности девиантного материнства осужденных женщин, имеющих малолетних детей нами был сделан вывод о том, что все они имеют большую практическую значимость в пенитенциарной практике, но не затрагивают вопросов изучения психических состояний осужденных женского пола, имеющих малолетних детей.

Нами было проведено эмпирическое исследование психических состояний осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы и имеющих малолетних детей. Исследование проводилось на базе исправительных учреждений ГУФСИН России по Кемеровской области, УФСИН России по Московской и Владимирской области, УФСИН России по Республике Мордовия. Общее количество респондентов составило 306 женщин. Из них 153 осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы и имеющих малолетних детей и 153 осужденных женщин, не имеющих малолетних детей. В процессе исследования были использованы следующие методы: анализ личных дел, беседа, анкетирование и тестирование.

Анализ личных, анкетирование и беседа с осужденными женщинами позволили составить их уголовно-правовую и социально-демографическую характеристику.

Было установлено, что 27 % осужденных женщин осуждены впервые. Проанализировав статьи Уголовного кодекса РФ, по которым женщины отбывают наказание, мы установили, что 60 % осужденных женщин совершили преступления по статье 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление переработка наркотических средств); 26 % осуждены за кражу (ст. 158 УК РФ); 6% за мошенничество (ст. 159 УК РФ) и 3 % за убийство (ст. 105 УК РФ).

По 1,3 % осужденных женщин были осуждены за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, присвоение или растрату и грабеж (ст. 111, 160, 161 УК РФ); только 0,7 % уклонялись от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ). Многие из женщин имеют прежние судимости по аналогичным статьям, и, в основном за незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление переработка наркотических средств – 45 %.

Следует обратить внимание на тот, факт, что среди исследуемой категории встречаются женщины, осужденные по нескольким статьям УК РФ. В большинстве случаев, осужденные женщины были осуждены сроком от 1 до 3 лет 51 %. Следующую по количеству категорию составляют осужденные на срок от 3 до 5 лет – 23 % и свыше 5 лет – 26 % женщин. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для осужденных женщин, имеющих малолетних детей в большинстве случаев характерно совершение преступлений, связанных с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением переработкой наркотических средств, а также они склонны к совершению мошенничества, краж, грабежей и умышленному причинению вреда здоровью.

Анализ социально-демографических особенностей осужденных женщин, имеющих

малолетних детей позволил нам сделать вывод о том, что большая часть осужденных (91 %) признает вину в совершенном преступлении и по 4 % признают свою вину и признают частично.

Изучение анкетных данных и личных дел осужденных позволило установить, что 24 % осужденных женщин не имеют никакого образования и не окончили среднюю школу. Большая часть испытуемых имеют то или иное образование: 33 % окончили школу, 37 % женщин обучались в колледже и 6% имеют высшее образование. 43 % осужденных имеют ту или иную специальность. По окончании колледжа осужденные женщины, в основном получали профессию парикмахера, повара, слесаря, медсестры, швеи, цветовода и бухгалтера, а по окончании вуза – экономист, педагог, инженер-биотехнолог.

Возраст осужденных женщин, воспитывающих малолетних детей в условиях исправительного учреждения от 21 до 45 лет, причем 48 % – это женщины от 21 до 30 лет, 48 % – от 31 года до 40 лет и всего 3 % от 40 лет и старше.

Изучение результатов анкеты, личных дел осужденных женщин, имеющих малолетних детей, и проведенная с ними беседа, позволили установить, что 40 % осужденных женщин имеют более одного ребенка. До осуждения они проживали либо с родителями, либо с мужьями или с детьми, либо жили одни. В настоящее время около 50% женщин не замужем, вдовы или разведены.

В процессе изучения психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей для понимания специфических особенностей переживаемых ими состояний психодиагностическому обследованию были подвергнуты осужденные женщины, имеющие малолетних детей и осужденные женщины, не имеющие малолетних детей. Тестирование проводилось с помощью методик: методика «Доминирующее состояние» (Л. В. Куликов), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич), «Опросник исследования уровня агрессивности» (А. Басс и А. Дарки), Шкала депрессии (А. Бек), 16-факторный личностный опросник – 16 PF, форма С (Р. Кеттелл).

Нами был проведен сравнительный анализ результатов тестирования и для проверки статистической значимости различий между группами осужденных был использован U-критерий Манна-Уитни. Согласно результатам проведенной проверки осужденные женщины, имеющие малолетних детей и осужденные женщины, не имеющие малолетних детей, характеризуются наличием статистически достоверных различий практически по всем показателям методик (различия на уровне значимости $p < 0,001$).

Сравнительный анализ результатов тестирования осужденных женщин имеющих малолетних детей и осужденных женщин по методике «Доминирующее состояние» (Л.В. Куликов) позволил определить, что осужденные женщины, содержащиеся в местах лишения свободы с малолетними детьми, характеризуются более негативно окрашенным психическим состоянием. Они склонны исходить из пессимистических позиций, не верят в возможность преодоления препятствий, склонны демонстрировать пассивность и безучастность. Они отличаются более выраженным унынием, низким тонусом, высокой напряженностью и тревогой, более выраженной неудовлетворенностью жизнью в целом и большей критичностью по отношению к себе. Женщины, осужденные с малолетними детьми гипотимны, подавлены, не обладают достаточной психологической устойчивостью, на уровне субъективных переживаний они не ощущают достаточной полноты жизни и своей успешности в ней, не чувствуют в себе способности к активной деятельности по преодолению препятствий и совладанию с негативными жизненными обстоятельствами.

По всем другим показателям психических состояний у осужденных женщин фиксируется средний уровень выраженности. Это указывает на умеренно выраженную у них активность, относительно нейтральный эмоциональный фон, умеренную раздражительность и возбудимость, среднюю степень удовлетворенности жизнью в целом и относительно критическое отношение к самим себе. В целом, можно говорить о некоторой «стертости» их эмоциональных проявлений и определенной эмоциональной опустошенности. Это может являться защитной психологической реакцией на острый или хронический стресс.

Осужденные женщины, не имеющие малолетних детей, характеризуются доминантой положительных психических состояний. Оценки по большинству показателей отражают высокий уровень выраженности исследуемых характеристик. При этом наиболее высокие оценки отмечаются по шкалам удовлетворенности жизнью и устойчивости эмоционального тона.

По клиническому опроснику для оценки и выявления невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич) осужденные женщины, содержащиеся в местах лишения свободы с малолетними детьми, характеризуются выраженным истерическим типом реагирования, доминирующими выступают высокая эмоциональная напряженность и реактивность. У осужденных женщин, не имеющих малолетних детей показатели по всем шкалам, кроме истерического типа реагирования, находятся в зоне стабильной психической адаптации и говорят об отсутствии признаков невротических нарушений. Полученные результаты свидетельствуют о выраженной тенденции к психической дезадаптации осужденных женщин с малолетними детьми, наличии у них различных нарушений со стороны вегетативной и центральной нервной системы (разной степени интенсивности).

Для изучения уровня агрессивности был использован «Опросник исследования уровня агрессивности» (А. Басс и А. Дарки). Степень выраженности всех агрессивных и враждебных реакций заметно выше у осужденных женщин, имеющих малолетних детей. Так, повышенный уровень выраженности у них имеют такие проявления как физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, обида, подозрительность и чувство вины. Во взаимоотношениях с другими людьми, в спорных и конфликтных ситуациях осужденные женщины с малолетними детьми склонны проявлять довольно широкий спектр агрессивных и враждебных реакций: применение физической силы, обида, крик, ненаправленные взрывы ярости и злости, порча и разрушение окружающих вещей, вспыльчивость, грубость, зависть, недоверчивость и подозрительность, аутоагрессия.

У осужденных женщин, не имеющих малолетних детей, агрессивные и враждебные реакции имеют низкий или средний уровень выраженности. Они практически не склонны к физической и вербальной агрессии, крайне редко демонстрируют негативизм, не склонны к аутоагрессии. На среднем уровне у них выражена косвенная агрессия, раздражительность, обида и подозрительность.

У осужденных женщин, имеющих малолетних детей выявляется очень высокий уровень агрессивности и повышенный уровень враждебности. В свою очередь, осужденные женщины, не имеющие малолетних детей, более склонны к враждебным, нежели к агрессивным реакциям. На это указывает средний уровень враждебности и низкий – агрессивности.

Для изучения выраженности симптомов депрессии, использовалась «Шкала депрессии» (А. Бек). Суммарный балл по шкале депрессии у осужденных женщин, имеющих малолетних детей составил 18,05. Это свидетельствует о наличии у них умеренной де-

прессии. У осужденных женщин, не имеющих малолетних детей суммарный балл равен 4,58 и говорит об отсутствии депрессивных симптомов. В группе осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы с малолетними детьми, к наиболее выраженным симптомам депрессии можно отнести чувство вины и ожидание наказания.

На втором месте по своей интенсивности располагаются такие признаки как нарушения сна, озабоченность телесными ощущениями, слезливость и нерешительность, то есть преимущественно соматические проявления депрессии. К третьей по интенсивности группе симптомов можно отнести нарушение социальных связей, утрату либидо, самообвинение, неудовлетворенность.

В обеих группах испытуемых полностью отсутствует такой симптом как «суицидальные мысли».

Для изучения личностных особенностей осужденных, имеющих малолетних детей и осужденных женщин, не имеющих малолетних детей, нами был использован 16-факторный личностный опросник – 16 PF, форма С (Р. Кеттелл). Наиболее ярко выраженными личностными чертами у осужденных женщин, имеющих малолетних детей являются: сниженная общительность, эмоциональная нестабильность, жесткость, подозрительность, тревожность, консерватизм и напряженность. Осужденные женщины, содержащиеся в местах лишения свободы с малолетними детьми, характеризуются замкнутостью, настороженностью к другим людям, подозрительностью и ригидностью.

Осужденные с малолетними детьми не стремятся к социальным контактам, ведут себя преимущественно отчужденно, обособленно и эмоционально холодно. Их эмоциональный фон нестабилен: они возбудимы, эмоционально напряжены, раздражительны и импульсивны, обладают низким порогом фрустрации. При этом осужденные женщины несентиментальны, суровы и рациональны, мало восприимчивы к чужим эмоциональным проявлениям и страданиям, могут быть жестокими и безжалостными. Выраженный консерватизм также свидетельствует о том, что они ориентированы на конкретную реальность и решение практических вопросов. Повышенная тревожность, по всей видимости, имеет у осужденных женщин невротическую основу и связана с чрезмерной степенью напряженности и депрессивными состояниями, а не с высокой восприимчивостью сигналов среды. Сниженные оценки по шкале самооценки говорят о недовольстве собой и повышенной критичности по отношению к себе.

У осужденных женщин, не имеющих малолетних детей, к наиболее типичным личностным чертам можно отнести эмоциональную стабильность, жесткость, склонность к подозрительности, тревожность, высокий самоконтроль, напряженность. При некоторой схожести личностных черт необходимо отметить, что, в отличие от осужденных женщин, имеющих малолетних детей, у осужденных женщин, не имеющих малолетних детей эмоциональная напряженность, несентиментальность, тревожность и подозрительность сочетаются с эмоциональной стабильностью и развитым самоконтролем.

Обобщенный личностный портрет осужденных женщин, имеющих малолетних детей отличается более выраженной невротизацией и тенденцией к внутренним конфликтам. Так, они характеризуются низкой сензитивностью, выраженной отчужденностью и обособленностью от других, склонностью к игнорированию норм и правил, практичностью и узостью интеллектуальных интересов, слабыми регуляторными способностями при высокой эмоциональной напряженности. При этом они склонны к конформизму, социально пассивны и уклончивы, имеют низкую самооценку, погружены во внутренние потребности, чувствительны к одобрению группы.

В результате проведенного корреляционного анализа эмпирических данных с помощью рангового коэффициента корреляции Спирмена было обнаружено достаточно большое число значимых корреляционных связей между различными показателями психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей. Для решения задачи выявления качественного своеобразия структуры психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей, выявления системообразующих ее элементов, психологическое воздействие на которые даст мультипликативный эффект, на основе результатов корреляционного анализа был проведен структурный анализ.

Системообразующим элементом структуры психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей, выступает устойчивость-неустойчивость эмоционального тона (структурный вес показателя равен 13,02). Этот показатель психического состояния наиболее тесным образом взаимосвязан с другими характеристиками, а общая структура психических состояний осужденных женщин выстроена вокруг него. Отметим, что средний показатель устойчивости эмоционального тона в выборке осужденных женщин имеет умеренную выраженность.

Также можно отметить, что существенную роль в психических состояниях осужденных женщин, имеющих малолетних детей играет близкая по психологическому содержанию характеристика – личностный фактор «эмоциональная стабильность» (структурный вес равен 12,33). В своих средних значениях она имеет сниженный уровень выраженности.

Показатель устойчивости эмоционального тона тесно коррелирует с большинством симптомов депрессии и ее суммарным показателем ($r = 0,77$; $p < 0,001$). Психологический смысл выявленных взаимосвязей заключен в том, что неустойчивость эмоционального тона сопровождается более интенсивной проявленностью вышеуказанных признаков депрессии, а также общего ее уровня.

Сходный смысл имеют и корреляционные связи между устойчивостью эмоционального тона и показателями невротических нарушений. Чем выше эмоциональная неустойчивость, тем более ярко выражены у осужденных женщин невротические состояния тревоги ($r = -0,31$; $p < 0,001$), депрессии ($r = -0,64$; $p < 0,001$), астении ($r = -0,38$; $p < 0,001$), истерического реагирования ($r = -0,30$; $p < 0,001$) и вегетативных нарушений ($r = -0,17$; $p < 0,05$).

Эмоциональная неуравновешенность и возбудимость осужденных женщин, имеющих малолетних детей сопровождается более частыми проявлениями оппозиционного поведения, сопротивления соблюдению правил и норм. Негативные установки по отношению к другим людям также становятся более выраженными и устойчивыми, нарастает чувство зависти, обиды и ненависти за реальные или вымышленные их действия. В ситуациях стресса или неудовлетворенного желания с большей частотой проявляется склонность к физическому противодействию, применению насилия, причинению вреда окружающим людям или вещам. При этом важно отметить, что чувство вины, восприятие себя как дурного человека также усиливаются.

Выявлены очень тесные взаимосвязи неустойчивости эмоционального тона со всеми личностными факторами. Низкая эмоциональная устойчивость сопровождается низкой потребностью в общении. Взаимосвязи с группой эмоциональных свойств, свидетельствуют о том, что преобладание негативного эмоционального тона сопряжено с низкой эмоциональной стабильностью.

Кроме того, нарастание эмоциональной неустойчивости сопровождается ослаблением способностей к саморегуляции: усиливается неорганизованность, безответствен-

ность, снижается регуляция социального поведения.

Таким образом, проведенный анализ структурных особенностей системы психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей позволяет рассматривать устойчивость эмоционального тона как ведущую характеристику, которая имеет наиболее существенное значение для общего благополучия личности. Из этого следует, что работа по психологической коррекции психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей должна быть направлена, прежде всего, на развитие у них эмоциональной стабильности, навыков саморегуляции своего эмоционального состояния, овладение конструктивными копинг-стратегиями.

Опираясь на результаты эмпирического исследования, нами были определены направления психолого-педагогической помощи и составлена психокоррекционная программа.

Поскольку у большинства осужденных женщин (54%) наблюдаются нарушения детско-родительских отношений, которые служат причинами снижения эмоционального благополучия ребенка и отклонений в его оптимальном психическом развитии в младенческом возрасте предлагается проводить разъяснительную работу по вопросам подготовки их к роли матери, необходимо раскрывать как феномен «материнской готовности влияет на эмоциональное и социальное развитие ребенка после его рождения» [31, с. 243-248].

В связи с вышеизложенным занятия с осужденными необходимо сопровождать просветительскими мероприятиями, направленными на психолого-педагогическое просвещение осужденных женщин, имеющих малолетних детей по вопросам:

- воспитания ребенка;
- изучения возрастной периодизации раннего онтогенеза;
- изучения факторов, принципов и закономерностей психического и физического развития ребенка;
- изучения особенностей развития психических познавательных процессов младенца, его эмоционально-волевой сферы.

С осужденными женщинами, имеющими малолетних детей целесообразно вести обучение приемам взаимодействия с ребенком раннего возраста; расширять знания, касающиеся игр, упражнений и других видов взаимодействия с детьми раннего возраста» [3, с. 20]. Необходимо проведение консультационной работы, направленной на повышение уровня знаний

о беременности, родах, развитии ребенка; освоение навыков ухода за ребенком и форм взаимодействия с ним.

Мероприятия, проводимые с женщинами, должны быть направлены на:

- «повышение родительской компетенции;
- гармонизацию детско-родительских отношений;
- развитие родительской эмпатии;
- умений замечать и принимать индивидуальные проявления ребенка;
- умений уважать желания и потребности малыша;
- умений активно участвовать в деятельности малыша» [3, с. 20].

Коррекционная работа с осужденными женщинами, содержащимися в местах лишения свободы, и имеющих малолетних детей, представляет собой комплекс взаимосвязанных действий и операций, направленных на изменение их психических состояний.

Нами разработана психокоррекционная программа для осужденных женщин, со-

державшихся в местах лишения свободы и имеющих малолетних детей. Целью программы выступила коррекция психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей. Особое внимание обращалось на такие ярко выраженные состояния, как депрессия, агрессивность, невротические состояния, тревожность, эмоциональная нестабильность.

Аналитико-информационный этап реализации программы включал в себя сбор информации по проблеме исследования. Предварительная встреча с осужденными женщинами, беседа с ними, мотивация их на коррекционную работу, разъяснение целей работы. Основной целью данного этапа был анализ основных задач и направлений реализуемой программы психологической коррекции.

Организационный этап предполагал непосредственно работу по психологической коррекции с осужденными женщинами, имеющими малолетних детей, направленную на нормализацию психических состояний. Программа включала в себя групповые и индивидуальные занятия, предусматривала групповые и индивидуальные встречи не реже одного раза в неделю.

Оценочный этап предусматривал выявление динамики психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей. осуществлялась рефлексия полученных результатов в процессе психологического сопровождения между психологами исправительных учреждений и осужденными женщинами. Программа психологической коррекции содержала три блока: 1) психодиагностический; 2) психокоррекционный; 2) психопрофилактический.

Психодиагностический блок включал в себя следующие методы и методики: наблюдение, анализ личных дел, анкетирование, беседа, тестирование: методика «Доминирующее состояние» (Л.В. Куликов), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич), «Шкала депрессии» (А. Бек), «Опросник исследования уровня агрессивности» (А. Басс и А. Дарки), 16-факторный личностный опросник – 16 PF, форма С (Р. Кеттелл).

Психокоррекционный блок подразумевал мероприятия, направленные на проведение индивидуальных и групповых психокоррекционных занятий, индивидуальных бесед и консультаций. Мероприятия включали в себя упражнения, направленные на коррекцию психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей.

Психопрофилактический блок включал проведение занятий лекционного формата, на разнообразные темы. Цель лекций: формирование материнских чувств и привязанности к ребенку; развитие качеств, необходимых для успешного материнства; повышение родительской компетенции; гармонизация детско-родительских отношений; развитие родительской эмпатии; развитие умений замечать и принимать индивидуальные проявления ребенка; развитие умений уважать желания и потребности ребенка, активно участвовать в его деятельности; освоение основных умений и навыков обращения с ребенком.

С целью изучения динамики психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей, нами был проведен формирующий эксперимент с применением авторской программы психологической коррекции осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы и имеющих малолетних детей.

Экспериментальную группу исследования составили женщины, содержащиеся в местах лишения свободы с малолетними детьми. В эксперименте приняли участие 30 осужденных женщин с малолетними детьми. Возраст участниц эксперимента – от 25 до 45 лет. В качестве контрольной группы также выступили женщины, содержащиеся в местах лишения свободы с малолетними детьми в количестве 30 человек.

По сравнению с доэкспериментальным этапом, после участия в программе психологической коррекции у осужденных женщин, имеющих малолетних детей установлено значимое повышение выраженности эмоциональной стабильности ($T=182$; $p<0,001$), которое сопровождается снижением показателей подозрительности ($T=336$; $p<0,001$), тревожности ($T=255$; $p<0,001$) и напряженности ($T=144$; $p<0,001$). Экспериментальная работа оказала положительное воздействие на психические состояния осужденных матерей с малолетними детьми (эмоциональная устойчивость, тревожность, напряженность). В результате проведения психокоррекционной работы была достигнута достоверная положительная динамика по показателям психических состояний. Установлены существенные изменения по таким психологическим характеристикам негативных психологических состояний как депрессия, агрессивность, невротические состояния, эмоциональные свойства личности.

В ходе исследования выявлено, что психические состояния осужденных женщин, имеющих малолетних детей, представляют собой сложное полиструктурное явление, характеризующее личность осужденной в данный момент, которое выражается в поведении, ряде психофизиологических показателей и уровне психической активности личности.

Эмпирически установлены особенности психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей, которые характеризуются пассивностью и безучастностью, высокой эмоциональной напряженностью и реактивностью, низким тонусом, неустойчивостью эмоционального тона. Эта категория женщин характеризуется более выраженной неудовлетворенностью жизнью в целом, выраженным истерическим типом реагирования и большей критичностью по отношению к себе. Женщины матери склонны к переживанию объемного эмоционального дискомфорта. Они не обладают достаточной психологической устойчивостью, не ощущают достаточной полноты жизни и своей успешности в ней, не чувствуют в себе способности к активной деятельности по преодолению препятствий и совладанию с негативными жизненными обстоятельствами. У осужденных женщин отмечаются симптомы сниженного настроения, снижения тонуса и энергии, сужения интересов и ограничения социальных контактов.

Авторская программа психологической коррекции психологических особенностей осужденных женщин, имеющих малолетних детей, направлена на снижение негативных психических состояний осужденных матерей. Нормализация психических состояний позволит осужденным женщинам в отведенное им для этого время заниматься с детьми, выполняя свою материнскую функцию.

Список литературы

1. Абасова, С.А. Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.А. Абасова. – Махачкала: ДГУ, 2003. – 194 с.
2. Бадалянц, Э.Ю. Криминологические и правовые проблемы социальной реабилитации осужденных женщин, признанных хроническими алкоголиками : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Э.Ю. Бадалянц. – Рязань: Рязанский институт права и экономики МВД России 1993. – 24 с.
3. Бакунина, Т.А. Алгоритм психологического сопровождения осужденных женщин. Межрегиональный отдел психологической работы ГУФСИН России по Ростовской области. Документ опубликован не был. – Ростов-на-Дону, 2018. – 60 с.

4. Варелджян, К.Р. Психологическое сопровождение формирования трудовой мотивации у женщин, осужденных к отбыванию наказания в местах лишения свободы : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / К.Р. Варелджян. – Тверь: ТГУ, 2010. – 181 с.
5. Волкова, Т.Н. Женская преступность в современной России (криминологические и пенитенциарные проблемы): Монография / Т.Н. Волкова. – Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2001. – 203 с.
6. Волкова, Т.Н. Криминологические и правовые проблемы женской преступности в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т.Н. Волкова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2001. – 312 с.
7. Волкова, Т.Н. Проблемы отбывания наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.Н. Волкова. – М.: МГЮА РФ, 1995. – 130 с.
8. Ганишина, И.С. Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / И.С. Ганишина. – Рязань.: Академия права и управления Минюста России, 2004. – 160 с.
9. Ганишина И.С. О влиянии неблагоприятной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних в отечественной и зарубежной психологии // Человек: преступление и наказание, 2003, № 4, С.3.
10. Ганишина И.С., Ушатиков А.И. Неблагоприятная семья и девиантное поведение несовершеннолетних: Учебное пособие / Сер. Библиотека педагога-практика / Российская акад. образования, Московский психолого- социальный ин-т. - Москва, 2006.
11. Ганишина И.С., Кириллова Т.В. Психология аддиктивного поведения осужденных. - Ульяновск, 2018.
12. Ганишина И.С. Основы валеологии / Учебное пособие для образовательных организаций ФСИН России. - Ульяновск, 2017.
13. Ганишина И.С. Формирование девиантного, аддиктивного и деликвентного поведения несовершеннолетних в условиях жизни в неблагополучной семье. / В книги: Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов. Под общей редакцией Д.В. Сочивко. 2019. С. 241- 250.
14. Ганишина И.С., Кряжева А.Ю. Педагогика и психология девиантного поведения: теория и практика / коллективная монография. - Ульяновск, 2019.
15. Датий, А.В. Социальная и гигиеническая оценка состояния здоровья осужденных-женщин : автореф. дисс. ... докт. медиц. наук : 14.00.07 / А.В. Датий. – СПб.: Военно-медицинская академия, 1999. – 44 с.
16. Жижина, И.В. Правовое регулирование труда женщин, осужденных к лишению свободы : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.В. Жижина. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 235 с.
17. Змановская, Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющего поведения): учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: «Академия», 2003. – 288 с.
18. Иванова, Н.А. Гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин в современных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.А. Иванова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – 24 с.
19. Ильин, А.В. Параметрическая структура психолого-акмеологической готовности осужденных женщин к освобождению из мест лишения свободы : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / А.В. Ильин. – Кострома: Костромской государственный университет

имени Н.А. Некрасова, 2015. – 214 с.

20. Кастерина, Н.В. Психологическая адаптация в исправительных учреждениях впервые осужденных женщин с невротическими проявлениями и зависимостью от психоактивных веществ : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Н.В. Кастерина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2009. – 182 с.

21. Качнова, Н.А. Клинико-психопатологические и социальные характеристики осужденных женщин с психическими расстройствами : автореф. дисс. ... канд. мед. наук : 14.00.18 / Н.А. Качнова. – М., 1999. – 24 с.

22. Кирсанова, О.С. Психология криминальной мотивации женщин, осужденных к лишению свободы : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / О.С. Кирсанова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – 175 с.

23. Лаговский, А.Ю. Медико-социальная характеристика осужденных женщин больных наркоманией : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.00.45 / А.Ю. Лаговский. – М.: Гос. науч. центр наркологии, 1993. – 189 с.

24. Луговская, С.В. Социально-психологический портрет осужденных женщин, имеющих детей в условиях пенитенциарного учреждения / С.В. Луговская // Человек и образование. – № 1 (26). – 2011. – С. 33-36.

25. Макух, Н.О. Трансформация установок на семейные отношения у женщин, осужденных за насильственные преступления : дисс. ... канд. психол. наук / Н.О. Макух. – Рязань: Академия ФСИН России, 2022. – 244 с.

26. Меликишвили, Л.А. Личность осужденных женщин и воспитательная работа с ними в ИТК : (По материалам Грузии) : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.А. Меликишвили. – М.: НИИ МВД СССР, 1991. – 198 с.

27. Методологические и практические проблемы общей и пенитенциарной педагогики / Сборник научных трудов. - Чебоксары, 2019. – 172 с.

28. Минстер, М.В. Правовое положение женщин, осужденных к лишению свободы : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Минстер. – Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2009. – 23 с.

29. Мусин, Ф.С. Индивидуально-психологические особенности адаптации осужденных женского и мужского пола к условиям лишения свободы : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.13, 19.00.06 / Ф.С. Мусин. – Казань: Казанский государственный университет, 2006. – 256 с.

30. Овсянникова, М.В. Психология эмоционального интеллекта осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях : автореф. дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / М.В. Овсянникова. – М.: Академия управления МВД РФ, 2021. – 27 с.

31. Савенышева, С.С. Перинатальная привязанность: понятие, структура, детерминанты // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 1 (62). – С. 243-248.

32. Сасенко, Л.А. Девиантное поведение в современном родительстве / Л.А. Сасенко, Г.С. Гукасова // Дискуссия. – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-v-sovremennom-roditelstve> (дата обращения 13.02.2024).

33. Середа, Е.В. Теоретические и прикладные проблемы применения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин и их социальной реабилитации: дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Середа. – М.: ВНИИ МВД РФ, 2000. – 324 с.

34. Сочивко, О.И. Психологические особенности осужденных женщин с расстройствами личности, влияющие на адаптацию к местам лишения свободы : дисс. ... канд.

психол. наук: 19.00.06 / О.И. Сочивко. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – 179 с.

35. Стругова, Е.В. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин: автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Стругова. – Рязань: Рязанский институт права и экономики МВД России, 1995 – 24 с.

36. Сушко, В.А. Особенности отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, имеющими малолетних детей, и беременными: пособие / В. А. Сушко // Под ред. А. С. Михлина. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1996.

37. Сушко, В.А. Совершенствование условий и порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Сушко. – Москва: НИИ МВД РФ, 1994. – 192 с.

38. Уголовный кодекс Российской Федерации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 04.02.2024).

39. Шаклеин, К.Н. Клинические, социальные и личностные предикторы гетеро- и аутоагрессивного поведения осужденных женщин с различным уровнем психического здоровья: автореф. дис. ... докт. мед. наук: 14.01.06 / К.Н. Шаклеин. – М.: Московский государственный медицинский стоматологический университет имени А.И. Евдокимова, 2017. – 50 с.

40. Щелкушкина, Е.А. Психодинамика личности осужденных за убийство: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Е.А. Щелкушкина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – 25 с.

41. Янчук, И.А. Вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в исправительных колониях общего режима в отношении осужденных женщин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.А. Янчук. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2009. – 25 с.

1.5. Агрессивность дошкольников как объект исследования в психологии (теоретический аспект)

Несмотря на постоянные усилия психологов, педагогов, других специалистов в сфере работы с детьми и подростками, статистика показывает, что в современном обществе увеличивается количество детей, склонных к агрессивным формам поведения, также неуклонно растет детская преступность. Родители и педагоги в практике ежедневного воспитательного взаимодействия с дошкольниками часто сталкиваются с капризным и неконтролируемым поведением, упрямством, негативными эмоциями, в том числе и агрессией. По мнению психологов, агрессивное поведение современных детей становится серьезной проблемой для эффективного развития их личности и организации педагогического взаимодействия. Впоследствии она становится одной из основных причин разного рода антисоциального поведения взрослых. (Ю.В. Егошкин, А.И.Рудакова, Е.О. Смирнова, Г.Р. Хузеева, Ю.В. Шильцова и др.). Следовательно, изучение современных источников, условий и факторов детской агрессивности приобретает все большую социальную и научную значимость.

Е.О. Смирнова, Г.Р. Хузеева и другие авторы подчеркивают, что своевременная диагностика и коррекция агрессивных поведенческих реакций, профессиональное психо-

лого-педагогическое сопровождение процесса усвоения ребенком позитивных установок в межличностном общении со сверстниками и окружающими взрослыми составляют важные и актуальные задачи для практической детской психологии [22, с.17].

Цель данной публикации – систематизировать результаты исследований отечественных и зарубежных психологов в части понимания ими современных источников, содержания и факторов агрессивности дошкольников для обеспечения эффективности и своевременности ее коррекции.

В психологии существует несколько определений агрессии, различия которых связаны с тем или иным подходом к пониманию и объяснению содержания и (или) природы ее возникновения:

- как проявление врожденного, природного инстинкта самосохранения и выживания (З. Фрейд, К. Лоренц и др.);
- как социально-заученные, присвоенные формы чужого поведения (А. Бандура, Л. Берковиц);
- как позыв, побуждение причинить вред другим в результате фрустрации (раздражения) из-за неудовлетворенной потребности (Д. Миллер, С. Розенцвейг);
- как мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический и психологический ущерб людям (отрицательные переживания, состояния напряженности, страха, подавленности и т. д.) [5, с. 14].

Сопоставив вышеуказанные и другие определения, можно сделать вывод о том, что все они имеют общее сходство в определении, приведенном Р. Бэроном и Д. Ричардсон: агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающего подобного обращения [5, с.18].

Обязательным условием возникновения агрессии является конфликт, ее содержанием – активное недовольство (фрустрация, раздражение) настоящими или будущими условиями жизни, эмоционально-поведенческими реакциями ближнего окружения или своими собственными. Следует подчеркнуть, что в определенных благоприятных обстоятельствах такая агрессия может служить источником смелости, отваги, дерзости, самоотверженности, рискованности, находчивости в ситуациях опасности и непредсказуемости [9, с.2].

По критерию направленности выделяют прямую агрессию, когда разрушительные действия направлены на источник фрустрации, и смещенную агрессию, в случае, если действия направлены на безопасный объект, замещающий опасный источник. По модальности (источнику происхождения) агрессию разделяют на биологическую, то есть врожденную, и социальную, то есть приобретенную в процессе коммуникации. Социальная агрессия, согласно когнитивным теориям научения, усваивается и поддерживается через непосредственное участие в ситуациях проявления агрессии или в результате наблюдения за ними [9, с.3].

Многие исследователи разделяют понятия агрессии и агрессивности. В отличие от агрессии, понимаемой по сути как эмоционально-поведенческая реакция на раздражитель, агрессивность представляет собой определенное психическое свойство личности, обладающее той или иной степенью устойчивости и влияющее на отношения с окружающими. Под агрессивностью, следуя за О.Б. Михайловой, С.М. Сафи, А.В. Шептурой, мы будем понимать «готовность, предрасположенность к агрессивному поведению, которая отли-

чается деструктивными тенденциями, как правило, в области субъект-субъектных отношений, а также подвержена изменениям под влиянием социума» [18, с.2]. Агрессивность, на их взгляд, есть один из компонентов сложной структуры психических свойств человека

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной научно-методической литературе понятие «детская агрессивность» только разрабатывается. А.А. Ласкин объясняет детскую агрессивность как «такое состояние ребёнка, при котором он силой стремится получить то, что хочет, или при помощи силы реагирует на неприятности». Она так же, как и агрессия, выражается в желании ребенка специально нанести вред – обидеть, ударить, причинить боль словами или действиями в отношении других. А.А. Ласкин обращает внимание на то, что при повторении такое поведение затрагивает эмоциональную сферу ребенка, создает дискомфорт во взаимодействии, вызывает стресс и депрессивное состояние [17, с. 120].

Важно помнить, что в дошкольном возрасте мы говорим об агрессивности не как о сложившейся устойчивой характеристике личности ребенка, а как о тенденции, склонности, потенциально возможной характеристике, требующей психолого-педагогического сопровождения, так как с возрастом характер разрушительных действий ребенка меняется и может приобрести целенаправленный характер [8].

Детская агрессивность обладает специфической динамикой. По мнению С.Н. Дубинина, она обостряется в период возрастных кризисов, когда повышается эмоциональность ребенка [9, с.3]. И.Ф. Нурмухаметова и С.И. Галяутдинова выделяют и описывают несколько последовательных периодов в развитии агрессивности и форм ее проявления [19, с.4].

В первый год жизни ребенка агрессивность проявляется, в основном, в импульсивных приступах упрямства из-за блокирования родителями желаний ребенка, или его намерений так или иначе действовать.

На втором году жизни активность ребенка возрастает, его агрессия приобретает инструментальный характер, возникает в ситуации желания обладать вещью (например, игрушкой) или совершать какие-то действия. Агрессивные реакции становятся целенаправленными, и ребенок активно начинает использовать формы нападения.

В три года ребенок активно проявляет упрямство, настойчивость в отстаивании своих желаний. Е.А. Ильинская и другие психологи-исследователи справедливо замечают, что в этот период ведущей деятельностью ребенка является игра, у него актуализируется потребность в общении и со взрослыми, и со сверстниками. Он активно взаимодействует с ними в ДОУ, на прогулке, благодаря чему у него начинает формироваться опыт установления и поддержания контакта с другим, и действий, направленных на этого другого. Автоматически увеличивается пространство для проявления агрессии [22, с. 4]. Благодаря постоянно расширяющемуся пространству взаимодействия, у ребенка появляются новые познавательные потребности, он сталкивается с неизвестными и интересными для него возможностями, и связанными с ними запретами, ограничениями и обязанностями. Неизбежно возникают конфликты между детским «хочу» и родительским «нельзя», ребенок переживает депривацию, сопровождающуюся злостью, отчаянием, агрессивными реакциями. З. Фрейд и А. Фрейд обращают внимание на то, что в этот период формируется защитный психический механизм «переноса», когда ребенок не может открыто изливать свою злость на взрослого, поэтому переносит агрессию на безобидный объект [13, с. 5].

Под целенаправленным воздействием социальных факторов большинство детей в дальнейшем постепенно осваивает формы самоконтроля своих агрессивных проявлений и начинает выражать их в соответствующих нормам рамках [15, с.106]. С.А. Завражин считает очень важным моментом проявление агрессивности ребенка во время ролевых игр, так как, изображая «плохих» героев или полицейских, преследующих преступников, он выпускает вне себя накопившиеся агрессивные эмоции, учится управлять и подчинять их правилам [11, с. 4].

В старшем дошкольном возрасте психологи выделяют уже два вида агрессивности: инструментальную, направленную на защиту своих прав, личностных границ, и враждебную, проявляемую с целью нанести вред, боль другому человеку как личности. П.В. Астанакулова отмечает, что в этот период дети уже способны переживать как дружбу и взаимопомощь, так и обиду, ревность, агрессию, причем со сверстниками эти чувства проявляются ярче, чем со взрослыми. Среди доминирующих вербальных форм у дошкольников часто встречаются обвинения и угрозы в высказываниях, жалобы, оскорбления, унижения, дразнилки. Что касается физической агрессии, здесь дошкольники чаще всего разрушают то, что сделали окружающие, портят вещи и предметы, принадлежащие другим, бросаются в драки, стремясь нанести вред или причинить обидчику боль, унижить его [2, с.67].

Следует отметить неоднородность агрессивности ребёнка. С одной стороны, она может обеспечивать самозащиту, дает активность в отстаивания своих прав, удовлетворения желаний и достижения цели. Наши исследования подтверждают, что правильно организованная агрессия играет важную роль в способности адаптироваться к обстановке, она приводит дошкольника к успеху, помогает в трудных обстоятельствах отстоять свои интересы, добиться желаемой цели способствует формированию важных субъектных характеристик личности (целеустремленности, самостоятельности), [16, с.59]. Однако существует так называемая ловушка, приводящая к проигрышу: постоянное использование агрессивной стратегии поведения отчуждает окружающих детей, вызывает у них ответную агрессию. В результате формируются коммуникативные барьеры, искаженная самооценка, закрепляется желание подавить других вместо того, чтобы научиться налаживать с ними конструктивное сотрудничество [11, с.4].

Педагоги-психологи давно заметили, что дети, проявляющие склонность к агрессии, обладают отличающимися от миролюбивых сверстников не только поведенческими характеристиками, но и психологическими качествами. Проведенные А.С. Пацуковой [21, с.3], И.Ю. Субботой и В.А. Ивановой [24, с.117] исследования позволили составить перечень таких характеристик:

- неадекватная самооценка (завышенная или заниженная);
- отношение к сверстнику как к противнику, конкуренту, препятствию, которое нужно устранить;
- незаурядная изобретательность в придумывании способов нанесения ущерба сверстникам;
- особый склад личности, ее направленность, которая порождает специфическое восприятие сверстника как врага;
- предвзятое отношение к поступкам окружающих как к враждебным, пренебрежительным по отношению к себе, приписывание агрессивных намерений при решении конфликтов в ожидании подвоха или нападения со стороны партнера.

Е.О. Смирнова и Г.Р. Хузеева выделяют три группы агрессивных детей по трем критериям:

1. Импульсивно-демонстративный тип. Их агрессия мимолетна, быстро проходит, используется как средство привлечения внимания к себе. Демонстрируют вызывающее поведение, не очень жестокие выпады. Часто встречающиеся черты: произвольность, непосредственность, импульсивность, игнорирование правил, низкий уровень игровой деятельности, демонстративность, низкий уровень интеллекта.

2. Нормативно-инструментальный тип. Их агрессивные действия – это средство достижения какой-либо конкретной цели и норма поведения в общении со сверстниками. Основные качества, объединяющие детей в эту группу, носят психологический характер: произвольность поведения; стремление к лидерству через подавление других. Используют прямую физическую агрессию, игнорируют обиды других, имеют хороший уровень интеллекта, знают, но нарушают нормы, осторожны со взрослыми.

3. Целенаправленно-враждебный тип. Агрессия направлена на нанесение вреда другому – как самоцель. Для этих детей характерно использование прямой физической агрессии (дерутся, мучают слабых, животных), жестокость, хладнокровие, мстительность, злопамятность, средний уровень интеллекта, низкий социальный статус [21, с. 20].

Практика показывает, что агрессивность, закрепившаяся в дошкольном возрасте, приобретает устойчивость и сохраняется на протяжении дальнейшей жизни человека. Следовательно, воспитателю важно вовремя определить проблемные формы межличностных отношений и научить ребенка правильно преодолевать их: управлять конфликтами, налаживать контакты со сверстниками, справляться с трудностями взаимодействия. Необходимо использовать позитивные аспекты агрессии, которые полезны для активной жизни и здорового лидерства: настойчивость, инициативность, упорство в достижении цели, стремление к победе, преодоление препятствий [16].

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что детская агрессивность – динамично развивающийся многоплановый феномен, сочетающий в себе врожденный и социально обусловленный аспекты, и подход к её профилактике и коррекции должен носить интегративный характер, учитывать возрастные и индивидуальные особенности ребенка, а также факторы, вызывающие его агрессивное поведение.

Анализ публикаций, посвященных исследованию причин – источников агрессивного поведения детей в семье и в дошкольном учреждении, позволил систематизировать их по критерию интенсивности влияния и дистанции межличностных отношений, в которые дошкольник включен, и выделить несколько групп факторов агрессивности:

Первая группа «Индивидуальные особенности психики ребенка» – это врожденные особенности психической реакции ребенка, связанные с темпераментом и другими свойствами его психики.

Вторая группа «Семья» – факторы и условия семьи, как основной и главной среды, в которой у ребенка формируются фундаментальные основы его личности, реализуется через личное общение.

Третья группа «Социальная среда» – факторы и условия, которые оказывают влияние на ребенка вне семьи, в условиях дошкольного образовательного учреждения, других образовательных учреждений, а также средства массовой коммуникации.

Рассмотрим эти факторы подробнее.

Индивидуальные особенности психики ребенка. Эту группу составляют факторы психофизиологического характера, исследованные различными психологическими шко-

лами. З. Фрейд считал агрессию одним из проявлений инстинкта борьбы, постоянно вырабатываемой и требующей выхода. А. Адлер рассматривал ее как способ достижения превосходства над окружающими для преодоления болезненного чувства неполноценности, подчиненного положения. К. Лоренц, исследуя агрессию у животных и человека, как представителя биологического вида, также утверждал, что агрессия есть часть человеческой природы и связана с врожденным инстинктом борьбы за выживание [20, с. 34].

Следует подчеркнуть, что факторы второй и третьей групп основаны на общении и взаимодействии ребенка с окружающими, поэтому носят социально-психологический характер, и могут быть как стихийными, так и специально организованными.

Группа факторов «Семья» отражает сферу семейного воспитания, точнее, детско-родительские взаимоотношения. По мнению большинства исследователей, семья может выступать как положительным, так и отрицательным фактором в воспитании ребенка, и именно тип детско-родительских отношений оказывает определяющее влияние на развитие качеств личности, в том числе и на агрессивность. Л. Выготский, А. Леонтьев, Д. Фельдштейн, Л. Божович и др. выделяют три основных аспекта такого влияния:

- стиль семейного воспитания, формирующий личность ребенка в целом;
- поведение родителей в житейских ситуациях, особенно трудных, которое служит для ребенка примером для подражания;
- специальное обучение детей тем или иным способам поведения в трудных ситуациях [4, с.167].

Основываясь на этом классическом подходе по критерию интенсивности влияния в семейных отношениях можно выделить две группы факторов, влияющих на агрессивность ребенка:

- личные диадные отношения в семье (отдельно выделенные отношения с матерью, отцом, сиблингами, другими членами семьи), включающие поведение членов семьи в отношении ребенка, формы личного влияния на него;
- семейная среда как система семейных отношений (структура, стиль воспитания, культура, традиции и т. д.).

Личные диадные (парные) отношения с ребенком в семье невозможно переоценить, так как именно в них через заражение, подражание, внушение и убеждение дошкольник получает информацию для своего психического и личностного развития. Нарушения этих отношений приводят к депривации его потребностей в общении и формированию тех или иных черт характера, отклонений в поведении.

Отношения с матерью – первый и важнейший фактор, который выделяется многими психологами-исследователями. Э. Эриксон в своей психосоциальной теории развития личности подчеркнул, что в первый год жизни ребенка именно от характера отношений с матерью зависит формирование его базового доверия или недоверия к миру. И в последующие периоды дошкольного детства качество материнской заботы и людей из близкого окружения обеспечивает развитие уверенности в себе, личной свободы и инициативности, творчестве. Иначе у ребенка вырабатывается защитная реакция в виде агрессивных форм поведения [26, с. 217].

Исследования, проведенные М.И. Беляевой и П.И. Беляевой, также показывают, что строгость, автономность, отвержение и воспитательная конфронтация по отношению к ребенку со стороны матери – главные факторы, влияющие на формирование и развитие агрессивного поведения у детей старшего дошкольного возраста [4, с.171].

Еще одним фактором агрессивных реакций ребенка являются запреты родителей на деструктивные формы его поведения и на удовлетворение тех или иных желаний. Агрессия возникает тогда, когда запреты или неадекватны для ребенка (чрезмерны или не соблюдаются самими родителями), или неправильно воспринимаются ребенком, или он не понимает их причину.

Л.А. Соломина подчеркивает зависимость между агрессивным поведением детей и характером, строгостью наказаний и контроля родителями поведения детей [22, с.3]. Причем агрессивное поведение ребенка вызывают как жестокие наказания, так и недостаточный контроль, усиливающий уровень асоциальности, сопровождающийся агрессией. Доминирующие попытки родителей свести агрессию детей на нет или контролировать ее проявление с помощью суровых наказаний являются подкреплением и потворствуют агрессивному поведению. Отмечая противоречивость физических наказаний как средства воспитания детей, Л.А. Соломина указывает их специфические опасности, способствующие формированию агрессивности:

- родители показывают пример агрессивности и агрессивного поведения;
- дети начинают избегать родителей или агрессивно сопротивляться;
- физическая и (или) психологическая боль отвлекает их от причины наказания, они могут ее забыть;
- наказания приводят только к поверхностным изменениям поведения, дети повинуются только до тех пор, пока их контролируют [22, с.5].

Установление личных границ часто становится проблемой в отношениях с окружающими и также может вызвать агрессивную реакцию ребенка. Одна из задач взросления в дошкольный период, по мнению Э. Эриксона, – формирование автономии и приобретения, закрепления опыта самостоятельности, что очень важно для психосоциального развития ребенка [26, с.107]. Эти реакции могут сопровождать кризис трех лет, проявляются в ситуациях драк за свои игрушки, вещи, в отстаивании своего мнения, права сделать что-то самому с помощью кулаков. В этих случаях агрессия выполняет функции защиты своих границ.

Затруднения в коммуникативной деятельности, вызванные нарушениями речевого развития, малый словарный запас, отсутствие навыков общения и т. п., а также дискомфорт, возникающие у детей в межличностном общении, может обуславливать агрессивный способ взаимодействия между ними [5, с.2].

Фрустрация ребенка, вызванная отсутствием родительской любви и усиленная системными наказаниями родителей и несогласованностью их требований, – еще одно важное условие развития детской агрессии, о чем говорят А. Бандура и Р. Уолтерс. Агрессия в этом случае выступает как призыв к окружающим обратить внимание на его переживания, с которыми он не знает, что делать [3, с.75].

Семейная среда – как комплекс семейных отношений тоже включает в себя разнообразный спектр социально-психологических причин, способствующих возникновению и закреплению агрессивного поведения дошкольников. В научной литературе справедливо выделены такие факторы, как:

- зависимость агрессивности детей от структуры семьи, от складывающихся в ней взаимоотношений;
- стиль семейного воспитания, его негативные формы [14, с.4].

Наиболее известна и популярна классификация отклонений в стилях семейного воспитания Э. Эйдемиллера:

- гипопротекция – низкий уровень внимания, заботы и контроля, в этом случае ребенок остается без надзора, предоставлен сам себе;
- доминирующая гиперпротекция – высокий уровень внимания и заботы, гиперопека, тотальный постоянный контроль поведения, жесткая регламентация и различные ограничения;
- потворствующая гиперпротекция – преклонение перед ребенком, неоправданное восхищение им, потакание любым его желаниям;
- эмоциональное отвержение – игнорирование потребностей ребенка, отчуждение, неприятие, иногда враждебность;
- жестокие взаимоотношения – применение насилия, подавление воли ребенка, жестокость по отношению к нему;
- повышенная моральная ответственность – повышенные требования честности, порядочности, чувства долга, не соответствующие его возрасту [25, с. 118].

Исследования А.А. Ласкина подтвердили и дополнили некоторые закономерные связи между детской агрессивностью, составом семьи ребенка и методами воспитания, которые используют родители:

- гипоопека, отчуждение, жестокость по отношению к ребёнку, стремление избегать взаимодействия с ним способствуют формированию у дошкольников высокой тревожности и агрессивности;
- дошкольники, проживающие только с одним родителем, обладают большей агрессивностью, по сравнению со сверстниками, живущими с обоими родителями [17, с.124].

Наличие сиблингов также может способствовать возникновению агрессивности и в полных семьях. В этом случае ребенком движет ревность, вызванная необходимостью делить с младшим братом или сестрой внимание, ласку и заботу родителей, которых ему так недостает [14, с.5].

Следует отметить, что у дошкольника агрессивность нельзя назвать устойчивой чертой характера, он только копирует способ поведения взрослого. Но, как отмечает С.А. Козлова, если на этом этапе его агрессия не останавливается, а поощряется или не замечается, ребенка не учат другим способам поведения, то постепенно агрессивность осознается и закрепляется [14, с.3]. Поэтому главной социальной причиной проявления агрессии в дошкольном возрасте она называет неверное поведение взрослых по отношению к ребенку, при ребенке, когда взрослый демонстрирует агрессивность.

М.А. Ануфриева причиной проявлений агрессивности дошкольников в сообществе взрослых или сверстников называет такие мотивы, как стремление:

- привлечь к себе их внимание;
- получить желанный результат;
- быть главным;
- ущемить достоинство другого, чтобы подчеркнуть свое превосходство;
- защитить себя;
- отомстить за что-то [1, с.135].

Средства массовой коммуникации, пронизывая абсолютно все сферы жизни современного общества, вольно или невольно оказывают огромное влияние на семейные отношения в целом и детско-родительские в частности.

Проблема состоит в том, что в силу занятости, родители часто оставляют детей наедине с телепередачами, содержание которых не всегда соответствует потребностям их

нормального развития. В результате ребенок впитывает негативные формы поведения и реагирования на те или иные события, копирует и переносит их в свою реальную жизнь.

Отмечено, что систематический просмотр мультфильмов оказывает влияние на проявление агрессивности и тревожности. А.С. Ермилина и А.А. Озерина выявили, что у детей, которые смотрят современные и многосерийные мультфильмы повышается уровень агрессивности, а у детей, которые смотрят современные мультфильмы весь день в фоновом режиме, повышается индекс тревожности [10, с.25].

И. Гундарева объясняет это повышенной возрастной сензитивностью, обуславливающей эффективность формирования социальных установок и мотивацию поведения ребенка [7, с.46].

В заключение, исходя из теоретического анализа научной литературы, можно сделать некоторые выводы.

1. Детская агрессивность представляет собой динамичное психическое состояние ребёнка, при котором он силой стремится получить желаемое или при помощи силы реагирует на неприятности, стремясь специально нанести вред другим словами или действиями.

2. Агрессивность дошкольников в отдельных случаях может играть положительную роль в их активной жизни, преобразовываясь в настойчивость, инициативу, упорство в достижении цели, преодолении препятствий.

3. Агрессивное поведение детей имеет психические и социально-психологические источники возникновения:

- врожденные особенности психической реакции ребенка, связанные с темпераментом и другими свойствами его психики;
- фрустрационные условия межличностного взаимодействия в семье;
- социальные факторы и условия дошкольного образовательного учреждения, других образовательных учреждений, СМИ;
- внешние средовые и природные (жара, шум, теснота, загрязненный воздух).

Психологическими механизмами формирования агрессивности выступают: подкрепление агрессивного поведения со стороны других людей, научение посредством наблюдения за окружающими и самоподкрепление.

Эффективность коррекционных мероприятий по снижению агрессивности в поведении дошкольников требует создания специальных благоприятных психолого-педагогических условий сопровождения, эта проблема требует дополнительного подробного анализа.

Список литературы

1. Ануфриева М.А. Проблема агрессивного поведения у детей дошкольного возраста // Академия педагогических идей «Новация»: студенческий научный вестник. - 2017. - № 5. С. 133-139.
2. Астанакулова П.В. Агрессивность как проблемная форма межличностных отношений дошкольников // Труды Братского государственного университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». - 2017. - № 1. - С. 65-68.
3. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. - М.: Апрель-Пресс: ЭКС-МО-Пресс, 2000.
4. Беляева Т.Б., Беляева П.И. Особенности отношения матери как детерминанты агрессивности ребенка-дошкольника // Развитие детско-взрослых сообществ в условиях

многообразия. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / Сост. Е.В. Иванов. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2017. - С. 165-171.

5. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. - СПб: Питер, 2001.

6. Валявко С.М., Аксёнова Ю.Ю. Концепции агрессивного поведения детей дошкольного возраста: современный взгляд [Электронный ресурс] // Специальное образование. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-agressivnogo-povedeniya-detey-doshkolnogo-vozrasta-sovremennyy-vzglyad> (дата обращения: 02.12.2023).

7. Гундарева И. О последствиях восприятия телевизионной информации // Воспитание школьников. 2005. № 9. С. 45-54. Гундарева И. О последствиях восприятия телевизионной информации // Воспитание школьников. - 2005. - № 9. - С. 45-54.

8. Деткова, И.В., Ковалева, Н.В., Леонтьева, А.В./ Основы психолого-педагогической, методической и консультативной поддержки семей, имеющих детей: учебно-методическое пособие И.В. Деткова, Н.В. Ковалева, А.В. Леонтьева, У.Е. Шарипова. - Майкоп: Полиграф-Юг, 2019. - 155 с.

9. Дубинин С.Н. Агрессивное поведение у детей и подростков как одна из форм девиантного поведения [Электронный ресурс] // Сибирский педагогический журнал. 2011. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressivnoe-povedenie-u-detey-i-podrostkov-kak-odna-iz-form-deviantnogo-povedeniya> (дата обращения: 03.12.2023).

10. Ермилина А.С., Озерина А.А. Влияние мультфильмов на проявление агрессивности и тревожности в дошкольном возрасте // Психология XXI века: Психология как наука, искусство, и призвание. Сборник научных трудов участников международной научной конференции молодых ученых: В 2 т. / Под науч. ред. А.В. Шаболтас, С.Д. Гурьевой. Т. 2. - СПб: Изд-во ВВМ, 2018. - С. 24-29.

11. Завражин С.А., Краснова М.В. Социализация агрессивных дошкольников в условиях дошкольных образовательных учреждений [Электронный ресурс] // Вестник МГУ. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-agressivnyh-doshkolnikov-v-usloviyah-doshkolnyh-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy/viewer> (дата обращения: 03.11.2023).

12. Иванова С.В. Коррекционно-воспитательная работа с детьми агрессивного поведения в дошкольном образовательном учреждении [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. 2015. №8 (10). С. 108-110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreksionno-vospitatelnaya-rabota-s-detmi-agressivnogo-povedeniya-v-doshkolnom-obrazovatelnom-uchrezhdenii> (дата обращения: 03.11.2023).

13. Ильинская Е.А. Формирование толерантности у детей старшего дошкольного возраста средствами социально-культурной деятельности. Автореф. дисс. ... канд. пед. н. СПб., 2009.

14. Козлова С.А. Анализ причин проявления агрессивности у современных дошкольников // СДО. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-proyavleniya-agressivnosti-u-sovremennyh-doshkolnikov> (дата обращения: 03.11.2023). Козлова С.А. Анализ причин проявления агрессивности у современных дошкольников // СДО. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-proyavleniya-agressivnosti-u-sovremennyh-doshkolnikov> (дата обращения: 03.11.2023).

15. Ковалева Н. В. Особенности формирования субъектной идентичности личности в дошкольный период / Н. В. Ковалева, М. В. Борцова // Вестник Адыгейского

государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2018. – № 3(223). – С. 106-113. – EDN YLWEIH.

16. Ковалева Н. В. Формирование субъектной идентичности личности у дошкольников в условиях коррекции их агрессивности / Н. В. Ковалева, А. В. Леонтьева, А. С. Горбачева // Гуманизация образования. – 2021. – № 1. – С. 59-74. – DOI 10.24411/1029-3388-2020-10149. – EDN XJODZC.

17. Ласкин А.А. Причины детской агрессии и особенности семейного воспитания // Вестник МГУКИ. 2014. № 6 (62). С. 119-124.

18. Михайлова О.Б., Сафи С.М., Шептура А.В. Агрессивность личности: основные подходы и перспективы в изучении [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки» 2017. - Т. 5, № 6. - URL: <https://mir-nauki.com/PDF/72PSMN617.pdf> (дата обращения 02.11.2023).

19. Нурмухаметова И.Ф., Галяутдинова С.И. Понимание агрессивности и возрастная динамика ее проявлений [Электронный ресурс] // Вестник Башкирск. ун-та. 2010. № 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-agressivnosti-i-vozzrastnaya-dinamika-ee-proyavleniy> (дата обращения: 02.12.2023).

20. Паренс Г. Агрессия наших дней / Пер. с англ. - М.: Форум, 1997.

21. Пацукова А.С. Проявление агрессивности детей в старшем дошкольном возрасте [Электронный ресурс] // URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2881-2012-05-27-09-12-03>

22. Смирнова Е.О., Хузеева Г.Р. Психологические особенности и варианты детской агрессивности // Вопросы психологии. 2002. №1. С 17-26.

23. Соломина Л.А. Влияние стиля семейного воспитания на агрессивное поведение детей [Электронный ресурс] // Наука о человеке: гуманитарные исследования. - 2017. №4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-stilya-semeynogo-vospitaniya-na-agressivnoe-povedenie-detey> (дата обращения: 01.11.2023).

24. Суббота И.Ю., Иванова В.А. Психолого-педагогическая характеристика агрессивного поведения детей дошкольного возраста // Приволжский научный вестник. - 2014. - №7 (35). - С. 116-117.

25. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. - 3-е изд. - СПб.: Питер, 2002.

26. Эриксон Э.Г. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. - СПб.: Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996.

1.6. Характеристики социальной перцепции подростков с девиантным поведением

Проблема девиантного (отклоняющегося от нормы) поведения остается актуальной во все времена, пока существует социум, определяющий и предписывающий к исполнению эти нормы, так как успешность интериоризации социальных норм зависит от совокупности биологических, индивидуально-психологических и социальных факторов, влияющих на формирующуюся личность подростка. Часто за отклоняющимся поведением стоит искаженная в морально-психологическом плане картина мира. Подросток с девиантным поведением «обладает склонностями, привычками, убеждениями и устойчивыми стереотипами антиобщественного поведения» [7, с. 248].

В виду того, что «индивидуальные особенности познающего субъекта оказывают влияние на процесс и результат социальной перцепции» [14, с. 68], характеристики восприятия подростком своей личности и собственных отношений с микросоциумом представляют непосредственный интерес для исследователей. В данной главе будут освещены особенности социальной перцепции современных подростков с девиантным поведением.

Научный интерес к междисциплинарной проблеме девиантного поведения свидетельствует о ее высокой социальной актуальности. Настоящее исследование направлено на изучение особенностей социальной перцепции подростков с девиантным поведением в связи с задачами организации деятельности педагогов и психологов по психопрофилактике.

Отражение человеком человека сложный процесс, благодаря которому происходят изменения в структуре сознания. По мнению А.А. Бодалева, «одним из необходимых условий взаимодействия людей, отвечающего сформированным у человека представлениям о нормальном течении этого процесса и о достижении в ходе его желательных целей, является непрерывное получение человеком информации о результатах его собственных действий в этом процессе» [4, с. 105]. Механизм обратной связи позволяет человеку корректировать и улучшать способы, и действия, влияющие на результат взаимодействия с другими людьми, изменяя свое поведение на социально желательное.

Значимое положение в структуре социальных способностей личности занимают *социально-перцептивные способности*, которые входят в структуру личности в «качестве сложного социально-психологического образования, формирующегося в результате взаимодействия одного человека с другим, как структурное образование, обеспечивающее адекватное отражение психических состояний человека, его свойств, качеств, отношений и взаимоотношений» [16, с.75]. Г. М. Андреева [1] раскрывает закономерности развития социальной перцепции в ходе развития личности человека (его психологических изменений на разных этапах онтогенеза). Отмечается, что социально-перцептивный процесс начинает активно развиваться уже в младенческом возрасте и раннем детстве, а к школьному возрасту содержание образа другого человека усложняется, и в норме начинают закладываться механизмы социальной антиципации – предвосхищения специфики межличностных отношений и особенностей социального взаимодействия в каждом конкретном случае.

Накапливая опыт социального взаимодействия с разными людьми (старшими, сверстниками и младшими; родственниками, знакомыми и посторонними; представителями референтной, нейтральной или антиреферентной групп) подросток в процессе восприятия других переходит на более высокий уровень развития умения распознавать различные стороны внешнего облика и формы поведения людей, «расшифровывать» их психологическое содержание. Происходит переоценка в осознании степени важности и информативности каждой из воспринимаемых индивидуальных характеристик.

Е. В. Андриенко рассматривает перцептивный процесс с двух сторон: субъективной (субъект восприятия – человек воспринимающий) и объективной (объект восприятия – человек воспринимаемый). При этом стоит отметить, что «в процессе восприятия друг другом, интерпретация и оценка друг друга бывает не точной» [2, с.101]. Помимо того, что оценка воспринимаемого объекта может быть ошибочной, стоит обозначить и такой психологический феномен как перцептивная защита. Понятие *перцептивной защиты* впервые использовал Дж. Брунер, под которыми он понимал «способ защиты, с помощью которого человек ограждает себя от восприятия угрожающих ему стимулов и стимулов,

травмирующих его переживания» [1, с.42]. В ходе дальнейших работ Дж. Брунер и Л. Постмен, выделили и раскрыли два принципа социального восприятия: «принцип защиты» (хуже узнаются те послы (стимулы), которые несут опасную информацию или не соответствуют ожиданиям субъекта восприятия) и «принцип настороженности» (быстрее распознаются те стимулы, которые угрожают психическому функционированию индивида).

Таким образом, анализ научно-методической литературы показывает, что структура социальной перцепции имеет множество составляющих, которые необходимо учитывать при эмпирическом исследовании данного феномена. В настоящей работе использована концепция *социальной перцепции* предложенная Е. В. Змановской [7], которая выделяет в качестве ее основных структурных компонентов: самовосприятие, межличностное восприятие и межгрупповое восприятие.

Далее рассмотрим основные положения о психологических особенностях девиантного поведения в подростковом возрасте.

Исходным для изучения любых девиаций является понятие нормы. Поскольку отклоняющееся поведение – это поведение, отклоняющееся от социальных норм, то само понятие *норма* является основополагающим. Определение нормы является достаточно неоднозначным при вопросе его рассмотрения с разных позиций. В переводе с языка оригинала (латинский) «норма» – образец, предписание, правило. В общественных и естественных науках дефиниция понятия «норма» описывается как «предел, мера допустимого для сохранения и изменения систем» [8, с. 26]. Специфической особенностью социальных норм является то, что они регулируют сферу взаимодействия людей. «*Социальная норма* – комплекс ожиданий и требований, которые предъявляет социальная группа, организация, класс, общество к своим членам с целью регулировать деятельность и отношения» [8, с. 32].

Понятие «девиантное поведение» в научно-методической литературе используется как для описания действий конкретной личности («отклоняющееся поведение»), так и для обозначения определенных социальных явлений («социальное отклонение»). В. Н. Кудрявцев определяет социальные отклонения как «нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью» [9, с. 54].

Современные обширные знания об отклоняющемся поведении личности позволяют утверждать, что единой теорией девиантного поведения личности не существует так как изучением данного вопроса занимаются специалисты различных научных дисциплин: медицины, биологии, психологии, социологии, юриспруденции, которые предлагают разные основания для своих классификаций изучаемого феномена.

Клинические и экспериментальные данные множества исследований, позволяют сделать вывод о том, что «линейной зависимости между отклоняющимися от норм действиями и каким-либо конкретным фактором или механизмом не существует. По наблюдениям и исследованиям, девиантное поведение личности является многоаспектной формой социального поведения, детерминированного системой взаимосвязанных факторов – психологических причин и социальных условий» [7, с. 75].

Анализ зарубежных и отечественных психологических исследований девиантного поведения у подростков показывает, что представители разных теоретико-методологических направлений подходят к проблеме определения факторов, влияющих на возникновение отклоняющегося поведения по-разному. Одной из основных пси-

психологического причин девиантного поведения подростков многие исследователи называют неадекватную Я-концепцию подростков, которую можно рассматривать как *нарушение* компонента *самовосприятия* в структуре их социальной перцепции. Так, согласно исследованиям Ф. Райса [13], подростки, становившиеся правонарушителями, отличаются наиболее низкой самооценкой и негативным представлением о себе. Также были обнаружены статистически значимые показатели низкой самооценки у юношей почти во всех видах девиантного поведения. Автор делает вывод, что подростки, у которых низкая самооценка, ощущают себя неудачниками, и их негативное самоотношение состоит из трех взаимосвязанных, но различных видов опыта. Во-первых, подростки с низкой самооценкой считают, что не имеют положительных качеств личности или не могут совершить ценностные и полезные действия, так как сами обладают только негативными чертами или совершают негативные действия. Во-вторых, подростки с низкой самооценкой и самоуважением, считают, что значимые для них люди тоже относятся к ним негативно, с недоверием. В-третьих, такие подростки не имеют развитых механизмов социальной антиципации – они не могут предвидеть реакции других людей на их слова или совершаемые поступки. При этом, сильная потребность в принятии и одобрении не удовлетворяется социально одобряемыми способами, что влечет за собой возникновение отклоняющихся от норм форм поведения, где в соответствующей девиантной референтной группе поощряемым становятся воровство, драки, употребление психоактивных веществ, вандализм и подобное поведение, не требующее ни интеллектуальных способностей, ни произвольных усилий. Также имеются указания на тесную взаимосвязь между Я-концепцией у подростков и характеристиками их поведения обозначает, что девиантное поведение является способом компенсации неадекватной Я-концепции юных правонарушителей [15].

Самовосприятие и межличностное восприятие, как структурные компоненты социальной перцепции начинают формироваться в раннем детстве под влиянием родительского воспитания. В проведенном нами ранее исследовании [3] было показано, что стиль воспитания матерей девиантных подростков, по сравнению со стилем воспитания матерей социально адаптированных подростков, чаще воспринимается их детьми как отвергающий, враждебный и непоследовательный. При выполнении совместной деятельности, матери и их девиантные дети-подростки обнаруживали нарушения взаимоотношений на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Также были обнаружены схожие психосоциальные характеристики девиантных подростков и их матерей: отсутствие позитивного отношения к социально-одобряемой деятельности; склонность к употреблению табака и алкоголя; отсутствия доверия, взаимопонимания, позитивного участия и поддержки со стороны воспитавших их матерей, что может характеризовать тенденцию к межпоколенной воспроизводимости деструктивных паттернов функционирования в семьях девиантных подростков.

Далее рассмотрим результаты исследования социально-перцептивных особенностей девиантных подростков, проведенного в 2018-2019 годах на базе городского центра социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи и общеобразовательных школ Санкт-Петербурга.

Все психодиагностические обследования проводились индивидуально в кабинете психолога. Исследование было организовано в два этапа. На первом этапе, с целью анализа характера поведения подростков, проводились индивидуальные беседы с экспертами (психологами и классными руководителями), по результатам которых обследуемого

подростка можно было отнести к группе девиантного или нормативного поведения. Основанием для причисления подростка к группе девиантного поведения стало наличие у него отклоняющегося от нормы поведения: кражи, хулиганство, драки, нанесение телесных повреждений, вандализм. Основанием для причисления к группе социально нормативных подростков было, то, что поведение подростка соответствует, по мнению экспертов, всем требованиям, которые предъявляет к нему социальное сообщество (школа в целом и учебный класс, в частности).

На втором этапе, при работе с подростками, после получения от них информированного согласия на проведение обследования, с участниками обеих групп проводилось структурированное интервью и экспериментально-психологическое обследование, состоящее из двух методик. В настоящей работе была использована авторская разработка структурированного психологического интервью, включающего следующие блоки: социально-демографические характеристики подростка; восприятие подростком особенностей отношений в семье, в школе с учителями и со сверстниками [3]. В число использованных экспериментально-психологических методик вошли «Личностный дифференциал» [11], направленный на изучение восприятия таких характеристик собственной личности как активность, сила и общая качественная оценка, а также «Тематический апперцептивный тест» (ТАТ), направленный на изучение восприятия межличностных отношений и смысловой интерпретации окружающей среды. В данной работе был использован новый стимульный материал, разработанный и апробированный на кафедре клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. А.И. Герцена, как наиболее соответствующий актуальному восприятию современных подростков [12]. По результатам анализа результатов исследования всем подросткам было предложено получение обратной связи.

В настоящем исследовании всего было обследовано 94 подростка. Все изученные подростки были разделены экспертами на 2 группы – по критерию наличия или отсутствия девиантного поведения (48 и 46 человек, соответственно). В таблице 1 представлены социально-демографические характеристики исследованной выборки подростков с нормативным и девиантным поведением.

Таблица 1 - Социально-демографические характеристики выборки подростков

Характеристика поведения подростков	количество	пол		средний возраст
		мужской	женский	
Девиантное	48	32	16	14,8
Нормативное	46	24	22	15

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что исследованные группы подростков по количественному составу, полу и возрасту сопоставимы.

Далее представим результаты, исследования особенностей восприятия подростками с нормативным и девиантным поведением отношений с родителями, учителями и сверстниками, полученные с помощью структурированного интервью.

Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что обнаружены статистически достоверные различия в особенностях восприятия своих отношений как с матерью, так и с отцом в сопоставляемых группах подростков. Так, только 58,3% подростков с девиантным поведением воспринимают свои отношения с матерями как хорошие, и более трети (37,5%) воспринимают их как плохие. В сопоставляемой группе большинство подростков (91,3%) воспринимают свои отношения с матерями хорошие. Схожее соотношение

результатов выявляется и при сопоставлении характеристик восприятия отношений с отцом. Воспринимаемые негативно отношения с самыми близкими людьми не только снижают вероятность обращения за помощью подростка к родителям в случае возникновения трудных ситуаций в его жизни, но и ухудшают его общее психологическое благополучие. Поскольку он не получает в семье желаемых и необходимых ему принятия, одобрения и поддержки, это, как указывалось выше, влечет за собой поиск удовлетворения данных потребностей в других социальных группах.

Таблица 2 - Количественное распределение подростков по критерию восприятие отношений в семье

Восприятие отношений с родителями	Подростки с девиантным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	человек	%	человек	%
Восприятие отношений с матерью				
Хорошие	28	58,3	42	91,3
Не очень хорошие	2	4,2	4	8,7
Плохие	18	37,5	0	0
$\chi^2=10,71; p \leq 0,05$				
Восприятие отношений с отцом				
Хорошие	26	54,2	34	73,9
Не очень хорошие	8	16,7	10	21,7
Плохие	14	29,2	2	4,3
$\chi^2=5,13; p \leq 0,05$				

В таблице 3 представлены данные о количественном распределении подростков по критерию восприятия отношений с учителями.

Таблица 3 - Количественное распределение подростков по критерию восприятия отношений с учителями

Восприятие отношений с учителями	Подростки с девиантным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	человек	%	человек	%
Хорошие	18	37,5	38	82,6
Не очень хорошие	26	54,2	8	17,4
Плохие	4	8,3	0	0
$\chi^2=11,92; p \leq 0,01$				

Как видно из таблицы 3, в сопоставляемых группах получены статистически значимые различия, свидетельствующие о том, что подростки с девиантным поведением чаще воспринимают свои отношения с учителями негативно, чем подростки с нормативным поведением. Учитель, как наставник, реализует важные социализирующую, в целом, и профориентационную, в частности, функции, которые могут быть нарушены при негативном восприятии подростком их носителя. При этом можно отметить, что в группе девиантных подростков восприятие отношений с учителями как плохих меньше, чем восприятие как плохих отношений с матерью и отцом (8,3%, 37,5% и 29,2%, соответственно). Это может быть связано с тем, что родители имеют больший спектр воздействий на подростка, чем учителя и отношения с родителями воспринимаются как более эмоционально окрашенные.

Данные о количественном распределении подростков по критерию восприятия отношений со сверстниками приведены в таблице 4.

Таблица 4 - Количественное распределение подростков по критерию восприятия отношений со сверстниками

Восприятие отношений со сверстниками	Подростки с девиантным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	человек	%	человек	%
Восприятие отношений с одноклассниками				
Хорошие	18	37,5	20	43,5
Не очень хорошие	6	12,5	22	47,8
Плохие	24	50,0	4	8,7
$\chi^2=11,75; p \leq 0,01$				
Восприятие отношений с друзьями				
Хорошие	24	50,0	28	60,9
Не очень хорошие	4	8,3	16	34,8
Плохие	20	41,7	2	4,3
$\chi^2=11,10; p \leq 0,01$				

Из таблицы 4 видно, что в сопоставляемых группах существуют статистически значимые различия, свидетельствующие о том, что подростки с девиантным поведением чаще воспринимают отношения и с одноклассниками, и со сверстниками, которых актуально относят к числу своих друзей как плохие. Это может свидетельствовать о большей выраженности конфликтности, неумения разрешать возникающие во взаимоотношениях со сверстниками противоречия социально приемлемым способом. При этом группирование со сверстниками является типично подростковой характерологической реакцией [10] в которой реализуется потребность в межличностном общении и формируются важнейшие психологические новообразования подросткового возраста. Стабильно негативное восприятие взаимоотношений со сверстниками отрицательно влияет как на самооценку, так и на уровень притязаний подростка в референтной группе, способствует формированию так называемого «социального вывиха» [5].

Ниже будут рассмотрены результаты экспериментально-психологического исследования восприятия подростками с девиантным и нормативным поведением характеристик собственной личности и их межличностных отношений во временной перспективе.

Для исследования особенностей восприятия собственной личности подростками была использована методика «Личностный дифференциал» [11]. Данная методика позволила определить значения трех основных факторов восприятия себя обследованными подростками (Я-реальное) – Оценки, Силы, Активности, в соотношении с представлениями об образе Я-идеальное.

В таблице 5 представлены значения факторов «Личностного дифференциала», полученные при исследовании самовосприятия подростков с девиантным и нормативным поведением.

Как видно из таблицы 5, сравнительные показатели Я-реальное у девиантных подростков ниже, чем показатели Я-реальное у подростков с нормативным поведением по фактору «Оценка». Это означает, что подростки с девиантным поведением воспринимают себя, в целом, как более негативную личность, чем подростки сопоставляемой группы. Фактор «Сила» показателя «Я-реальное» у подростков с девиантным поведением в среднем в два раза ниже, чем у подростков с нормативным поведением и имеет достоверные

различия, что свидетельствует о восприятии ими собственной личности как менее способной к волевому усилию по сравнению с подростками сопоставляемой группы. При этом, девиантные подростки представляют себя в образе «Я-идеального» значимо ($p \leq 0,01$) более уверенными в себе, независимыми и самостоятельными, способными к преодолению возникающих в жизни трудностей, чем воспринимают себя в образе «Я-реального».

Таблица 5 - Сопоставление средних оценок факторов ЛД отражающих особенности самовосприятия исследованных подростков

Факторы методики ЛД	Подростки с девиантным поведением		Подростков с нормативным поведением		Достоверные различия
	Я-реальное А	Я-идеальное В	Я-реальное С	Я-идеальное D	
	$M \pm m$; n = 48	$M \pm m$; n = 48	$M \pm m$; n = 46	$M \pm m$; n = 46	
Оценка	$1,6 \pm 0,10$	$2,5 \pm 0,07$	$2,2 \pm 0,05$	$2,5 \pm 0,05$	AC: $p \leq 0,05$
Сила	$0,6 \pm 0,10$	$1,9 \pm 0,07$	$1,2 \pm 0,07$	$1,5 \pm 0,06$	AC: $p \leq 0,05$ AB: $p \leq 0,01$
Активность	$1,3 \pm 0,08$	$1,4 \pm 0,08$	$1,7 \pm 0,07$	$1,6 \pm 0,07$	AC: $p \leq 0,1$ BD: $p \leq 0,1$

Результаты исследования особенностей субъективного восприятия своих межличностных отношений в прошлом, настоящем и будущем подростками сопоставляемых групп, полученный с помощью методики «Тематический апперцептивный тест» (ТАТ) по шкалам, где были получены статистически достоверные различия, представлены в таблице 6.

Таблица 6 - Сопоставление средних шкальных оценок шкал методики ТАТ в группах подростков с девиантным и нормативным поведением

Показатели методики ТАТ	Подростки с девиантным поведением	Подростки с нормативным поведением	Достоверные различия
	$M \pm m$ n = 48	$M \pm m$ n = 46	
Отношение к семье (общее)	$0,54 \pm 0,77$	$0,68 \pm 0,87$	$p \leq 0,1$
Отношение к семье (в прошлом)	$0,33 \pm 0,86$	$0,64 \pm 0,61$	$p \leq 0,05$
Отношения с отцом (в прошлом)	$0,23 \pm 0,77$	$0,62 \pm 0,08$	$p \leq 0,01$
Отношения с матерью (общее)	$0,48 \pm 0,84$	$0,55 \pm 0,64$	$p \leq 0,1$
Отношения с матерью (в будущем)	$0,57 \pm 0,82$	$0,83 \pm 0,49$	$p \leq 0,05$
Отношение к собственному будущему	$0,33 \pm 0,86$	$0,54 \pm 0,61$	$p \leq 0,05$
Отношение между полами (общее)	$0,25 \pm 0,84$	$0,38 \pm 0,64$	$p \leq 0,1$
Отношение между полами (в настоящем)	$0,33 \pm 0,86$	$0,36 \pm 0,61$	$p \leq 0,1$

Анализ данных о результатах исследования субъективного восприятия отношений подростков к семье, отцу, матери и между полами, представленных в таблице 6, выявляет

статистически значимые различия по показателям: «отношение к семье в прошлом» ($p < 0,05$), «отношения с отцом в прошлом» ($p < 0,01$), «отношения с матерью в будущем» ($p < 0,05$), а также «отношение к собственному будущему» ($p < 0,05$).

Так, подростки с девиантным поведением чаще, чем подростки сопоставляемой группы воспринимают события, происходившие в истории их семьи негативно, а если учесть, что семейная история интериоризируется как часть личности подростка, то становятся понятны некоторые особенности их негативного самовосприятия. При этом эти прошлые негативные события в семье связываются с фигурой отца. Если сопоставлять эти данные с результатами исследований других авторов [6, 9, 12], которые показывают, что значительная часть подростков с девиантным поведением воспитывается в семьях с признаками асоциальности, состоящими на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, можно предположить наличие психотравмирующего опыта межличностного взаимодействия с отцом у девиантных подростков. Для юношей, которые могут в последующем воспроизводить усвоенные паттерны мужского, отцовского поведения, такой опыт может определить в дальнейшем характер их собственных взаимодействий в их будущих семьях с их будущими детьми. Кроме того, и отношения с матерью в будущем представляются девиантными подростками менее теплыми и доверительными, чем подростками с нормативным поведением, что в перспективе ограничивает субъективное восприятие возможности получения ими помощи и поддержки от матери.

Как один из наиболее прогностичных можно рассматривать показатель восприятия «отношения к собственному будущему». Чем более негативно подростки воспринимают перспективы собственного будущего, тем более негативно они относятся к себе, некоторым качествам своей личности, желают не быть теми, кем являются; чувствуют, что не способны изменить окружающие обстоятельства, не способны выбирать или создавать подходящий контекст в реализации личных потребностей и ценностей; озабочены ожиданиями и оценками других людей, подвержены социальному давлению.

Также имеются различия по шкалам «Общие отношения между полами» и «Отношения между полами в настоящем». Данные результаты свидетельствуют о том, что подростки с нормативным поведением более позитивно относятся к представителям противоположного пола, чем их сверстники с девиантным поведением. Возможно, это является следствием конфликтных отношений между отцом и матерью в их собственных семьях.

Таким образом, полученные в настоящем исследовании результаты соотносятся с данными других исследований показывающих, что в большом количестве случаев за любым противоправным поведением стоит искаженная в морально-психологическом плане картина мира, искаженные социальные установки [9, 14]. Отметим, что на процесс и результат социальной перцепции оказывают влияние индивидуальные особенности познающего субъекта.

Описанные выше данные свидетельствуют о том, что подростки с девиантным поведением воспринимают собственную личность, как более слабую и негативную, в сравнении подростками с нормативным поведением. При этом они хотели бы быть более уверенными в себе, независимыми и самостоятельными, способными к преодолению возникающих в жизни трудностей. Собственное будущее представляется им менее благоприятным, и межличностные отношения с родителями, учителями и сверстниками воспринимаются ими хуже, чем в сопоставляемой группе.

Анализ выявленных в настоящем исследовании психологических характеристик социальной перцепции у подростков с девиантным поведением можно использовать педагогам, социальным педагогам и психологам при составлении программ психопрофилактики девиантного поведения для определения мишеней психологической коррекции.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Психология социального познания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
2. Андриенко Е. В. Социальная психология. – учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под. ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 264 с.
3. Беляева С. И. Клинико-психологические особенности матерей делинквентных подростков: дисс. канд. психол. наук: 19.00.04. – ФГБОУ ВО СПбГУ, 2015. – 233 с.
4. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.
5. Выготский Л. С. Динамика и структура личности подростка / Л. С. Выготский // Собрание сочинений. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 220–242.
6. Горьковая И. А. Личность подростка-правонарушителя / И. А. Горьковая. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. – 233 с.
7. Змановская Е. В. Девиантное поведение личности и группы / Е. В. Змановская, В. Ю. Рыбников. – СПб.: Питер, 2011. – 352 с.
8. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: Учеб. пособие для вузов. - М., 2001. – 160 с.
9. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – М.: Норма, 2007. – 126 с.
10. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: Речь, 2013. – 256 с.
11. Личностный дифференциал: методические рекомендации / определения уровня субъективного контроля (УСК): методические рекомендации / НИПНИ им. В. М. Бехтерева; сост.: Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд. – Л., 1983. – 24 с.
12. Осташева Е. И. Психологические детерминанты девиаций поведения современных подростков: дисс. канд. психол. наук: 19.00.04. – ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 173 с.
13. Райс Ф. Психология и юношеского возраста. – 12-е изд.: пер. с англ. / Ф. Райс, К. Долджин. – СПб.: Питер, 2010. – 816 с.
14. Реан А. А., Коновалов И. А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 60–80.
15. Сильченко И. В. Психологические механизмы девиантного поведения // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2011. – № 1. – С.154-159
16. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. – Л.: «Наука». – 1979. – 264 с.

1.7. Вид подростковых скандалов в современной юношеской литературе

Периоды взросления, подросткового становления всегда сопровождаются реакцией на нестабильный окружающий мир. Гормональные сбои, трудности в межличностных отношениях как со сверстниками, так и со взрослым окружением - всё это приводит к девиантному поведению детей в пубертатный период. Актуальность нашей работы не вызывает сомнений, поскольку в приказе президента «Стратегии и развития воспитания детей Российской Федерации в период до 2025 года» одной из важнейших задач является воспитание высоконравственной личности, поэтому тема скандалов выполняет как познавательно-воспитательную, так и терапевтическую функции, а также помогает бороться с проблемами в межличностном общении подростков.

В современной юношеской литературе ссоры занимают важное место: они сигнализируют о проблемах со здоровьем, как ментальным, так и физическим, следствием чего становится буллинг и построение абьюзивных отношений. Цель исследования - изучить скандалы, их виды в современной подростковой прозе.

Первый этап работы – изучение научных источников по заявленной теме, опыт работы над которыми подтвердил, что современная подростковая проза недостаточно изучена, устранению этой проблемы посвящено исследование, новизна которого в изучении скандальных сцен на материале современной юношеской прозы.

Для изучения специфики конфронтаций в детско-юношеских произведениях мы наметили для себя следующие задачи, согласно которым осуществлено исследование:

1. Теоретическое освещение понятия ссора и его составляющие.
2. Изучение ссор в произведениях XX века (на материале повести В. К. Железникова «Чучело»);
3. Рассмотрение особенности конфликтных ситуаций в повести Е. В. Бороды «Я тебя никогда не прощу»;
4. Выявление специфики скандалов в произведении Д. С. Доцук «Поход к двум водопадам».

Для реализации цели и освящения задач нами применялись два основных метода теоретического и контент-анализа.

Скандалы в произведениях XX века (на материале повести В.К. Железникова «Чучело»)

Перед тем, как приступить к анализу детско-юношеской прозы, мы изучили статьи учёных, которые в своих научных изысканиях рассматривали скандалы на материале литературных произведений. Таким образом, наша работа основана на трудах таких филологов, как А.В. Леоновичус, раскрывшим поэтику скандала в исследовании «Бал-скандал («Горе от ума», «Мёртвые души», «Двойник»)), учёный обращает внимание на сюжетно-образующую роль скандала; А.И. Рейтблата, который выделил в статье «К социологии литературного скандала» необходимые условия конфронтационных сцен: нарушение общественных норм, публичность нарушения норм, наличие свидетеля скандальной сцены, присутствие публики [6, с. 162].

Другой этап работы включал в себя рассмотрение теоретического минимума, необходимого для освещения заявленной темы.

Существует множество трактовок скандала в современной действительности, раскрывающих социальное явление с совершенно разных сторон. В статье Дмитриева А.В. «Скандал как специфический элемент социокультурной коммуникации и объект информационного внимания СМИ» этот термин имеет следующую семантику: «...событие, в котором проявляются обычно скрытые кризисные (коррумпированные) компоненты социальных систем» [3, с. 1]. Несколько иначе раскрывает «скандал» В.А. Сосин в «Феномен скандала как форма социального конфликта»: «...резкое несогласие или противопоставление интересов, идей участников конфликта» [7, с. 1]. Однако мы под скандалом в дальнейшем будем понимать «событие, происшествие, позорящее его участников, ставящее их в неловкое положение» [5, с. 89].

Статья является научным обобщением, поскольку нами предварительно были проанализированы виды скандалов в современной подростковой литературе в таких научных работах, как: «Роль и способы создания скандальных сцен в повести В.К. Железникова “Чучело”» [8, с. 1], «Скандал как *ultima ratio* героев повести Е. Бороды “Я тебя никогда не прощу”» [9, с. 1] и «Специфика скандала в повести Д.С. Доцук “Поход к двум водопадам”» [10, с. 1]. В исследованиях изучен феномен скандала, основные приёмы создания конфликтных сцен на материале современной детско-юношеской прозы – изучение литературного массива позволило утверждать, что в подростковых текстах скандал выполняет как сюжетообразующую, так и психологическую функции, становясь типологическим явлением подобных текстов.

Актуальные проблемы подростков интересовали многих писателей XX века, наиболее интересным и читаемым остаётся творческое наследие В.К. Железникова со значимым просторечно-именным заглавием «Чучело», отражающим главный конфликт юных героев.

В основе сюжета произведения внешний конфликт главной героини с одноклассниками, трансформирующийся в скандал и буллинг. Показательна в этом смысле следующая кульминационная сцена, обличающая безжалостность подростковой толпы, абьюзивное отношение к Лене, стремящейся жить по совести: её одноклассники поджигают чучело, ассоциирующегося с центральным персонажем, беззащитной Леной. «Они подтащили меня вплотную к огню. Я, не отрываясь, смотрела на пламя костра. Дедушка! Я почувствовала тогда, как этот огонь охватил меня, как он жжет, печет и кусает, хотя до меня доходили только волны его тепла» [4, с. 27] – этот внутренний монолог усиливает психологизм и жестокость подростковых скандалов, переходящих в буллинг.

Художественная деталь-символ «чучело», вынесенная в заглавие, становится аллегорией доброты, которая в понимании подростков исказилась, потому что они живут в глухом мире безнравственности. Для юной героини чучело – это олицетворение её чести, которую решили осквернить подростки, и именно потому она так стремится сохранить его: «Когда они меня выпустили, я бросилась к костру и стала расшвыривать его ногами, хватала горящие сучья руками – мне не хотелось, чтобы чучело сгорело. Мне почему-то этого страшно не хотелось!» [4, с. 27]. В.К. Железников наделяет свою героиню силой, она побеждает врагов. Автор желает показать, что добро – нетленно, оно обязательно восторжествует: «Я сама вырвала из огня чучело и стала им размахивать над головой, наступая на всех. Чучело уже прихватило огнем, от него летели в разные стороны искры, и все они испуганно шарахались от этих искр» [4, с. 27]. Эта сцена эмоционально сильна – результат буллинга: хрупкая, озверевшая от морально-физических пыток, нескладная

девочка-подросток с горящим чучелом в руках как возмездие миру взрослым, равнодушным к проблемам, породившим больных детей.

Интересен в рамках повести В.К. Железникова и скандал на дне рождения Димы Сомова, его участники Валька и Лохматый, унижают друг друга из-за зависти. Подобно многим скандальным сценам, этот фрагмент пошел и унизителен, кроме того, вбирает ещё одну важную черту – прилюдность и абьюзивность поведения: свидетелями становятся сверстники юных персонажей. В контексте данного спора важны и жестовые портреты героев, которые также чётко раскрывают и усиливают скандал: «Лохматый неожиданно схватил Вальку одной рукой за шею и крепко сжал» [4, с. 5]. В порыве гнева обе конфликтующие стороны неуправляемы, демонстрируют свою ограниченность. Это столкновение усиливает брань и стремление сильнее обидеть конкурента, забыв о том, что за сценой наблюдают со стороны сверстники.

В повести представлен вид подросткового скандала, причиной которого является оговор, ложь и трусость. Скандальные сцены традиционны: они включают в себя обиду, оговор, ссору, прилюдность, негативный опыт, газлайтинг, манипуляции, абьюз – следствием стал буллинг, однако он имеет благополучное разрешение – это важная особенность духовно-нравственных особенностей прозы XX века.

Скандалы в современной подростковой прозе (на материале Е.В. Бороды «Я тебя никогда не прощу» и Д. С. Доцук «Поход к двум водопадам»)

Следующий этап работы включал работу с массивом современной юношеской прозы и сопоставление результатов исследовательского интереса. Говоря о специфике поэтики произведения Е.В. Бороды «Я тебя никогда не прощу», в первую очередь стоит отметить композицию текста, основанную на субъективной оценке центральных персонажей происходящих событий, которая и формирует конфликт как внешний, так и внутренний.

Природа данных коллизий своеобразна, на что автор повести указывает уже в заглавии-реплике: «Я тебя никогда не прощу» - Елена Владимировна Борода демонстрирует некий эпатаж, свойственный подросткам. Слово «никогда» придаёт особую эмоциональную окраску заголовку-реплике, выражая личное отношение героя-бунтаря к неизвестному лицу, – в нём ощущается не только детская обида, эгоцентризм (поскольку местоимение «Я» занимает лидирующую позицию), но и пубертатный мятеж чувств и эмоций, выраженный общим настроением заглавия.

Автор находится на стороне героев-подростков и потому так ярко противопоставляет их миру постоянно озлобленных взрослых и жестоких сверстников, демонстрируя во всех ссорах полную внутреннюю несостоятельность вторых, что и становится причиной скандалов, которые приводят к буллингу. К примеру, в одном из эпизодов произведения, герои Тимофей и Леська прогуливают уроки и случайно сталкиваются с завучем, который принялся отчитывать учащихся. На укоры педагога дети реагируют совершенно адекватно, демонстрируя понимание сложившейся ситуации. Леська растерялась, именно об этом нам позволяет судить её мимический портрет: «Леська растянула губы в дебильной улыбке» [1, с. 1]. Но её улыбка ни умилила, ни смирила, а, напротив, «взбесила» [1, с. 1] собеседника, подтверждает это ироничный мимический портрет завуча: «глазищами сверкнула так, что у Леськи, наверное, ожоги остались» [1, с. 1]. Ситуация нагнетается напряжения по вине взрослого человека и приводит к первому нелепому скандалу уже в кабинете завуча. Всё происходящее читатель видит глазами подростков. Леська отмечает: «Нас привели в кабинет завуча. Как арестантов! И орали, не переставая, не давая оправ-

даться - при всех!» [1, с. 2]. Именно речевой портрет позволяет охарактеризовать завуча как типичного истерика, эпилептоида [2, с. 6]. Помимо педагога, в комнате находились секретарь и полицейский, которые обвиняли подростков не только в опоздании на урок, но и в краже, делая это необоснованно, грубо. Сергей Витальевич, не скрывая своего пренебрежения к юным героям, позволяет себе унижать их как словом, так и видом, подтвердить это вновь позволяет его мимический портрет: «прищурился так недобро», «покосился недовольно», «погрозил кулаком» [1, с. 3]. Усугубляют положение угрозы: «Мы хотим знать, что вы во время учебных занятий делаете в местах, где вам быть не положено» [1, с. 3]. Юные герои невольно становятся очевидцами далеко не приятной полемики уже между указанными взрослыми персонажами. Завуча не смущает присутствие подростков, что иллюстрирует её неадекватное поведение, которое выражается как в мимическом портрете: «А завуч подняла обеими руками кипу каких-то нормативок и ка-ак грохнет на пол <...> завуч дёрнула углом рта», - так и в речевом портретах героини: «Чего ревёшь, дура?»; «Они вопили, перебивая друг друга, каждый о своём». Скандал в этом произведении, как и во многих других художественных текстах, является позорящим, обличающим, противопоставляя мир взрослых подростковому.

Кроме конфликтных ситуаций со взрослыми персонажами, писательница раскрывает и скандалы в рамках одной возрастной группы. Героев-подростков, Тимофея и Леську, Е.В. Борода противопоставляет Панфёрову и его компании. Школьники не подчиняются правилам вожака, что провоцирует изначально скандалы, которые приводят к жесткому буллингу, позволяя утверждать, что один из этапов этого явления – неприятие, непокорность, скандал. В этих конфликтных ситуациях подростков много жестокости, и в каждой сцене она раскрывается по-разному. К примеру, диалог Леськи и Панфёрова, основанный на насмешке над внешним видом героини, переходит в рукоприкладство с прилюдными оскорблениями – речевой портрет с использованием жаргонной лексики и эпатажа: «Сдурела, коза? <...> Но Сеня уже не слушал, пёр на меня, сжав кулаки». Осмыслить трагичность сцены позволяет уединённый монолог персонажа, с использованием суммарно-обозначающего психологизма («больно», «горит грудь», «очень неприятно») «У меня от боли отнимались ноги, в груди горело <...> Мордой о бетон – это очень неприятно». На основании чего можно заключить, что скандалы подростков агрессивнее, но менее изощрённые, а в конфликтах между взрослыми и подростками появляется ощущение безысходности, стыда и отчаяния.

В проанализированной повести мы наблюдаем вновь вид подростковых скандалов причиной которых является неподчинение, разрушение стереотипов, эти скандалы, как и конфликты в прозе XX века, имеют схожие составляющие: прилюдность, грубость, эпатаж, манипуляции, а следствием становится буллинг. Существенной разницей стал образ взрослых в произведении Бороды - он сатиричен.

Несколько иным образом в произведении Д.С. Доцук «Поход к двум водопадам» раскрываются скандалы с участием подростков, так как автор в большей степени желает привлечь внимание читателей на внутренние переживания, а скандальные сцены становятся своего рода испытанием для юной Веры. Тем не менее конфликтные ситуации так же, как и в повести Е.В. Бороды «Я тебя никогда не прощу» несут особую функциональную нагрузку, становясь этапами сюжета. К примеру, экспозиция – скандал главных героев: «Между Антоном и Трошей Копановым опять произошла стычка, но никто не обратил на это внимания. Привыкли» [3, с. 1]. Автор указывает на обыденность подобных выяснений отношений среди школьников, из-за чего такого рода отклонения в обществе в

его пубертатный период становятся нормой в социуме. Одним из приёмов характеристики персонажей и создания скандала становится, как и в повести Е. Бороды, речь. Подтвердить данную мысль позволяет язык героя, начало скандала в попытке посмеяться над сверстником: «Троша придумал ему много прозвищ: Астмач, Туберкулёз, Тубер, Дохлый...» [3, с. 1], - наличие сниженной лексики особенно свойственно подросткам и детям, так как является важной характеристикой циклоидного типа акцентуации. Далее мы можем видеть обострение конфликтной ситуации, переходящее в рукоприкладство, которое вызвано игнорированием со стороны Антона: «Копанов припечатал высокого Антона к доске, приставил к его горлу острый локоть и что-то угрожающе зашипел», - сцена не только раскрывает конфликт между двумя героями, но и позволяет наблюдать некую трансформацию скандала в буллинг, о чём свидетельствует отсутствие взаимной реакции на агрессию. Однако нельзя констатировать полный переход из одного общественного явления в другое, так как наблюдающие, Вера и Ирина Борисовна, довольно спокойно относятся к происходящему и не являются прямыми его участниками.

Интересен и кульминационный скандал, в центре которого Вера, Антон и Троша - вновь последний становится инициатором конфликтной ситуации. Героя одолевает ревность, вызванная сближением первых двух указанных персонажей на почве происшествия, связанного со здоровьем Антона: приступ астмы, вызванный курением. Вера очень переживала за своего друга, но Троша не понимает благородного порыва героини, ревнует Веру и не желает разбираться в причинах охлаждения к нему, предпочитая кардинальные действия: «Мы были почти у ворот, когда твёрдый, крепко слепленный снежок полоснул Антона по плечу, оставив на куртке след» [3, с. 86]. Автор скрывает личность зачинщика, создав интригу, приближая кульминацию, позволяя читателям самим угадать персонажа, формируя самостоятельное отношение к нему.

Трофим со своей компанией всё так же, не боясь наличия посторонних, демонстрирует абьюзивное поведение, унижая жертву, манипулируя и применяя физическую силу: «Начался обстрел (снежками). Антон сгорбился и загородился руками, защищая очки. Я тоже пригнулась, но кто-то налетел на меня и сшиб с ног. Свалившись в сугроб, я сразу попыталась встать, но Троша прижимал меня и не давал двинуться» [3, с. 87].

Трофим влюблён в Веру, а она своё предпочтение в общении отдаёт его оппоненту Антону. Однако особенностями взаимоотношения подростков в повести Дарья Доцук делится не сразу, а постепенно, раскрывая совершенную неоднозначность образа Троши.

Копанов, не желая мириться с равнодушием Веры, мстит ей, забывая о нравственности и морали, судить об этом позволяет исповедь девушки: «Он набрал полный кулак снега и стал размазывать его мне по лицу. Колючий холод обжигал щеки, забивался в нос и в рот. Я отплевывалась и пыталась вырваться, но он держал крепко» [3, с. 88]. Приведённая цитата выполняет характерологическую функцию, раскрывая образ Трофима как совершенно жестокого, агрессивного подростка-абьюзера.

В прозе Доцук скандалы не доведены до предела, они обладают прилюдностью, эпатирующей окружающих, но не настолько жестоки, как в повести Бороды, раскрывая пубертатный взгляд на социум, поэтому и герои автора с циклоидной, а не шизоидной акцентуацией характера. Однако и в данном тексте ссоры и скандалы приводят к буллингу. Мы посчитали необходимым раскрыть особенности двух терминов: скандал основывается на противостоянии двух сторон, представляющие разные мнения, интересы и так далее. Толпа в конфликтных ситуациях – это очевидцы, в основном обыватели, которые наблюдают за происходящим. Природа буллинга заключается в агрессивном пре-

следовании одной стороной другую, в данном случае толпа принимает активное участие в конфронтации.

Подводя итоги, можно констатировать, цель достигнута, раскрыты поставленные задачи: изучен теоретический минимум, скандалы в текстах XX и XXI веков. Все скандалы развиваются согласно намеченной схеме: причины (обида, ложь, клевета, непохожесть персонажей на остальных); структура скандала: прилюдность, эпатаж, маргинальность, брань, унижение, девиантное поведение, манипуляция; последствия скандала: буллинг, абьюз, суицидальные мысли, примирение.

Для удобства сопоставления нами создана сводная таблица:

Таблица 1 - Сопоставление скандальных сцен в подростковых текстах

ФИО автора произведение, название текста	Причины скандала	Структура скандала	Последствия скандала	Приёмы, создающие скандальные сцены
В.К. Железников «Чучело» В.К. Железников «Чучело»	Лена (главная героиня) взяла вину своего друга, и её одноклассники, не зная правду, начали проявлять по отношению к ней.	1. Конфликтные ситуации происходят в среде подростков; 2. Взрослые персонажи не разделяют скандал с героя-ми-подростками.	Центральные персонажи навсегда покидают город.	1. Речевые портреты персонажей; 2. Жестовые и мимические портреты образов.
Е.В. Борода «Я тебя никогда не прощу»	1. Пубертатный бунт. 2. Нежелание взрослого окружения Тимофея и Леськи брать на себя ответственность.	1. Скандал активно развивается в подростковом кругу; 2. Взрослые персонажи в том числе вступают в конфликт с подростками.	Попытка главного героя покончить жизнь самоубийством на фоне конфликтных ситуаций.	1. Речевые портреты персонажей; 2. Жестовые и мимические портреты образов.
Д.С. Доцук «Поход к двум водопадам»	1. Физическая ущербность Антона; 2. Невзаимная любовь Трофима к Вере.	1. Конфликт между подростками, переживающими пубертатный период; 2. Буллинг переходит в насилие.	1. Внутренняя опустошённость всех участников конфликта; 2. Массовый буллинг в подростковой среде.	1. Речевые портреты героев; 2. Жестовые портреты героев.

Можно заключить: причинами скандалов в текстах о подростках становится предательство, несчастная любовь, непохожесть на окружающих. Во всех произведениях для юношества присутствуют скандалы между подростками, однако в тексте XX века взрослые не поддерживают подобный способ выяснения отношений, а в современной прозе сами взрослые становятся инициаторами и причиной подростковых скандалов. Объединяет все тексты вне зависимости от времени написания и тем трагический финал: переезд, из города, отчисление из школы, суицидальные мотивы, буллинг, депрессия. Приёмы изображения подростковых конфликтов во всех произведениях едины: жесто-

во-мимический портрет, который способен наиболее точно с помощью внешних проявлений раскрыть духовные страдания, и речь, транслирующая культуру подростков.

Скандалы, выполняющие сюжетообразующие и характерологические и психологические функции, приводят к многочисленным выяснениям отношений - буллингу, преследованию жертвы - преодолеть сложившиеся обстоятельства подростки самостоятельно не могут, поэтому последствия абсолютно непредсказуемы. В XX веке автор повести «Чучело» пророчесствует социальный кризис, наметив проблемы, нашедшие отражения в литературе XXI века.

Скандалы в современной подростковой литературе трансформируются становятся менее жестокими, но затяжными. В повести «Я тебя никогда не прощу» Е.В. Бороды нужно констатировать появление нескольких видов скандальных сцен: дети - родители, ученики - учителя, подростки. Эти конфликты обладают своей собственной спецификой: они из плоскости пафоса перерастают в значимый приём психологической характеристики, выражающий ультимативные отношения между разными возрастными группами. Те же особенности можно проследить в произведении Д.С. Доцук «Поход к двум водопадам», однако скандальные сцены в этой повести обладают особой жестокостью и прилюдностью, раскрывающими излишнюю эмоциональность пубертата и ущербность воспитания. Почва этих коллизий своеобразна и имеет ряд специфических причин: желание произвести впечатление на противоположный пол и унижить слабого, самоутверждаясь в глазах толпы.

Список литературы

1. Борода Е.В. Я тебя никогда не прощу. // Книгогид, 2019 – с. 1-41. – URL: <https://knigogid.ru/books/496611-ya-tebya-nikogda-ne-proschu/toread> (дата обращения: 16.01.2024).
2. Дмитриев А.В. Скандал как специфический элемент социокультурной коммуникации и объект информационного внимания СМИ / А. В. Дмитриев // Коммуникология. – 2014. – Т. 4, № 2. – С. 75-83. (дата обращения: 16.01.2024).
3. Доцук Д.С. Поход к двум водопадам: повесть; [ил. Н. Клименко]. – М.: Дет. Лит., [2021]. – 169 с.
4. Железников В.К. Чучело. – URL: <https://kniga-online.com/books/proza/povesti/265658-vladimir-zheleznikov-chuchelo.html> (дата обращения: 16.01.2024).
5. Леоначивус А.В. Бал-скандал: «Горе от ума», «Мертвые души», «Двойник» // Новый филологический вестник, 2013, №3(26) – с. 88-91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bal-skandal-gore-ot-uma-mertvye-dushi-dvoynik> (дата обращения: 16.01.2024).
6. Рейтблат А.И. К социологии литературного скандала // Классика, скандал, Булгарин... Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. Издательство: Новое литературное обозрение, 2019, №3(13) – с. 161-162. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-sotsiologii-literaturnogo-skandala> (дата обращения: 16.01.2024).
7. Соснин В.А. Феномен скандала как форма социального конфликта // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 4. – С. 153-163. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/fenomen-skandala-kak-forma-sotsialnogo-konflikta.pdf> (дата обращения: 16.01.2024).
8. Шакирова А.М., Божкова Г.Н. Роль и способы создания скандальных сцен в повести В.К. Железникова «Чучело» // Берковские чтения - 2023. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы VII Международной научной конференции:

в 2-х томах, Брест, 24–25 мая 2023 года. – Москва: Научный и издательский центр "Наука" РАН, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, 2023. – С. 418-425. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54038984_42826821.pdf (дата обращения: 16.01.2024).

9. Шакирова А.М. Скандал как Ultima ratio героев повести Е. Борода «Я тебя никогда не прощу» // Елабужские филологические чтения : Сборник научных трудов, Елабуга, 03 октября 2022 года. – Елабуга: б/и, 2022. – С. 253-259. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49802612_34121529.pdf (дата обращения: 16.01.2024).

10. Шакирова А.М. Специфика скандала в повести Д.С. Доцук «Поход к двум водопадам» // Наука и молодежь: материалы XVI Международной студенч. науч.-практ. конф. (Елабуга, 26 октября 2023 г.). – Елабуга, 2023. – С. 648-653. - URL: <https://cloud.mail.ru/public/yUlj/hssvR5za6> (дата обращения: 16.01.2024).

1.8. Суицидальные идеации при посттравматическом стрессе у студентов

Наличие суицидальных идеаций СИ рассматривается как часть суицидального поведения, поскольку показано, что они являются одними из самых строгих предикторов суицидов [12]. Однако соотношение между СИ, планами и попытками существенно разнится по странам и возрастным группам. Так, среди студентов в Европе (Бельгия, первый курс, N = 4921 чел.) распространенность СИ, планов и попыток составляет 6%, 5,5% и 1,4% соответственно [22], Турции СИ – 11,4%, попыток – 7,1% [34], Китае (N = 5245 чел.) – 9,1% и 1% соответственно [37], России (младшие курсы) СИ – 25 % [2]. Результаты интернет-опросов, проведенные в США, показывают еще более высокие числа: СИ встречаются у 38,3% студентов (N = 113181 чел., 1500 колледжей и университетов) [35], в течение последних 12 месяцев – у 69% студентов последнего курса и 63% аспирантов (N = 26000 чел., 70 вузов) [13].

Однако не только СИ распространены среди студентов, но и самоубийство не является единичным случаем. Так, в США каждый год приблизительно 1100 студентов кончают жизнь самоубийством [38].

Эпидемиологические исследования на взрослых выборках показывают, что частота встречаемости суицидального поведения среди молодых людей (> 18 лет) выше как в США [18], так и Европе [11], а также мире [24].

Распространенность СИ, планов и попыток среди взрослых (N = 84850 чел., 17 стран с разным уровнем доходов) составляет 9,2%, 3,1% и 2,7% соответственно [24]. Проведенные среди подростков эпидемиологические исследования, в частности, в США показывают, что распространенность СИ, планов и попыток составляет 12,1%, 4% и 4,1% соответственно (N = 6483 чел., 13-18 лет) [25].

Суицидальное поведение связано с наличием психических расстройств. При этом современные эпидемиологические исследования, проведенные в 21 стране на разных континентах, показывают, что существует специфика, связанная с уровнем доходов страны (развитые – с высоким, развивающиеся – со средним и низким, по данным Всемирного банка). В развитых странах депрессия является одним из самых сильных предикторов появления СИ, тогда как в развивающихся – посттравматическое стрессовое расстройство ПТСР (наряду с расстройствами поведения и злоупотреблени-

ем/зависимостью наркотиками) и одним из трех самых сильных в развитых странах (наряду с биполярным расстройством и депрессией) [26].

Позднее проведенный метаанализ также показал наличие связи между суицидальным поведением (идеации, планы, попытки) и ПТСР как текущим, так и в течение жизни, на психиатрических, непсихиатрических, неклинических выборках, а также при разных типах стрессов, инициирующих развитие ПТСР [28].

О том, что СИ имеют наиболее тесную связь именно с ПТСР, свидетельствует психотерапевтическая работа. В ходе сеансов снижение выраженности симптомов ПТСР сопровождалось также редукцией СИ, которая была связана именно с купированием симптомов ПТСР, но не депрессии и связанной с ней беспомощностью [16].

С риском суицидального поведения связаны также и тревожные расстройства как в Европе (Нидерланды) (N = 7076 чел.) [31], так и США (N = 43935 чел.) [33].

СИ и у студентов связаны с проблемами психического здоровья, а также психологического благополучия, нарушением социального функционирования, включая академическую успеваемость. Так, среди студентов университетов в США (N = 898 чел., средний возраст 20,1 лет) при наличии СИ отмечен более высокий уровень депрессии (BDI) и связанной с ней безнадежностью, а также более низкое качество жизни [14]. Отрицательная связь между наличием в течение жизни суицидального поведения (планов и попыток) и академической успеваемостью установлена среди студентов как в Европе (Бельгия) [22], так и США [19]. Кроме того у студентов отмечена связь суицидального поведения не только с депрессией, но и тревожностью [19]. Среди европейских подростков (N = 12395 чел., 11 стран) наличие как тревожного, так и депрессивного состояний и их подпороговых уровней связаны с функциональными нарушениями и наличием суицидального поведения [9].

Однако в последнее время исследования, проведенные на больших выборках, свидетельствуют о том, что тяжелые стрессы, которые потенциально могут инициировать ПТСР, без развития психических расстройств могут запускать суицидальное поведение [10; 32].

Суицидальные попытки в молодом возрасте не проходят бесследно. Установлено, что у лиц с такими попытками в возрасте до 24 лет больше шансов наличия в будущем (прослежено до возраста средней взрослости) постоянных проблем с психическим здоровьем (депрессия, зависимость от психоактивных веществ, дополнительные попытки самоубийства), а также соматическим (метаболический синдром, воспалительные процессы); у них выше агрессия (насильственные преступления и злоупотребления интимным партнером), процент безработицы. Кроме того они более одиноки и менее удовлетворены жизнью. Эти ассоциации оставались после корректировки на юношеские психиатрические расстройства и принадлежность к определенному социальному классу [15]. О маргинальном положении на рынке труда, в том числе из-за появившихся проблем с физическим здоровьем, среди совершивших попытку суицида в возрасте от 16 до 30 лет свидетельствуют и исследования, проведенные в Швеции [23].

О долговременном влиянии СИ на жизнь свидетельствует исследование (Япония), в котором установлено, что появление СИ в подростковом возрасте является предиктором СИ, планов и попыток суицидов во взрослости [27].

Однако даже если СИ в подростковом возрасте не приводят к суицидальным попыткам, их наличие, как показывают лонгитюдные исследования (до 30 лет), независимо от пола имеет долгосрочные негативные последствия в виде плохого общего функцио-

нирования, более высокого уровня психопатологии, проблемного поведения, у мужчин также низких зарплат и социально-экономического статуса [30].

Таким образом, обзор литературы свидетельствует об актуальности проблемы, связанной с СИ. Однако исследования касаются в основном связи между СИ и психическими расстройствами, тогда как связь между СИ и подпороговой выраженностью расстройств, включая в том числе и посттравматический стресс ПТС (только крайняя выраженность которого коррелирует с ПТСР [5]), остается вне поля зрения специалистов.

Целью исследования являлось изучение частоты встречаемости СИ при ПТС в студенческой выборке и их связи с: 1) полом, 2) тяжестью течения ПТС, дезадаптационными состояниями в виде высокой выраженности 3) психопатологической симптоматики (SCL-90-R), 4) депрессии BDI, 5) тревожности, 6) личностными особенностями (СМИЛ).

Методы, характеристика выборки. Определялась выраженность следующих показателей: ПТС по двум специфичным для него шкалам 1) Миссисипская (MS) (Keane T.M. et al., 1988), гражданский вариант (Vreven D.I. et al., 1995), 2) оценки влияния травматических событий (ШОБТС или IES-R) с субшкалами вторжение IN, избегание AV, физиологическая реактивность AR (Horovitz M.J. et al., 1979; Marmar C.R. et al., 1996), а также коморбидных 3) депрессии BDI с субшкалами аффективно-когнитивная А-С и соматическая S-P (Beck A. et al., 1961), 4) психопатологической симптоматики SCL-90-R (симптомокомплексы соматизации SOM, обсессивности-компульсивности О-С, межличностной сензитивности INT, депрессии DEPR со шкалой ее дополнительной диагностики ADD, тревожности ANX, враждебности HOS, фобической тревожности PHOB, паранойяльности PAR, психотизма PSY, обобщенных индексов: общего количества симптомов PST, общего дистресса GSI, симптоматического дистресса PSDI (Derogatis L.R. et al., 1974); 5) наличие суицидальных идей СИ через утвердительные ответы на вопрос о суициде в трех опросниках (MS, BDI, SCL-90-R) (хотя бы в одном); 6) наличие тяжелых стрессов в истории жизни (LEQ). Все опросники адаптированы на российских выборках в лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН [5]. Определялись также: 7) личностные особенности (СМИЛ, модифицированный ММПИ) [7] (кодировка профиля по Уэлшу), 8) тревожность Тейлор MAS (в сырых баллах) (дополнительная шкала СМИЛ), 9) маскулинность у девушек (по наличию в профиле на первом месте шкалы мужественности-женственности 5).

В данном исследовании анализировалась только высокая выраженность депрессии BDI, тревожности MAS, симптомокомплексов психопатологической симптоматики (SCL-90-R), которая названа дезадаптационным состоянием. О наличии дезадаптационного состояния свидетельствовали высокие значения, границей которых служил верхний квартиль, отсекающий 25% выборки с наибольшей выраженностью показателя с учетом пола (собственные данные [1]).

ПТС вызваны следующими стрессами (наихудший случай): насилие или его свидетельство (семейное, физическое, сексуальное), неожиданная смерть близкого, аварии. Во всех случаях после стресса, инициировавшего ПТС, прошло не менее 6 месяцев. В исследуемой выборке в среднем после стресса, приведшего к развитию ПТС, прошло (лет): $M = 3,8$ ($SD = 3,57$) у девушек и $M = 3,4$ ($SD = 2,91$) у юношей, т.е. время получения психотравмы приходится на подростковый возраст.

В качестве контрольной использована группа, в которой были стрессы из списка LEQ. При этом из выборки были удалены все студенты с наличием стрессовых состояний, вызванных конфликтами между родителями, со сверстниками, с родителями, тяжелыми

болезнями родителей, разрывом любовных отношений, угрозой отчисления из вуза или отчислением в прошлом.

Исследования проведены на студентах государственных вузов г. Воронеж дневной формы обучения инженерных и экономических специальностей. Всего в исследовании приняло участие 1455 человек: 476 девушек и 144 юноши в группе с ПТС, 549 и 286 – в контрольной, в возрасте (лет) 19,0 (SD = 0,92) и 19,2 (SD = 0,99) соответственно.

При рассмотрении данных в режиме непрерывных значений они представлены в виде среднего арифметического (M) и стандартного отклонения (SD), однако при определении достоверности разницы между группами использовались как параметрические критерии (t Стьюдента), так и непараметрические (U Манна-Уитни), последний в случае отклонения данных от закона нормального распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова). Проводился также анализ таблиц сопряженности (с поправкой на непрерывность) (критерий независимости χ^2 -Пирсона) с вычислением коэффициента Крамера V_{Cr} , являющегося мерой связи между двумя переменными.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS (версия 13).

Экспериментальная часть. Поскольку данное исследование посвящено изучению СИ, наличие которых может быть связано с психическими расстройствами (как следует из обзора литературы), то следует отметить, что в общей выборке (две группы из которой – контрольная и с ПТС – рассмотрены в данном исследовании) выраженность исследуемых показателей психопатологической симптоматики SCL-90-R (как отдельных симптомокомплексов, так и обобщенных индексов), а также депрессии BDI, тревожности MAS сопоставима с теми значениями, которые установлены в других студенческих, т.е. выборка является репрезентативной студенческим. Подробности изложены ранее [1].

Установлено, что в группе с ПТС СИ встречаются чаще, чем в контрольной у девушек в 2,8 раза ($\chi^2 = 102,374$, $p = 0,000$, $V_{Cr} = 0,32$), юношей – в 4 ($\chi^2 = 51,741$, $p = 0,000$, $V_{Cr} = 0,35$) (рисунок 1).

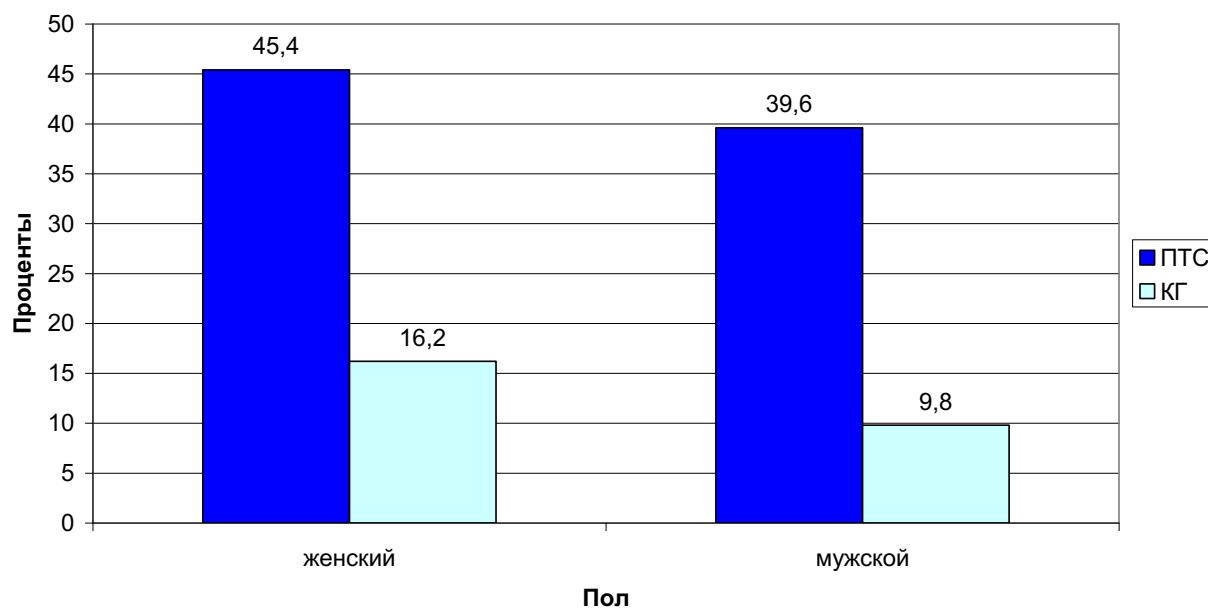

Рисунок 1 - Частота встречаемости (%) СИ в группе с ПТС и контрольной (КГ) с учетом пола

При этом разница между полами установлена только в контрольной группе: у девушек частота встречаемости СИ выше в 1,7 раза ($\chi^2 = 5,913$, $p = 0,015$).

При ПТС независимо от пола между группами с наличием СИ и их отсутствием существует статистически значимая разница в выраженности обеих специфичных для ПТС MS и IES-R, включая все субшкалы (вторжение, IN, избегание AV, физиологическая реактивность AR) в большую сторону в первой (табл. 1).

Таблица 1 - Выраженность (баллы) специфичных для ПТС шкал в группах с наличием и отсутствием СИ с учетом пола

Показатели	Девушки						Юноши					
	Нет СИ		Есть СИ		Достоверность разницы между группами		Нет СИ		Есть СИ		Достоверность разницы между группами	
	M	SD	M	SD	U/t	p*	M	SD	M	SD	U/t	P
MS	83,7	13,71	105,9	22,05	10738	,000	82,8	14,39	106,9	19,74	8,454	,000
IN	13,6	8,27	19,3	8,64	17875,5	,000	8,6	6,71	15,2	8,29	1283,5	,000
AV	18,3	7,79	22,0	7,93	5,138	,000	14,6	8,69	20,7	7,31	4,387	,000
AR	10,5	7,35	17,1	8,67	15756	,000	7,1	5,48	12,9	7,73	1338	,000
IES-R	42,3	19,54	58,4	22,19	8,372	,000	30,2	17,69	49,2	20,97	5,844	,000
N	260	—	216	—	—	—	86	—	58	—	—	—

Примечание: * – здесь и далее везде ноль перед запятыми опущен

Это значит, что независимо от пола ПТС в группе с наличием СИ протекает тяжелее.

В группе с наличием СИ по сравнению с их отсутствием выше частота встречаемости всех дезадаптационных состояний психопатологической симптоматики, а также депрессии BDI и тревожности MAS (табл. 2).

Таблица 2 - Частота встречаемости (%) дезадаптационных состояний психопатологической симптоматики (SCL-90-R), депрессии BDI, тревожности MAS в группах с наличием и отсутствием СИ с учетом пола

Показатели	Девушки					Юноши				
	Нет СИ	Есть СИ	χ^2	p	V _{Cr}	Нет СИ	Есть СИ	χ^2	p	V _{Cr}
SOM	38,1	66,2	36,229	,000	0,28	37,9	66,7	10,256	,001	0,28
O-C	40,8	69,6	39,161	,000	0,29	34,5	68,4	14,563	,000	0,33
INT	35,4	64,4	38,483	,000	0,29	26,4	71,9	27,052	,000	0,45
DEPR	30,4	79,2	110,644	,000	0,49	39,1	78,9	20,522	,000	0,39
ANX	35,0	67,6	48,838	,000	0,33	35,6	75,4	20,280	,000	0,39
HOS	39,2	75,5	61,302	,000	0,36	35,6	73,7	18,456	,000	0,37
PHOB	38,5	71,8	51,263	,000	0,33	39,1	71,9	13,603	,000	0,32
PAR	38,5	67,6	38,936	,000	0,29	36,8	73,7	17,325	,000	0,36
PSY	30,8	70,4	72,481	,000	0,39	36,8	73,7	17,325	,000	0,36
ADD	40,8	74,1	51,740	,000	0,33	31,0	73,3	23,420	,000	0,42
GSI	32,7	70,8	67,137	,000	0,38	34,5	77,2	23,467	,000	0,42
BDI	35,0	80,1	95,302	,000	0,45	37,2	84,2	28,848	,000	0,46
MAS	33,2	70,1	60,016	,000	0,37	32,5	69,8	16,580	,000	0,36

Все коэффициенты Крамера свидетельствуют в основном об умеренной силе связи, за некоторыми исключениями в виде слабой ($V_{Cr} < 0,29$).

Кроме того в группе с наличием СИ по сравнению с их отсутствием выше также количество дезадаптационных состояний психопатологической симптоматики (SCL-90-R): $M = 8,6$ ($SD = 3,81$) и $M = 4,4$ ($SD = 4,02$) ($U = 12652,0$, $p = 0,000$) соответственно у девушек и $M = 7,3$ ($SD = 3,05$) и $M = 3,5$ ($SD = 2,93$) ($U = 983,0$, $p = 0,000$) – юношей.

Таким образом, группа с наличием СИ характеризуется наибольшей частотой встречаемости дезадаптационных состояний коморбидной психопатологической симптоматики (SCL-90-R), депрессии BDI, тревожности MAS. Это значит, что в группе с наличием СИ уровень психического дискомфорта выражен сильнее.

Полученные данные совпадают с результатами зарубежных исследований, в которых установлено, что коморбидность при ПТСР увеличивает вероятность появления суицидального поведения. Так, на стохастической выборке женщин ($N = 53085$ чел.) установлено, что коморбидность ПТСР и депрессии в течение жизни связаны со значительно более высокой частотой встречаемости СИ, чем только одно любое расстройство. Кроме того наличие даже частичного ПТСР в группе с депрессией увеличивает риск появления СИ [21].

Далее рассмотрена связь между группами с разной тяжестью течения ПТС и частотой встречаемости СИ. Границами групп служили баллы первого и третьего квартилей: 79 и 104 у девушек, 79 и 105 – юношей (по MS), 33 и 66, 22 и 51 соответственно (по IES-R). При этом при баллах ниже первого квартиля – нет ПТС, равных и выше первого, но ниже третьего – частичный ПТС, равных и выше третьего – ПТС.

Установлено, что частота встречаемости СИ возрастает между группами нет ПТС – частичный ПТС – ПТС и составляет: 14,2%, 40,3%, 85% ($V_{Cr} = 0,51$, $\chi^2 = 122,936$, $df = 2$, $p = 0,000$) у девушек, 11,4%, 31,9%, 81,1% ($V_{Cr} = 0,53$, $\chi^2 = 40,001$, $df = 2$, $p = 0,000$) – юношей. Величина коэффициентов Крамера свидетельствует о том, что эта связь по силе является средней. Детализация по парам групп показывает, что наиболее выраженный рост частоты встречаемости СИ происходит в группе «ПТС» по сравнению с «частичный ПТС». Об этом свидетельствует величина коэффициентов Крамера: $V_{Cr} = 0,42$ ($\chi^2 = 62,999$, $p = 0,000$) у девушек и $V_{Cr} = 0,47$ ($\chi^2 = 21,696$, $p = 0,000$) – юношей, тогда как между парами групп «частичный ПТС» и «нет ПТС» $V_{Cr} = 0,26$ ($\chi^2 = 23,080$, $p = 0,000$) и $V_{Cr} = 0,22$ ($\chi^2 = 4,223$, $p = 0,04$) соответственно. Коэффициенты Крамера при рассмотрении крайних групп по тяжести течения ПТС составляют $V_{Cr} = 0,71$ ($\chi^2 = 114,026$, $p = 0,000$) у девушек и $V_{Cr} = 0,70$ ($\chi^2 = 32,273$, $p = 0,000$) – юношей и свидетельствуют о сильной связи между частотой встречаемости СИ и тяжелым ПТС.

Таким образом, вероятность появления СИ будет самой высокой при тяжелом ПТС (по MS) по сравнению с легким (нет ПТС) у девушек в 6 раз, юношей – 7: в этой группе четверо из пяти девушек и юношей думают о самоубийстве.

Частота встречаемости СИ между группами нет ПТС – частичный ПТС – ПТС (по IES-R) составляет: у девушек 26,5%, 38,7%, 75,8% ($V_{Cr} = 0,38$, $\chi^2 = 67,348$, $df = 2$, $p = 0,000$), юношей – 14,7%, 35,6%, 70,3% ($V_{Cr} = 0,41$, $\chi^2 = 23,848$, $df = 2$, $p = 0,000$). Детализация по парам групп показывает, что в группе «ПТС» по сравнению с «частичный ПТС» коэффициенты Крамера составляют $V_{Cr} = 0,35$ ($\chi^2 = 43,218$, $p = 0,000$) у девушек и $V_{Cr} = 0,33$ ($\chi^2 = 10,481$, $p = 0,001$) – юношей, в группе «частичный ПТС» по сравнению с «нет ПТС» – $V_{Cr} = 0,12$ ($\chi^2 = 4,631$, $p = 0,031$) и $V_{Cr} = 0,22$ ($\chi^2 = 3,965$, $p = 0,046$) соответственно. Между крайними по тяжести течения ПТС группами $V_{Cr} = 0,49$ ($\chi^2 = 58,633$, $p = 0,000$) у девушек и $V_{Cr} = 0,56$ ($\chi^2 = 20,037$, $p = 0,000$) – юношей, т.е. связь по величине умеренная и средняя соответственно.

Полученные данные (монотонно возрастающая частота встречаемости СИ между группами с разной тяжестью течения ПТС, диагностируемого как по MS, так и IES-R) свидетельствуют о том, что СИ не являются предикторами ПТС и их появление – это результат ПТС: они появятся у тех, кто до ПТС не думал о самоубийстве, и частота встре-

чаемости этих мыслей будет тем больше, чем тяжелее его течение. При этом самая тесная связь установлена в модели с крайними по тяжести течения ПТС (по MS) группами: в этом случае она является сильной по величине независимо от пола, т.е. самыми опасными в плане появления СИ являются тяжело текущие ПТС.

Наличие СИ также связано с личностными особенностями, выявляемыми СМЛЛ. У девушек статистически значимая разница между группами с наличием и отсутствием СИ установлена по девяти клиническим шкалам (т.е. всем, кроме мужественности-женственности 5) и двум оценочным достоверности F и коррекции K (табл. 3).

Таблица 3 - Выраженность (баллы) шкал СМЛЛ в группах с наличием и отсутствием СИ с учетом пола

Шкалы СМЛЛ*	Девушки						Юноши					
	Нет СИ		Есть СИ		Достоверность разницы между груп- пами		Нет СИ		Есть СИ		Достоверность разницы между груп- пами	
	M	SD	M	SD	U/t	p	M	SD	M	SD	U/t	p
Лжи (L)	42,8	5,44	42,0	5,1	23801,5	,159	43,9	6,33	42,4	5,28	1937	,234
Достоверности (F)	61,2	7,88	69,0	9,5	13544	,000	63,2	8,54	71,9	12,33	1246,5	,000
Коррекции (K)	50,6	6,92	46,0	5,81	15779,5	,000	52,0	6,83	46,4	7,04	4,632	,000
Невр. сверхконтроля (1)	56,6	10,14	61,5	11,65	19190,5	,000	58,0	9,96	64,1	12,52	3,178	,002
Пессимистичности (2)	57,2	11,94	65,3	12,01	16215,5	,000	61,9	13,35	70,5	13,41	3,663	,000
Эм. лабильности (3)	57,1	10,04	62,7	10,61	5,787	,000	58,4	9,38	61,7	10,66	1,917	,057
Импульсивности (4)	63,2	10,34	70,9	11,48	15917,5	,000	64,2	10,43	68,7	10,69	2,436	,016
Муж.-женственности (5)	61,4	9,13	61,9	8,61	24665,5	,447	56,8	9,62	60,1	8,82	1,991	,049
Ригидности (6)	58,9	11,21	68,6	11,25	13679	,000	56,6	10,8	66,2	12,08	1212,5	,000
Тревожности (7)	58,5	9,9	66,8	10,46	8,640	,000	59,8	11,96	69,0	13,58	4,150	,000
Индивидуалистичности (8)	62,1	10,88	72,1	12,27	13580	,000	67,0	12,78	79,6	16,48	5,030	,000
Оптимистичности (9)	64,0	11,42	68,1	10,36	3,967	,000	67,5	11,63	67,4	12,28	0,017	,986
Соц. интроверсии (0)	52,9	8,19	57,7	9,19	17970	,000	51,9	8,02	60,0	8,85	5,482	,000
N*	256	—	201	—	—	—	83	—	53	—	—	—

Примечания: * – здесь и далее везде названия следующих шкал даны в сокращенном виде: невротического сверхконтроля (1), эмоциональной лабильности (3), мужественности-женственности (5); ** – сокращение объема выборки связано с исключением из нее лиц с сомнительными и недостоверными профилями СМЛЛ

У юношей между группами с наличием и отсутствием СИ разница установлена по восьми клиническим шкалам (т.е. всем, кроме оптимистичности 9 и эмоциональной лабильности 3) и двум оценочным – достоверности F и коррекции K. При этом независимо от пола по всем шкалам в группе есть СИ значения выше и только по оценочной шкале коррекции K – ниже.

Таким образом, группа с наличием СИ отличается более высокой выраженностью шкал СМЛЛ и подъемом профиля. Большая выраженность шкал СМЛЛ в группе с наличием СИ означает, что ПТС в этой группе протекает тяжелее, поскольку он осложнен также и усилением личностных особенностей.

Сам профиль у юношей в группе с отсутствием СИ имеет вид 984273156, при этом баллы по двум шкалам оптимистичности 9 и индивидуалистичности 8 достигают уровня акцентуаций (рисунок 2).

Этот профиль является смешанным с преобладанием стеничности (шкалы 9-ая, 4-ая) и свидетельствует об активности в поисках выхода из стресса, оптимистичности в отношении своего будущего, а также о субъективности восприятия, связанной с переживанием ПТС. В группе с наличием СИ профиль имеет вид 82'74961350. При этом уровень первых пяти шкал в профиле свидетельствует о наличии акцентуаций, в случае со шкалой инди-

видауалистичности 8 и пессимистичности 2 – сильно выраженных. Этот профиль является смешанным с преобладанием гипостеничности и отражает высокую степень субъективности восприятия, отгороженности от других (8-ая и 0-ая шкалы), практически не поддающейся психокоррекции, пессимистичность в оценке жизненных перспектив (2-ая шкала), высокую тревожность (7-ая шкала) и эмоциональную напряженность как минимум или же личностную дезинтеграцию (высокая шкала достоверности F).

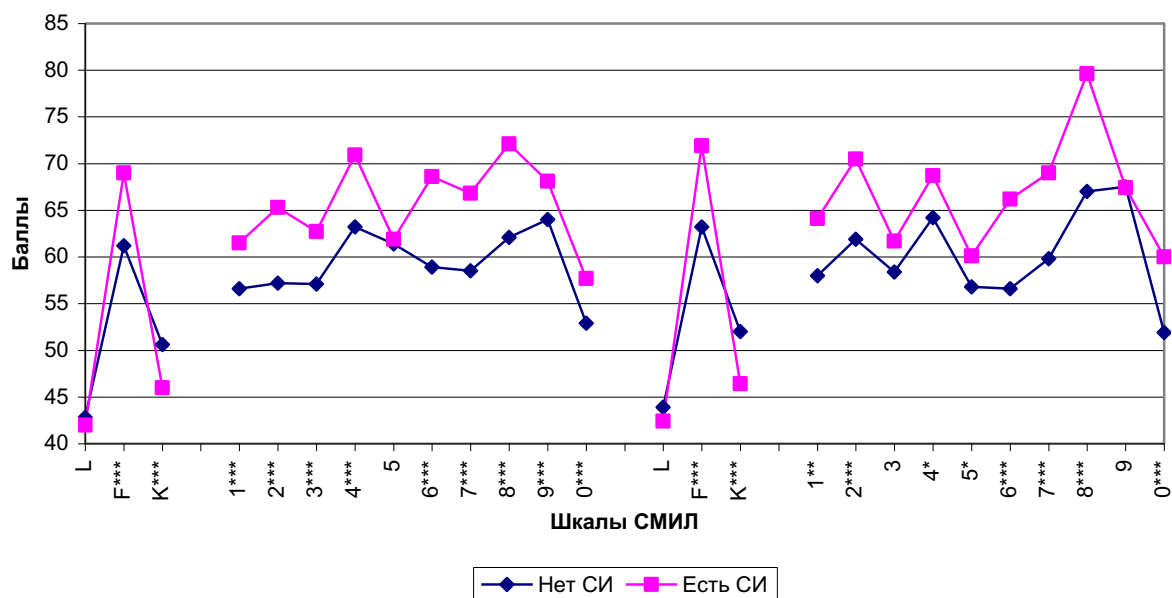

Рисунок 2 - Профили СМЛ в группах с наличием и отсутствием СИ:
слева – у девушек, справа – юношей

Примечание: достоверность разницы между группами с наличием и отсутствием СИ с вероятностями: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p = 0,000$ (см. также табл. 3)

У девушек в группе с отсутствием СИ профиль имеет вид 948567231. Этот профиль не является нормативным для девушек из-за присутствия в числе ведущих шкалы индивидуалистичности 8 (профиль в контрольной группе имеет вид 54982), но он свидетельствует об активности в поисках выхода из стресса, оптимистичности и вместе с тем о субъективности восприятия, связанной с переживанием ПТС.

В группе с наличием СИ профиль имеет вид 84'69723510, при этом уровень первых четырех шкал свидетельствует о наличии акцентуаций, которые в случае индивидуалистичности 8 и импульсивности 4 являются выраженными, а достоверности F – об эмоциональной неустойчивости. Профиль является смешанным с преобладанием гиперстеничности и свидетельствует о выраженной субъективности восприятия, отгороженности от других, плохом самоконтроле, агрессивности, что при эмоциональной неустойчивости увеличивает риск превентивных агрессивных действий. В данном случае можно говорить о наличии агрессии, направленной как на себя (поскольку есть СИ), так и на других. Учитывая высокую эмоциональную неустойчивость и импульсивность девушек в группе с наличием СИ, вектор агрессии может чрезвычайно быстро сменить направление. Не исключен и вариант с одновременной актуализацией вектора агрессии, направленного как на себя, так и на других.

Таким образом, профили в группе с наличием СИ у девушек и юношей различны: у первых в числе ведущих находятся шкалы стеничного регистра, вторых – гипостеничного, но их объединяет наличие на первом месте шкалы индивидуалистичности 8 с высокими

баллами. С одной стороны присутствие на первом месте в профиле этой шкалы с высокими баллами свидетельствует об отгороженности, практически не поддающейся психокоррекции субъективности восприятия, с другой стороны она усиливает характеристики диаметрально противоположных профилей: гипостеничного у юношей и гиперстеничного у девушек.

Являются ли установленные профили в группе с наличием СИ опасными в плане совершения самих суицидов или их попыток? Согласно литературным данным – да. Показано, в частности, что высокие значения шкал гипостеничного регистра пессимистичности 2, тревожности 7 и социальной интроверсии 0, усиленные шкалой индивидуалистичности 8, у сотрудников правоохранительных органов являются предикторами завершённых суицидов [4]. Об опасности свидетельствует и тот факт, что обнаруженный у юношей профиль в группе с наличием СИ по кодотипу совпадает с установленным у мужчин-комбатантов с ПТСР [17; 8], среди которых процент суицидов выше по сравнению с теми, кто не страдает этим расстройством [29].

Данные о женских профилях, связанных с риском суицидов в литературе отсутствуют. Однако связь между суицидами и личностными особенностями в виде импульсивности, агрессивности установлена еще Дж. Манном [20] и подтверждается в позднее проведенных исследованиях [36].

Фактором, связанным с появлением СИ, является также наличие акцентуаций (≥ 70 баллов по клиническим шкалам). Так, в группе с наличием СИ у девушек выше частота встречаемости акцентуаций по девяти клиническим шкалам (т.е. всем, за исключением мужественности-женственности 5), а также оценочной достоверности F (> 65 баллов) (табл. 4).

Таблица 4 - Частота встречаемости (%) акцентуаций по шкалам СМЛ в группах с наличием и отсутствием СИ с учетом пола

Шкалы СМЛ	Девушки					Юноши				
	Нет СИ	Есть СИ	χ^2	p	V _{Cr}	Нет СИ	Есть СИ	χ^2	p	V _{Cr}
Достоверности (F)	33,8	66,2	57,608	,000	0,36	42,2	67,9	7,598	,006	0,25
Невр. сверхконтроля (1)	11,3	22,4	9,350	,002	0,15	15,7	32,1	4,158	,041	0,19
Пессимистичности (2)	18,0	34,8	16,015	,000	0,19	26,5	49,1	6,249	,012	0,23
Эм. лабильности (3)	9,8	24,9	17,654	,000	0,20	18,1	22,6	0,186	,666	–
Импульсивности (4)	26,2	56,2	41,330	,000	0,31	31,3	54,7	6,409	,011	0,23
Муж.-женственности (5)	17,6	18,4	0,011	,915	–	9,6	13,2	0,135	,713	–
Ригидности (6)	18,0	44,8	37,438	,000	0,29	14,5	45,3	14,247	,000	0,34
Тревожности (7)	14,1	41,8	43,288	,000	0,31	16,9	54,7	19,717	,000	0,40
Индивидуалистичности (8)	20,3	54,7	56,781	,000	0,36	36,1	73,6	18,673	,000	0,37
Оптимистичности (9)	34,8	45,8	5,251	,022	0,11	47,0	50,9	0,075	,784	–
Соц. интроверсии (0)	4,7	13,9	10,914	,001	0,16	0,0	17,0	–	–	–

Следует пояснить, что внимание к уровню оценочной шкалы достоверности F связано с ее ролью в диагностике ПТСР по ММРІ [17; 8].

При этом самые высокие коэффициенты Крамера V_{Cr} установлены по шкалам индивидуалистичности 8, достоверности F, импульсивности 4 и тревожности 7: в этих случаях связь по силе является умеренной.

У юношей в группе с наличием СИ выше частота встречаемости акцентуаций по шести клиническим шкалам: невротического сверхконтроля 1, пессимистичности 2, импульсивности 4, ригидности 6, тревожности 7, индивидуалистичности 8, а также досто-

верности F. Данные по шкале социальной интроверсии 0 не подлежат статистической обработке, т.к. в группе с отсутствием СИ акцентуации по этой шкале не встречаются (0%). При этом коэффициенты Крамера V_{Cr} выше для шкал тревожности 7, индивидуальности 8, ригидности 6: в этих случаях связь по силе является умеренной.

Таким образом, частота встречаемости СИ выше у девушек при наличии акцентуации по любой клинической шкале, за исключением мужественности-женственности 5, юношей – шести, а также независимо от пола оценочной шкале достоверности F, но чаще всего – по шкалам индивидуальности 8 и тревожности 7 независимо от пола, у девушек также импульсивности 4, достоверности F, у юношей – ригидности 6.

Фактором, связанным с СИ, является также большое количество акцентуаций (включая шкалу достоверности $F > 65$ баллов). Установлена статистически значимая разница при рассмотрении групп, различающихся по количеству акцентуаций: у девушек коэффициент Крамера $V_{Cr} = 0,43$, ($\chi^2 = 85,251$, $df = 9$, $p = 0,000$) (из-за низкой совместной частоты встречаемости десяти акцентуаций, группы с девятью и десятью пришлось объединить), юношей – $V_{Cr} = 0,43$ ($\chi^2 = 25,292$, $df = 8$, $p = 0,001$) (из-за низкой частоты совместной встречаемости восьми-одиннадцати акцентуаций группы пришлось объединить).

Детализация этой зависимости показывает, что у девушек в группе с наличием СИ выше частота совместной встречаемости двух и более акцентуаций (относительно неакцентуированных профилей, т.е. тех, в которых нет клинических шкал с баллами выше 69 и оценочной достоверности F – 64) (табл. 5).

Таблица 5 - Частота встречаемости (%) СИ в зависимости от количества акцентуаций (≥ 70 , $F \geq 65$) с учетом пола

Количество шкал с высокими баллами*	Девушки					Юноши				
	Нет СИ	Есть СИ	χ^2	p	V_{Cr}	Нет СИ	Есть СИ	χ^2	p	V_{Cr}
1	47,7	62,5	2,681	,102	–	65,7	63,6	0,016	,900	–
2	39,5	60,5	50,109	,024	0,18	53,8	42,9	0,267	,606	–
3	27,4	51,6	6,182	,013	0,22	45,5	50,0	0,049	,825	–
4	19,8	65,9	27,105	,000	0,46	40,0	50,0	0,233	,629	–
5	15,9	62,5	27,278	,000	0,47	36,8	63,6	2,010	,156	–
6	14,8	64,3	31,260	,000	0,50	20,0	63,6	5,105	,024	0,44
7	5,5	50,0	28,014	,000	0,52	14,3	66,7	7,490	,006	0,54
8	4,2	44,4	27,779	,000	0,50	–	–	–	–	–
(9+10)/(8+9+10+11)**	5,5	48,3	26,157	,000	0,51	25,0	69,2	5,673	,017	0,44

Примечание: * – сравнение проводилось относительно группы, в которой в профиле нет клинических шкал с высокими баллами (< 70 баллов), а также оценочной достоверности F (< 65) (неакцентуированный профиль); ** – объединенная группа до кривой черты девушек, после – юношей

Поскольку по совместной частоте встречаемости акцентуаций по сравнению с одиночными установлены более высокие коэффициенты Крамера V_{Cr} , то, следовательно, наиболее информативным для прогноза вероятности появления СИ является суммарно большое количество акцентуаций, свидетельствующее о напряженности личностного функционирования.

У юношей статистически значимая разница в частоте встречаемости СИ установлена только для большого количества акцентуаций (шесть и выше).

Полученные данные совпадают с литературными, в которых установлено, что у сотрудников правоохранительных органов в группе суицидентов выше количество акцентуированных шкал СМЛ [6].

Таким образом, независимо от пола в группе с наличием СИ ПТС протекает тяжелее, поскольку он в большей степени «нагружен» акцентуациями, наличие каждой из которых свидетельствует о нарушении социальной адаптации.

Фактором, связанным с СИ у девушек, является наличие в профиле на первом месте шкалы мужественности-женственности 5, свидетельствующее о наличии маскулинности. Под маскулинностью понимаются нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин [3].

Установлено, что в группе с наличием СИ по сравнению с их отсутствием частота встречаемости маскулинности меньше в 2,3 раза: 9% против 20,7% ($V_{cr} = 0,16$, $\chi^2 = 11,842$, $p = 0,001$). Это значит, что маскулинность выполняет протекторную функцию, т.е. защищает от появления СИ.

Выводы:

1. В исследованной студенческой выборке ПТС являются значимым фактором, связанным с суицидальным поведением в виде появления СИ. Каждая вторая девушка и каждый третий юноша, переживающие ПТС, думают о самоубийстве, тогда как в контрольной группе такие мысли встречаются значительно реже.

2. Группа с наличием СИ независимо от пола отличается наибольшей тяжестью течения самого ПТС, а также большей частотой встречаемости коморбидных дезадаптивных состояний в виде депрессии BDI, тревожности MAS, всех симптомокомплексов психопатологической симптоматики (SCL-90-R). При этом дезадаптивные состояния в виде симптомокомплексов психопатологической симптоматики совместно присутствуют значительно чаще.

3. СИ не являются предиктором ПТС, т.е. их появление – это результат развития ПТС и отражает тяжесть состояния, переживаемого молодыми людьми.

4. Самыми опасными в плане появления СИ являются тяжело текущие ПТС (по MS) В этой группе четверо из пяти девушек и юношей думают о самоубийстве.

5. Группа с наличием СИ при ПТС отличается наиболее выраженными личностными изменениями (СМИЛ), большей частотой встречаемости акцентуаций и большим количеством одновременно присутствующих акцентуаций. При этом существует связанная с полом специфика.

А. Профиль СМИЛ в группе с наличием СИ у юношей имеет вид 82'74961350, у девушек – 84'69723510. Оба профиля являются смешанными, но у юношей с преобладанием гипостеничности, девушек – гиперстеничности. Установленные профили свидетельствуют о нарушении социальной адаптации по невротическому типу у юношей и поведенческому – девушек.

Б. В группе с наличием СИ выше частота встречаемости акцентуаций по любой клинической шкале (кроме мужественности-женственности 5) у девушек, у юношей – по любой из шести (невротического сверхконтроля 1, пессимистичности 2, импульсивности 4, ригидности 6, тревожности 7, индивидуалистичности 8), а также независимо от пола – по оценочной достоверности F (> 65 баллов).

В. В группе с наличием СИ выше количество акцентуаций, у девушек начиная с двух, юношей – шести.

Г. Личностной особенностью, защищающей от появления СИ, у девушек является маскулинность. Ее частота встречаемости в группе с наличием СИ ниже.

Список литературы

1. Азарных Т.Д. Дезадаптационные состояния и их связь со стрессами у студентов. В кн.: А.Ю. Нагорнова, Т.Б. Михеева (отв. ред.) Современные направления развития вузовского образования. Колл. монография. - Ульяновск, 2019. - С. 403-427.
2. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Евдокимова Я.Г. и др. Предэкзаменационный стресс и эмоциональная дезадаптация у студентов младших курсов // Социальная и клиническая психиатрия. - 2007. - Т. 17. - № 2. - С. 38-42.
3. Гендерная психология. Практикум. 2-е изд. / Под ред. И.С. Клециной. - СПб.: Питер, 2009. - С. 255.
4. Марьин М.И., Бирюков С.Д., Смирнова М.В. Личностные факторы суицидального риска (на примере сотрудников органов внутренних дел) // Психологический журнал. - 2009. - Т. 30. - № 4. - С. 16-24.
5. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина, В.А. Агарков, Ю.В. Быховец и др. Ч. 1. Теория и методы. - М.: Изд-во «Когито-Центр», 2007. - 208 с.
6. Смирнова М.В. Психодиагностическая методика определения суицидального риска // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2011. - № 1. - С. 67-70.
7. Собчик Л.Н. Компьютерная программа к психодиагностическому тесту СМИЛ (вариант 3). Лицензия № 05324. - М.: Ин-т практической психологии, 2001.
8. Тарабрина Н.В. Посттравматическое стрессовое расстройство у ветеранов-инвалидов (участников боевых действий) / Клиническая психология: хрестоматия; сост., ред. Н.В. Тарабрина. - СПб., 2000. - С. 325-352.
9. Balázs J., Mónika M., Keresztény Á. et al. Adolescent subthreshold-depression and anxiety: psychopathology, functional impairment and increased suicide risk // Journal of child psychology and psychiatry. - 2013. - Vol. 54. - № 6. - P. 670-677.
10. Belik S.-L., Cox B.J., Stein M.B. et al. Traumatic events and suicidal behavior: results from a national mental health survey // The Journal of nervous and mental disease. - 2007. - Vol. 195(4). - P. 342-349.
11. Bernal M., Haro M., Bernert S. et al. Risk factors for suicidality in Europe: Results from the ESEMeD study // Journal of affective disorders. - 2007. - Vol. 101(1-3). - P. 27-34.
12. Brown G.K., Beck A.T., Steer R.A. et al. Risk factors for suicide in psychiatric outpatients: a 20-year prospective study // Journal of consulting and clinical psychology. - 2000. - Vol. 68. - № 3. - P. 371-377.
13. Drum D.J., Brownson C., Denmark A.B. et al. New data on the nature of suicidal crises in college students: shifting the paradigm // Professional psychology: research and practice. - 2009. - Vol. 40(3). - P. 213-222.
14. Farabaugh A., Bitran S., Nyer M. et al. Depression and suicidal ideation in college students // Psychopathology. - 2012. - Vol. 45(4). - P. 228-234.
15. Goldman-Mellor S.J., Caspi A., Harrington H. et al. Suicide attempt in young people: a signal for long-term health care and social needs // JAMA Psychiatry. - 2014. - Vol. 71(2). - P. 119-127.
16. Gradus J.L., Suvak M.K., Wisco B.E. et al. Treatment of posttraumatic stress disorder reduces suicidal ideation // Depression and anxiety. - 2013. - Vol. 30(10). - P. 1046-1053.

17. Keane T.M., Malloy P.F., Fairbank J.A Empirical development of an MMPI subscale for the assessment of combat-related posttraumatic stress disorder // *Journal of consulting and clinical psychology*. - 1984. - Vol. 52(5). - P. 888-891.
18. Kessler R.C., Borges G., Walters E.E. Prevalence of and risk factors for lifetime suicide attempts in the National Comorbidity Survey // *Archives of general psychiatry*. - 1999. - Vol. 56(7). - P. 617-626.
19. Keyes C.L., Eisenberg D., Perry G.S. et al. The relationship of level of positive mental health with current mental disorders in predicting suicidal behavior and academic impairment in college students // *Journal of American college health*. - 2012. - Vol. 60(2). - P. 126-133.
20. Mann J.J., Waternaux C., Haas G.L., Malone K.M. Toward a clinical model of suicidal behavior in psychiatric patients // *The American journal of psychiatry*. - 1999. - Vol. 156(2). - P. 181-189.
21. Marshall R.D., Olfson M., Hellman F. et al. Comorbidity, impairment, and suicidality in subthreshold PTSD // *The American journal of psychiatry*. - 2001. - Vol. 158(9). - P. 1467-1473.
22. Mortier P., Demyttenaere K., Auerbach R.P. et al. The impact of lifetime suicidality on academic performance in college freshmen // *Journal of affective disorders*. - 2015. - Vol. 186. - P. 254–260.
23. Niederkrotenthaler T., Tinghög P., Alexanderson K. et al. Future risk of labour market marginalization in young suicide attempters a population-based prospective cohort study // *International journal of epidemiology*. - 2014. - Vol. 43 (5). - P. 1520-1530.
24. Nock M.K., Borges G., Bromet E.J. et al. Cross-national prevalence and risk factors for suicidal ideation, plans and attempts // *The British journal of psychiatry*. - 2008. - Vol. 192(2). - P. 98-105.
25. Nock M.K., Green J.G., Hwang I. et al. Prevalence, correlates, and treatment of lifetime suicidal behavior among adolescents // *JAMA Psychiatry*. - 2013. - Vol. 70(3). - P. 300-310.
26. Nock M.K., Hwang I., Sampson N. et al. Cross-national analysis of the associations among mental disorders and suicidal behavior: findings from the WHO World Mental Health Surveys // *PLoS Med* [electronic resource]. - 2009. 6(8). e1000123. Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1000123>. Дата обращения: 30.03.2024.
27. Ono Y., Kawakami N., Nakane Y. et al. Prevalence of and risk factors for suicide-related outcomes in the World Health Organization World Mental Health Surveys Japan // *Psychiatry and clinical neurosciences*. - 2008. - Vol. 62(4). - P. 442-449.
28. Panagioti M., Gooding P.A., Tarrier N. A meta-analysis of the association between posttraumatic stress disorder and suicidality: the role of comorbid depression // *Comprehensive psychiatry*. - 2012. - Vol. 53(7). - P. 915-930.
29. Pietrzak R.H., Goldstein R.B., Southwick S.M., Grant B.F. Prevalence and Axis I comorbidity of full and partial posttraumatic stress disorder in the United States: results from Wave 2 of the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions // *Journal of anxiety disorders*. - 2011. - Vol. 25(3). - P. 456-465.
30. Reinherz H.Z., Tanner J.L., Berger S.R. et al. Adolescent suicidal ideation as predictive of psychopathology, suicidal behavior, and compromised functioning at age 30 // *The American journal of psychiatry*. - 2006. - Vol. 163(7). - P. 1226-1232.
31. Sareen J., Cox B.J., Afifi T.O. et al. Anxiety disorders and risk for suicidal ideation and suicide attempts: a population-based longitudinal study of adults // *Archives of general psychiatry*. - 2005. - Vol. 62(11). - P. 1249-1257.

32. Stein D.J., Chiu W.T., Hwang I. et al. Cross-national analysis of the associations between traumatic events and suicidal behavior: Findings from the WHO World Mental Health Survey // PLoS one [electronic resource]. 2010. 5(5). e10574. Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0010574>. Дата обращения: 30.03.2024.
33. Thibodeau M.A., Welch P.G., Sareen J. et al. Anxiety disorders are independently associated with suicide ideation and attempts: propensity score matching in two epidemiological samples // Depression and anxiety. - 2013. - Vol. 30(10). - P. 947-954.
34. Toprak S., Cetin I., Guven T. et al. Self-harm, suicidal ideation and suicide attempts among college students // Psychiatry research. - 2011. - Vol. 187(1-2). - P. 140-144.
35. Tupler L., Hong J., Gibori R. et al. Suicidal ideation and sex differences in relation to 18 major psychiatric disorders in college and university students: anonymous web-based assessment // Journal of nervous and mental disease. - 2015. - Vol. 203 (4). - P. 269-278.
36. Turecki G. The molecular bases of the suicidal brain // Nature reviews neuroscience. - 2014. - Vol. 15(12). - P. 802-816.
37. Wang L., He C.Z., Yu Y.M., Qiu X.H. et al. Associations between impulsivity, aggression, and suicide in Chinese college students // BMC public health [electronic resource]. 2014. 14:551. Режим доступа: <http://www.biomedcentral.com/1471-2458/14/551>. Дата обращения: 30.03.2024.
38. Wilcox H.C., Arria A.M., Caldeira K.M., et al. Prevalence and predictors of persistent suicide ideation, plans, and attempts during college // Journal of affective disorders. - 2010. - Vol. 127(1-3). - P. 287-294.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

2.1. Теоретические и практические подходы к системе профилактики жестокого обращения с детьми

Актуальность профилактики жестокого обращения с детьми связана с тем, что насилие в отношении детей или пренебрежение их основными потребностями оказывают негативное влияние на психическое развитие ребенка, нарушают его социализацию, порождают безнадзорность и правонарушения несовершеннолетних. Дети, испытывающие насилие, уходят из дома или из детских учреждений, втягиваются в асоциальное поведение, начинают употреблять алкоголь или психотропные вещества.

Наиболее эффективным направлением защиты детей от жестокого обращения являются меры ранней профилактики. В тех же случаях, когда ребенок пострадал от той или иной формы насилия, он нуждается в психологической помощи. Чем раньше будут выявлены неблагополучные семьи и дети, находящиеся в них, чем эффективнее будет организована профилактическая работа, тем выше будет вероятность предупреждения жестокого обращения с детьми в кровной семье.

Уже на протяжении нескольких лет в Российской Федерации остается открытым вопрос о создании единого ФЗ «О предотвращении насилия в семье». Также важно отметить, что на данный момент нет единой системы общественного контроля, который помогал бы специализированным учреждениям и организациям соблюдать права несовершеннолетних. В ряде зарубежных стран такой опыт профилактики показал себя не менее эффективным этапом профилактики преступлений, связанных с нарушением прав детей, чем профилактика со стороны специализированных органов [3].

Борьба с жестокостью в отношении детей – это долгосрочный процесс, который требует усилий со стороны всего общества. Одним из основных инструментов борьбы с жестоким обращением с детьми является осведомленность общества в данном вопросе. Для того чтобы предотвратить жестокое обращение с детьми и защитить их права, необходимо проводить комплексные профилактические мероприятия, которые должны включать этапы первичной, вторичной и третичной профилактики.

Жестокое обращение с детьми: понятие и сущность. Жестокое обращение с детьми – это широкий термин, который описывает любую форму физического, эмоционального или сексуального насилия над детьми. Это может включать в себя издевательства, пренебрежение, запугивание, оскорбления, угрозы, насилие и многое другое.

Жестокое обращение с детьми в семье, как отдельный феномен, стал объектом исследования специалистов в 60-70 года XX века. Причина актуализации проблемы в этот период связана с ее фиксацией в медицинских науках, главным образом в педиатрии, рентгенологии и травматологии [4].

Сущность жестокого обращения с детьми заключается в том, что это серьезное нарушение прав ребенка, которое, в свою очередь, приводит к длительным психологическим, физическим и эмоциональным проблемам, которые оказывают негативное влияние на все сферы жизни человека.

Жестокое обращение с детьми – это умышленное или неосторожное обращение или действия со стороны взрослых и/или других детей, которые привели к травмам, нарушению в развитии, смерти ребенка, либо угрожают правам и благополучию ребенка.

Насилие над ребенком – это воздействие на человека (ребенка) со стороны другого человека (ребенка или взрослого), семьи, группы или государства, вынуждающее его прерывать значимую деятельность и исполнять другую, противоречащую ей, либо угрожающее его физическому или психическому здоровью и целостности. В современной литературе выделяют следующие формы жестокого обращения с детьми: физическое насилие, сексуальное насилие или развращение, психическое (эмоциональное) насилие и пренебрежение нуждами ребенка (моральное насилие).

Физическое насилие – это нанесение ребенку физических травм, различных телесных повреждений, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его развитие или лишают жизни. Эти действия могут быть в форме избиения, истязаний, в виде ударов, пощечин, прижигания горячими предметами, в виде укусов и с использованием самых различных предметов в качестве орудий изуверства. Физическое насилие включает в себя также вовлечение ребенка в употребление наркотиков, алкоголя, отравляющих веществ или медицинских препаратов, вызывающих одурманивание.

Сексуальное насилие или совращение – это вовлечение ребенка с его согласия или без такового в сексуальные действия с целью получения удовлетворения или выгоды. Согласно российскому законодательству, возраст сексуального согласия равен 16 годам. Согласие подростка на сексуальный контакт не дает оснований считать его ненасильственным, зачастую подросток не может предвидеть все негативные для себя последствия сексуальных отношений. Письменное обоюдное согласие на сексуальные отношения в Российской Федерации не является обязательным, но может выступать мерой защиты личных прав.

Психологическое (эмоциональное) насилие – это постоянное или периодическое словесное оскорбление ребенка, угрозы в адрес ребенка в открытой форме, унижение его человеческого достоинства, обвинение, демонстрация нелюбви и неприязни к ребенку. К этому виду насилия относятся также постоянная ложь, обман ребенка, а также предъявляемые к ребенку требования, не соответствующие его возрастным возможностям.

Пренебрежение интересами и нуждами ребенка – это одна из форм неблагоприятного воздействия на ребенка. Проявляется в виде недостаточного внимания к ребенку, игнорирования, а также отсутствия удовлетворения физических, эмоциональных, интеллектуальных и социальных потребностей и нужд ребенка. Данный вид жестокого обращения тесно связан с физическим и психологическим насилием.

Пренебрежение нуждами ребенка (моральная жестокость) – это отсутствие со стороны родителей, опекунов или других взрослых, ответственных за воспитание ребенка, элементарной заботы о нем, в результате чего нарушается его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью или развитию [2, С.67].

К основным формам моральной жестокости можно отнести:

- 1) недостаточное возрасту и потребностям ребенка наличие питания, одежды, жилья, образования, медицинской помощи, включая отказ от его лечения;
- 2) отсутствие должного внимания и заботы, в результате чего ребенок может стать жертвой несчастного случая;
- 3) вовлечение в употребление алкоголя, наркотиков, а также в совершение преступления.

Пренебрежение интересами и нуждами ребенка может оказать серьезное негативное воздействие на его здоровье, развитие и качество жизни. Одной из главных причин пренебрежения является недостаток знаний, навыков и ресурсов среди родителей или опе-

кунов. Недостаток заботы со стороны родителей может быть и непредумышленным: он может быть следствием болезни, бедности, неопытности или невежества родителей, следствием стихийных бедствий и социальных потрясений [2].

Жестокое обращение с детьми может иметь серьезные последствия, как для детей, так и для общества в целом. Можно выделить:

- физические и психологические проблемы у детей. Жестокость и издевательства, унижение и насилие могут привести к различным проблемам, таким как: заниженная самооценка, депрессия, тревожность, агрессивность, суицидальные наклонности;

- негативное влияние на развитие и поведение детей. Дети, подвергающиеся жестокому обращению, могут испытывать задержки в развитии и иметь проблемы в обучении и поведении. Они могут стать закрытыми и нервными, неуверенными в себе и склонными к насилию;

- злоупотребление алкоголем и наркотиками. Дети, подвергающиеся жестокому обращению, могут обращаться к алкоголю и наркотикам, чтобы справиться со своими эмоциональными проблемами, что может привести к зависимости;

- потеря доверия к окружающим. Жестокое обращение в детстве может создать у детей чувство непонимания, боязнь доверия к другим людям, что может стать причиной одиночества и социальной изоляции в будущем [7].

Семейное насилие как риск жестокого обращения с детьми. Насилие в семье – это распространенное явление во всем мире и признано «эпидемией» в большинстве стран. В научном дискурсе данная проблема стала активно обсуждаться в США с 60-х годов XX века.

В 1974 году в США был принят Закон об основах предотвращения плохого обращения с детьми и ликвидации последствий его негативного воздействия, более известный как Закон о детском благополучии и защите (Child Abuse Prevention and Treatment Act, САРТА). Этот закон был первым документом по проблеме жестокого обращения и сексуального насилия над детьми [8, С.271].

САРТА определяет жестокое обращение, пренебрежение и сексуальное насилие над детьми как опасные и недопустимые формы поведения, которые могут привести к ущербу для здоровья и благополучия ребенка. Закон требует от всех штатов США создавать программы по предотвращению плохого обращения с детьми, расследованию случаев и оказанию помощи жертвам насилия. Он также обеспечивает финансовую поддержку для реализации этих программ.

САРТА был изменен в 1984 году. В результате этого были добавлены новые положения о расследовании случаев детского насилия и сексуальной эксплуатации, а также усилен контроль за использованием денежных средств, выделяемых на программы по предотвращению насилия над детьми [8].

В России о домашнем насилии впервые заговорили публично в середине 1990-х годов после Всемирной конференции по положению женщин в Пекине. В настоящее время до сих пор ведутся дискуссии по поводу сущности понятия, его определения, правовых механизмах, направленных на разрешение проблемы домашнего насилия.

Сегодня в Российской Федерации ответственность родителей и иных законных представителей, а также должностных лиц за ненадлежащее воспитание и жестокое обращение с детьми регламентировано Семейным кодексом РФ (ст. 69, ст. 73, ст. 77), Кодексом РФ об административных правонарушениях (ст. 5.35, ст. 20.20, ст. 20.21), Уго-

ловным кодексом РФ (ст. 105-110, ст. 111-115, ст. 116, ст. 117, ст. 131, ст. 132, ст. 135, ст. 150, ст. 151, ст. 152, ст. 156, ст. 157), Трудовым кодексом РФ (ст. 192). [11, С.37].

Общеизвестно, что перенесенное насилие вызывает у ребенка посттравматические стрессовые реакции, расстройства адаптации, а также оказывает негативное влияние на последующую социализацию в обществе. Последствия жестокого обращения с детьми в семье проявляются в поведенческих характеристиках, в особенностях поведения в социуме (школе, на улице и т.д.), пагубно влияют на развитие ребенка, являются следствием различного вида психических расстройств и девиантного поведения.

Насилие со стороны близкого человека, в котором ребенок пытается найти опору и поддержку, наносит больший психологический и физический ущерб, чем со стороны посторонних людей, поскольку нарушается принцип безопасного существования члена семьи [11, С.36].

В этой связи, насилие в семье получает предикат преступного поведения, поскольку нарушает такие права человека, как право каждого на равную защиту перед законом, т.е. преодоление дискриминации по признаку пола; право не подвергаться жестокому обращению; право на жизнь и физическую неприкосновенность; право на наивысшие стандарты физического и психического здоровья [9, С.52].

Термин «Насилие в семье» означает ненормальное, жестокое обращение одного человека в отношении другого/гой, состоящего/щей с ним в близких отношениях. Исследователи выделяют разные факторы, которые способствуют насилию в семье, в том числе, в отношении несовершеннолетних. Есть мнение, что взрослые люди, проявляющие жестокость по отношению к детям, сами в детстве подвергались подобному обращению и испытывают бессознательную потребность перенести на другого человека унижение и обиду.

Исследования отечественных психологов И.В. Дубровиной, Э.А. Минковой, М.К. Бардышевской [6, С.192] показали, что общее физическое и психическое развитие детей, перенесших насилие в семье, отличается от развития сверстников, воспитывающихся в нормальных условиях. У них отмечаются замедленный темп психического развития, ряд негативных особенностей: низкий уровень интеллектуального развития, бедная эмоциональная сфера и воображение, позднее формирование навыков саморегуляции и правильного поведения.

По данным социологических и психологических исследований, подростки группы риска имеют следующие особенности: отсутствие ценностей, принятых в обществе (творчество, познание, активная деятельность в жизни); убежденность в своей ненужности и невозможности добиться успеха и материального благополучия своими силами, умом и талантом; проектирование на себя жизни своих родителей; эмоциональное отвержение подростков со стороны родителей и одновременно их психологическая автономия; повышенный уровень агрессивности и тревожности; стремление к «красивой», легкой жизни и удовольствиям [12, С.147].

На основании ряда исследований можно выделить четыре группы факторов риска насилия по отношению к ребенку:

1) факторы риска насилия по отношению к ребенку, связанные с особенностями семьи в целом (семьи с низким материальным уровнем жизни, многодетные семьи, неполные или конфликтные семьи, семьи, где есть усыновленные дети);

2) факторы риска, связанные со здоровьем родителей (алкоголизм одного или обоих родителей, умственная отсталость родителей, душевные заболевания);

3) факторы риска, связанные с личностными и характерологическими особенностями родителей, а также с родительскими установками (агрессивность, сниженный уровень самоконтроля, стремление к доминированию, повышенный уровень раздражительности, нереалистично высокий уровень ожиданий по отношению к ребенку, неоправданные ожидания родителей родившегося ребенка, обусловленные его физическими и интеллектуальными возможностями, собственный детский опыт и др.);

4) факторы риска, связанные с особенностями ребенка (гиперкинетический синдром (синдром дефицита внимания) – чрезмерная подвижность и сниженная способность к концентрации внимания, «нежеланный ребенок», физические и психические отклонения ребенка). [11, С. 36].

Проблема насилия предполагает комплексный подход и командную работу специалистов из разных областей профессиональной деятельности, таких как: психология, педагогика, медицина, юриспруденция. Особая роль отводится специалистам по социальной работе. Именно они согласовывают деятельность и консультирование клиента в различных социальных службах, выполняя функции координатора работы команды.

Система социальной работы по профилактике жестокого обращения с детьми.

Основной целью организации деятельности по превенции жестокого обращения с детьми является создание системы межведомственного взаимодействия органов системы профилактики. На сегодняшний день в России можно выделить несколько систем профилактики жестокого обращения с детьми:

1. Система законодательной защиты прав несовершеннолетних. В рамках данной системы действует ряд федеральных и региональных нормативно-правовых актов: ФЗ от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ «Об основах гарантиях прав детей в Российской Федерации»; ФЗ от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и др.

2. Система социальной защиты детей. В ее рамках реализуется помощь и поддержка семей с детьми. Сюда можно отнести органы социальной защиты населения, органы опеки, центры помощи семье и детям, кризисные центры.

3. Образовательная система профилактики, в рамках которой в общеобразовательных, дошкольных, школьных учреждениях в штате сотрудников имеются социальные педагоги, специалисты по социальной работе, психологи, которые реализуют на местах профилактические мероприятия.

4. Информационная система. В рамках информационной системы в России существуют номера горячих линий, куда дети могли бы обратиться за консультацией в трудной жизненной ситуации. Также есть горячие телефонные линии для родителей, которые также могут обратиться за квалифицированной помощью, в случае, когда возникают трудности с воспитанием детей.

5. Медицинская система профилактики. Во многих медицинских организациях в штате сотрудников имеются специалисты, которые обучены выявлять случаи жестокого обращения с детьми. Также в медицинских организациях имеются психологи и специалисты по социальной работе [3].

Особое значение в системе социальной работы по профилактике жестокого обращения занимает социальная профилактика, которая понимается как технология социальной работы, направленная на предотвращение социальных проблем и рискованных ситуаций для конкретных социальных групп или для общества в целом.

Профилактика в социальной работе включает ряд этапов, которые направлены на предотвращение социальных рисков, создание благоприятных условий для развития личности и социума в целом. Для того, чтобы предотвратить жестокое обращение с детьми и защитить их права, необходимо проводить комплексные профилактические мероприятия, которые должны включать в себя следующие этапы профилактики:

- первичный этап профилактики;
- вторичный этап профилактики;
- третичный этап профилактики.

Рассмотрим основные этапы профилактики в социальной работе.

Первичная профилактика. Этот вид профилактики направлен на превентивные меры, которые помогают предотвращать возникновение социальных проблем. Он направлен на поддержку личной и социальной адаптации, социализацию человека, а также на развитие компетенций и навыков, необходимых для эффективной деятельности в социуме [5].

Первичная профилактика жесткого обращения с детьми должна начинаться в раннем возрасте, осуществляться непрерывно и предусматривать следующие меры:

- распространение информации о проблеме жестокости в отношениях с детьми. Это может быть достигнуто через консультации с педагогами, медицинскими работниками и другими специалистами, а также при проведении информационных кампаний и обучающих программ для родителей и общественности;
- разработка и внедрение программ по защите детей от насилия в семье, школе и обществе. При этом должны создаваться ресурсы для справочной помощи, что позволит детям и родителям получить консультативную помощь и поддержку;
- обучение педагогов, медицинских работников, работников социальных служб и других специалистов эффективным методам воспитания и коммуникации с родителями. Это поможет создать условия для здорового роста и развития детей;
- вовлечение детей в различные общественные и культурные мероприятия. Это поможет детям в полной мере реализовать свой потенциал и создать условия для получения достаточного внимания и заботы со стороны окружающих;
- обеспечение доступности к оперативной помощи для детей и родителей в случае обнаружения насилия или подозрения на его наличие [10].

Вторичная профилактика жесткого обращения с детьми включает в себя следующие мероприятия:

- раннее выявление случаев жестокого обращения с детьми. Для этого необходимо проводить анкетирования, проведение совместных мероприятий для детей и их родителей;
- проведение мероприятий, тренингов для родителей и детей, которые будут направлены на изучение методов коммуникации с детьми;
- обеспечение доступа к высококвалифицированной психологической и социальной помощи детям;
- проведение систематических психолого-педагогических мероприятий с детьми в центрах помощи семье и детям.

Важно отметить, что первичная и вторичная профилактики должны быть взаимодополняющими друг друга. В рамках третичной профилактики оказывается комплексная помощь, когда уже был зафиксирован факт применения жестокости по отношению к ребенку. Третичная профилактика включает в себя:

- предоставление психолого-педагогической и медицинской помощи ребенку, который пострадал от жестокого обращения. В рамках данного этапа разрабатывается и реализуется индивидуальная программа реабилитации, а также осуществляется индивидуальная и групповая помощь специалистов;

- реализуется сотрудничество специализированных органов, полиции, органов ПДН и в случае необходимости, привлечение виновных лиц к ответственности;

- оценка результатов проведенных профилактических мероприятий.

Итогом является то, что третичная профилактика – это последний этап профилактики. Свою реализацию он начинает тогда, когда первичная и вторичная профилактики были недостаточно эффективными. При этом каждый из этапов профилактики является необходимым и важным [4].

На сегодняшний день в теории и практике социальной работы выделяют следующие направления профилактики жестокого обращения с детьми:

1) выявление жестокого обращения на самом раннем этапе. Для этого проводится мониторинг, анализируется статистика по таким преступлениям;

2) проведение информационных кампаний, в рамках которых распространяется информация о площадках, где реализуется психолого-педагогическая помощь и поддержка семье и детям;

3) обучение навыкам коммуникаций родителей с детьми для решения спорных и конфликтных ситуаций;

4) межведомственное взаимодействие органов и служб, отвечающих за реализацию профилактических мероприятий.

Таким образом, роль семьи в жизни и социализации ребенка приоритетна, ее нельзя переоценить. Поэтому одной из обязательных составляющих работы специалиста по социальной работе с детьми, имеющими какие-либо социальные, психологические или педагогические проблемы, является работа с их семьями. Причем работа с семьями должна быть столь же разнообразна, сколь разнообразны проблемы семей.

При этом профилактика жестокого обращения с детьми будет эффективна только тогда, когда будет реализован комплексный, в том числе и межведомственный подход в решении проблем, которые будут включать в себя как индивидуальные, так и общественные меры превенции.

Своевременное выявление случаев семейного насилия и защита детей от жестокого обращения – важнейшая задача социальных служб. Расширение практики предоставления социальных услуг семье и детям, повышение их качества и эффективности будут способствовать улучшению социального самочувствия российской семьи сегодня.

Особенности системы профилактики жестокого обращения с детьми в Архангельской области. В Архангельской области межведомственное взаимодействие в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется в соответствии с «Порядком взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по выявлению, учету и организации индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних и (или) семей, находящихся в социально опасном положении, несовершеннолетних и (или) семей, требующих особого внимания государства и общества, на территории Архангельской области», утвержденным постановлением Правительства Архангельской области от 7 декабря 2010 года № 373-пп.

Выявление несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, является важным этапом системы профилактической работы. При выявлении ребенка с подозрением на синдром жестокого обращения государственные медицинские организации информируют учреждения системы профилактики, руководствуясь действующим законодательством.

В рамках профилактики синдрома жестокого обращения и защиты прав детей в государственных медицинских организациях медицинскими работниками (участковыми, районными педиатрами, медицинскими сестрами, фельдшерами) осуществляются регулярные патронажи детей до 1 года в целях осмотра, а также поддержки, обучения и предоставления информации родителям о развитии ребенка. Также, в целях контроля за ситуацией, осуществляются дополнительные патронажи в семьи группы риска и семьи, находящиеся в социально опасном положении.

Одним из приоритетных направлений деятельности организаций социального обслуживания является предупреждение семейного неблагополучия и преступлений, совершенных в отношении детей, а также оказание психологической помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения.

На территории Архангельской области деятельность по защите детей осуществляют 23 организации социального обслуживания (2 центра социальной помощи семье и детям; 8 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; 13 отделений профилактики детской безнадзорности и семейного неблагополучия в комплексных центрах социального обслуживания).

Информация о необходимости оказания помощи детям, признанным потерпевшими по уголовным делам, поступает в организации социального обслуживания из органов полиции и следственного комитета. По каждому сообщению проводится проверка в соответствии с порядком взаимодействия.

На основании отчета о работе органов и служб региона по профилактике семейного неблагополучия в 2022 году в организации социального обслуживания поступило 3872 сигнала о выявлении фактов семейного неблагополучия, в том числе жестокого обращения (в 2021 году – 3640 сигналов, в 2020 году – 3474 сигнала), по итогам работы с полученной информацией на учет в связи с жестоким обращением родителей с детьми поставлено 50 семей (в 2021 году – 55 семей, в 2020 году – 60 семей).

В соответствии с Соглашением от 25 ноября 2010 года № 71/03 между Правительством Архангельской области и Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, о сотрудничестве по вопросам обеспечения деятельности на территории Архангельской области детского телефона доверия (службы экстренной психологической помощи) с единым общероссийским телефонным номером, с декабря 2010 года на территории Архангельской области действует служба телефона доверия с единым общероссийским номером детского телефона доверия 8-800-2000-122. На базе организаций социального обслуживания организовано онлайн-консультирование.

В мае 2023 года в силу вступил закон, согласно которому геномной регистрации будет подлежать каждый осужденный, независимо от тяжести преступления. В начале февраля 2023 года в Архангельске открыли первую молекулярно-генетическую лабораторию.

В Архангельске особую роль в осуществлении профилактики жестокого обращения с детьми занимает ГБКУ АО «Архангельский центр социальной помощи семье и детям». Центр предоставляет различные услуги, направленные на профилактику социаль-

но-опасных ситуаций и содействие восстановлению семейных связей. И осуществляет профилактическую работу по формированию безопасной среды для ребенка путем внедрения профилактических программ по безопасному поведению детей дома и на улице, обучению несовершеннолетних преодолению сложных ситуаций.

В центре работает отделение защиты прав детей от насилия. С июля 2017 года решением Коллегии Министерства труда, занятости и социально развития Архангельской области отделение защиты прав детей от насилия является ресурсной площадкой «Сопровождение семей с детьми, пострадавшими от жестокого обращения» [1].

Основными направлениями деятельности отделения являются: социальное сопровождение семей с детьми, в которых дети подвергались жестокому обращению; формирование базы данных семей, в которых выявлены факты жестокого обращения над детьми; развитие ресурсной площадки «Сопровождение семей с детьми, пострадавшими от жестокого обращения»; реализация Порядка межведомственного взаимодействия по попыткам суицидов и суицидам несовершеннолетних на территории Архангельской области [1].

Отделение защиты прав детей от насилия ГБУ АО «Архангельский ЦСПСиД» реализует проект «Школа на колесах» в рамках Единого профилактического дня для образовательных учреждений города Архангельска и Архангельской области. Профилактическая работа с несовершеннолетними и их родителями ведется по следующим программам: «Путь к себе» (подростки 13-17 лет), «Уроки хорошего настроения» (дети 7-11 лет), «Стоп-суицид», «Семейная педагогическая гостиная», «Лад в семье» [1].

12 февраля 2020 года по инициативе ГБУ АО «Архангельский ЦСПСиД» совместно с сотрудниками Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу и при поддержке Министерства труда, занятости и социальной развития на базе отделения защиты прав детей от насилия была открыта «Зеленая комната» – первое специализированное помещение для проведения следственных и процессуальных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в г. Архангельск [1].

Ежегодно, начиная с 2014 года, ГБУ АО «Архангельский центр социальной помощи семьи и детям» проводит акцию «Воспитание с пониманием», направленную на профилактику насилия над детьми. Впервые PR-акция «Воспитание с пониманием» проводилась 7 декабря 2014 года в Архангельске в рамках международной акции «16 дней активности против насилия» с целью привлечения внимания общественности к проблеме насилия и недопустимости жестокого обращения с детьми. Во время проведения акции, в рамках «Открытого микрофона», организаторы предоставили возможность высказать мнение и выразить свое отношение к проблеме насилия общественным деятелям, руководителям организаций, журналистам, работникам сферы культуры региона.

С 25 ноября по 10 декабря 2023 года прошла X юбилейная акция «Воспитание с пониманием», которая объединяла большое количество участников из Архангельской области. Акция проводилась в online и offline форматах. В рамках юбилейной акции был организован областной конкурс творческих работ «Остановим насилие вместе!» и флешмоб «Голубая лента».

Таким образом, профилактика жестокого обращения является серьезной социальной проблемой и требует комплексного подхода и привлечения заинтересованных сторон для достижения максимальной эффективности. Важными задачами профилактики жестокого обращения являются: предупреждение возникновения факторов риска жестокого обра-

щения, преодоление агрессивных форм поведения, формирование ненасильственного взаимодействия, создание условий для накопления социального капитала в обществе.

Профилактика жестокого обращения с детьми в Архангельской области представляет собой комплексную систему мероприятий, направленных на защиту прав и интересов детей, предупреждение возможных негативных последствий и оказание помощи в ситуации риска.

Важным остается вопрос об активном информировании детей о видах жестокого обращения, о площадках, где они могли бы получить квалифицированную помощь, а также создание единой региональной полномасштабной площадки для информирования населения региона о профилактических мероприятиях, направленных на профилактику жестокого обращения с детьми.

В ходе проведения эмпирического исследования обозначенной проблемы было проведено анкетирование школьников общеобразовательного учреждения (объем выборки составил 180 человек) и взято 2 интервью у специалистов социальной сферы. По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

- проблема жестокого обращения с детьми не теряет своей актуальности. В ходе анкетного опроса в школе (5-6 классы) и (10-11 классы) был выявлен высокий уровень значимости данного феномена среди детей и подростков. 15% респондентов отметили, что «от случая к случаю» родители применяют, в том числе и физические наказания. Также 90% респондентов отметили, что одним из методов наказания родители применяют систематическое моральное давление;

- проведенное анкетирование показало, что дети плохо осведомлены о видах жестокого обращения. 43% опрошенных отметили, что моральные наказания нельзя отнести к видам жестокого обращения, что говорит о том, что ребенок не может на ранних этапах предотвратить применение насилия;

- в случае применения жестокости в свой адрес лишь 35% респондентов обратятся за помощью к родителям, к психологу обратится лишь 3%. В целом, выявлен низкий уровень осведомленности детей и подростков о проблеме жестокого обращения;

- проведенное интервью с социальным педагогом школы показало, что на уровне школы мало внимания уделяется первичным этапам профилактики жестокого обращения с детьми. Социальные педагоги и психологи, по большей части, включаются в работу тогда, когда случай жестокого обращения с детьми уже был зафиксирован. В этой связи, в образовательных учреждениях актуальным является проведение совместных превентивных мероприятий для детей и родителей, а также мероприятий, направленных на развитие педагогической компетентности родителей;

- интервью с начальником отдела семейной политики управления социальной поддержки граждан Министерства труда, занятости и социального развития Архангельской области показало необходимость применения восстановительных технологий в работе с семьей и несовершеннолетними, которые будут способствовать доверительным отношениям между ребенком и родителями.

Список литературы

1. ГБКУ АО «Архангельский центр помощи семьи и детям» [Электронный ресурс]: [офиц. сайт]. – Режим доступа: <https://pravadetstva.arkh.socinfo.ru/>, свободный (дата обращения: 14.03.2024).

2. Лисина, П.Н. Жестокое обращение с детьми как причина девиантного поведения подростков // Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних в системе социальной защиты населения Архангельской области. – Архангельск, 2008. – С. 66-70.
3. Лодкина, Т.В. Социальная педагогика: Защита семьи и детства: Учебное пособие / Т.В. Лодкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 208 с.
4. Мардахаев, Л.В. Социальная педагогика: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / Л.В. Мардахаев. – М.: РГСУ, Омега-Л, 2017. – 416 с.
5. Мудрик, А.В. Социальная педагогика: Учебник / А.В. Мудрик. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 240 с.
6. Олиференко, Л.Я., Шульга, Т.И., Дементьева, И.Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска. Учебное пособие / Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга, И.Ф. Дементьева. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 256 с.
7. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / Под ред. Е.Н. Волковой. СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
8. Рид Джойс, Г. Жестокое обращение с детьми: американская перспектива // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – №2. – С. 265-282.
9. Родина, И.В. Социальная проблематизация насилия в семье в современной России // Отечественный журнал социальной работы. – 2008. – №2. – С. 25-41.
10. Технология социальной работы с семьей и детьми: учебник и практикум для СПО / Е.Н. Приступа [и др.]; под ред. Е.Н. Приступы. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 465 с.
11. Федулова, А.Б. Семейное и социальная работа с семьей. Учебно-справочное издание / под ред. А.Б. Федуловой. – М.: Издательство «Перо», 2018. – 231 с.
12. Шакурова, М.В. Методика и технология работы социального педагога. Учебное пособие / М.В. Шакурова. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 272 с.

2.2. Коррекция девиантного поведения подростков в условиях средней школы

Проблема девиантного поведения достаточно широко освещена в зарубежной и отечественной научной литературе (Бойко В.В., Гуреева И.В., Галич Г.О., Змановская Е.В., Клейберг Ю.А., Райс Ф., Р. Бэрн и др. ученые), но ее конкретный аспект – подростковая девиация – изучен в меньшей степени.

Девиантное поведение в подростковом возрасте, как отмечает И.В. Гуреева, – это отклоняющаяся от общепринятых норм форма самореализации и самоутверждения личности на этапе первичной социализации. Оно характеризуется слабой осознанностью, преобладанием аморальных действий и поступков над противоправными [3]. С.Н. Дубинин дает следующее определение девиантного поведения: «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от значимых социальных нормы, причиняющее реальный я ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [4]. При этом норму ученый представляет как нормативное и гармоничное поведение, включающее сбалансированность психических процессов, адаптивность и самоактуализацию, духовность и ответственность. Отклонения в поведении обучающихся являются итогом незрелости умения сдерживать собственные негативные побуждения (раздра-

жительность, гнев, неудовольствие и т.п.) или выражать их цивилизованно, так как это допустимо в конкретной социальной группе.

С.Н. Панцырь и А.П. Новгородцева, изучая девиации в молодежной среде, указывают, что у современных молодых людей не только сохраняются уже известные формы девиаций, но и выявляются новые. Так, по-прежнему широко распространенной формой среди несовершеннолетних является табакокурение (проявляется у каждого пятого из опрошенных). Однако современные подростки и юноши не только курят табак, но и употребляют снюс. При таком употреблении нет дыма и запаха сигарет. Он не менее вреден, чем обычные сигареты. Но менее заметен, поэтому его сложнее обнаружить.

К сквернословию, злословию у современной молодежи добавился Интернет-троллинг, которому подростки могут подвергать не только сверстников, но даже педагогов [9].

Для того, чтобы дать качественную характеристику девиантного поведения, его следует соотнести с понятием «норма». Нормой поведения считается общепризнанный универсальный образец поведения в определенном социуме. Ю.А. Простакишина в качестве основного признака нормы поведения выделяет институциональность, которую рассматривает как «систему общепринятых, наиболее известных стереотипов поведения в различных сферах жизнедеятельности человека, что придает им важное и весомое социальное значение и свойство, так как они условно стабильны, постоянны, а на законодательном уровне носят общеобязательный характер» [10]. Эти характеристики можно экстраполировать и на понятие девиантного поведения, т.к. оно также вызывается личностными особенностями человека и его способностью выстраивать отношения с окружающей социальной средой. Отталкиваясь от понятия нормы поведения, Ю.А. Простакишина определяет девиантное поведение как «нарушение социальных норм поведения независимо от того, соответствует ли данная норма требованиям социальной реальности или нет» [10].

И.А. Кедрова отмечает, что «основополагающим в генезисе девиантности является процесс социализации, в ходе которого индивид принимает социальный опыт и воспроизводит систему социальных связей за счет своей активности» [5]. При этом человек становится частью определенного общества. Особое место в процессе социализации занимает подростковый возраст. Подросток стремится доказать окружающим и, в первую очередь, самому себе свою самооценку и самостоятельность, что, с одной стороны, помогает ему в индивидуализации и развитии собственной личности, а с другой – осложняет отношения с обществом.

Подростковый возраст знаменателен тем, что ребенок делает попытки оценить, понять себя и делает это, опираясь на принятые в окружающем его социуме идеалы. Но из-за неимения опыта самопознания, подростки часто затрудняются сами качественно оценить себя, свой внутренний мир и скептически настроены к тому, что кто-то другой сможет это правильно сделать. Повышенные требования к себе приводят к вычленению у себя ряда недостатков, растёт недовольство собой. Они уверены, что и другие также видят эти недостатки. Ограниченное общение со сверстниками, отторжение со стороны референтной социальной группы, отсутствие в окружении людей, разделяющих интересы, потребности и увлечения ребенка может являться как причиной, так и следствием девиантного поведения. Подростки резко реагируют на критику и замечания, и это также приводит к девиациям, агрессии, отказу от общения.

Девиации в подростковом возрасте очень разноплановы: они могут проявляться как в отношениях, взглядах, так и в поведении, действиях. Анализ научных и научно-методических работ ученых и практических педагогов-психологов высветил противоречие между расширением спектра проявлений девиантного поведения у молодежи – с одной стороны, и недостаточной вариативностью способов коррекции девиантного поведения подростков в условиях средней школы – с другой.

Решая проблему поиска условий эффективной психолого-педагогической работы по коррекции девиантного поведения в подростковом возрасте, мы сформулировали цель исследования: построить модель психолого-педагогического сопровождения подростков с девиантным поведением и апробировать созданную на ее основе программу коррекции девиантного поведения подростков.

Объект исследования – девиантное поведение в подростковом возрасте.

Предмет исследования – условия эффективной психолого-педагогической работы по коррекции девиантного поведения подростков.

Гипотеза исследования: работа педагога-психолога по коррекции девиантного поведения подростков будет эффективной при следующих условиях:

- 1) выявлены и учтены личностные особенности подростков, влияющие на возникновение девиантного поведения (повышенный уровень агрессивности, конфликтность, слабый волевой контроль);
- 2) психолого-педагогическая работа с подростками-девиантами строится на деятельностном и личностно-ориентированном подходах;
- 3) формирование у подростков адекватных способов реагирования в конфликтной ситуации.

Основная цель реализации спроектированной модели психолого-педагогического сопровождения подростков с девиантным поведением – способствовать созданию условий для коррекции отклоняющегося поведения подростков, помочь преодолеть кризис подросткового возраста, создать условия для профилактики возникновения новых девиаций. В соответствии с целью, предполагаемый результат реализации модели заключается в изменении поведения подростков-девиантов и предупреждении возникновения дезадаптации и новых девиаций.

Теоретико-методологические основания построения модели представлены синтезом следующих методологических подходов: деятельностный подход и личностно-ориентированный подход [6, 7].

Деятельностный подход позволяет рассматривать деятельность как основу, условие и средство личностного становления и развития подростков и позволяет решать проблему коррекции девиаций в поведении в процессе изменения содержательных характеристик внутренней деятельности. Эффективность усилий педагога-психолога, работающего со школьниками-девиантами во многом определяется качеством взаимодействия и содержанием их совместной деятельности. Важным для нас явилось сформулированное А.Н. Леонтьевым положение о личностном смысле деятельности, проявляющимся в отношении человека к деятельности, в становлении мотивационно-целевой сферы его личности. Любой вид деятельности только тогда будет интересен человеку, когда эта деятельность приобретает для него личностный смысл. Именно поэтому в ходе психолого-педагогического сопровождения детей и подростков с признаками девиантного поведения важно работать над уточнением и обогащением их потребностно-мотивационной сферы, показывать и формировать навыки социально одобряемого поведения.

Личностно-ориентированный подход позволяет учитывать в организации психолого-педагогического взаимодействия специфику индивидуальности личности каждого подростка. Суть личностно-ориентированного подхода Е.В. Бондаревская видит в «признании ученика главной действующей фигурой всего образовательного процесса» [9, с.15]. Она пишет, что ученик не становится субъектом обучения и воспитания, а является им изначально с имеющимся житейским (субъектным) опытом, способностями. Главная особенность личностно-ориентированного подхода – ориентация на саморазвитие и самореализацию подростка в конкретной деятельности. Личность – это и результат, и субъект, и главный критерий результативности психолого-педагогического взаимодействия. Такое взаимодействие строится с опорой на уникальность личности и ее актуальные возможности. Поэтому основная задача специалиста в работе с подростками-девиантами – это создание условий для удовлетворения потребности подростков в самореализации и развитии их творческого потенциала [9].

При построении модели мы опирались на следующие принципы:

- индивидуальной направленности: учёт персональных склонностей, личностных интересов, самобытность характеров, упор на личное достоинство подростков, опора на положительные качества;
- комплексности: включение в коррекционно-направленный процесс всех сфер личности подростка: интеллектуальной (осознанное принятие подростком общепринятых норм поведения); действенно-практической (участие в общественно-значимой и полезной деятельности) и эмоциональной (гармонизация внутреннего мира и общения с окружающими);
- активной позиции подростка: важно не решить проблемы за подростка, а научить его решать проблемы самостоятельно, создать условия для развития способности к саморазвитию;
- превентивности: планомерный уход от принципа «скорой помощи» (работа с уже возникшими проблемами) к профилактике появления возможных проблемных ситуаций;
- открытости: субъекты сопровождения не должны ограничивать друг друга в видах деятельности, они должны обладать свободой, самостоятельностью, а также способствовать развитию личности не только в школе, но и за ее пределами.

Результатом моделирования явилось построение модели, включающей в себя следующие компоненты (см. рис. 1):

1. Мотивационный компонент – отражает цели и мотивы деятельности субъектов деятельности, обеспечивающие их самореализацию и саморазвитие. Конструктивная мотивация способствует положительному изменению жизненной позиции подростков с пассивной на активную, с агрессивной на ассертивную. Ребята становятся подлинными субъектами своей деятельности, взаимодействие с педагогами и остальными одноклассниками становится продуктивнее и они включаются в него активнее.

2. Организационно-деятельностный структурный компонент. Конструируя модель, мы главным образом сосредоточились на её организационно-деятельностной составляющей, переместив акцент на личностно-ориентированное взаимодействие. Продуктивность работы по коррекции отклонений в поведении будет зависеть, в первую очередь, от того, какие применяются формы работы, методы и технологии в ходе реализации программы.

3. Рефлексивно-оценочный компонент позволяет сформулировать полученные результаты, скорректировать свое поведение в школе и за ее пределами. Это позволяет

подросткам осмыслить собственную индивидуальность, этап в движении к искомому результату, способствует осознанию своих проблем, чем создает предпосылки для будущего самосовершенствования.

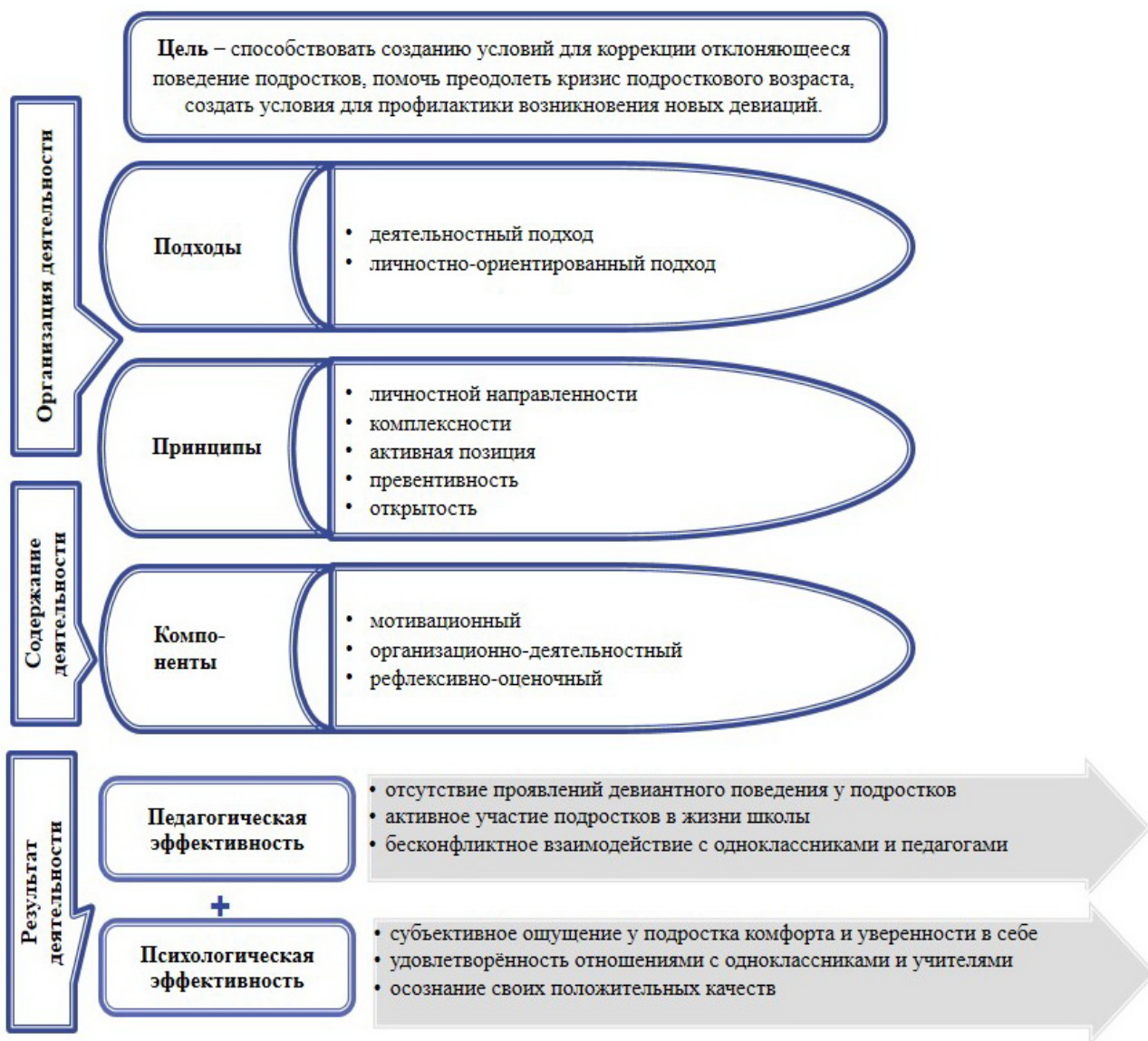

Рисунок 1 - Модель психолого-педагогического сопровождения детей и подростков с девиациями в поведении

Для оценки эффективности психолого-педагогического сопровождения в качестве критериев мы выделяем:

1) педагогическую эффективность, которая соотносится с требованиями ФГОС ВО к личности школьника:

- отсутствие проявлений девиантного поведения;
- активное участие подростков в школьной жизни;
- бесконфликтное взаимодействие как с одноклассниками, так и с педагогами;

2) психологическую эффективность, которая отражает субъективные состояния и представления подростков:

- субъективное ощущение у подростков комфорта и уверенности в себе и в своих действиях;
- удовлетворённость отношениями с одноклассниками и педагогами, родителями,

своим местом в коллективе;

- определение и принятие в себе положительных качеств.

Таким образом, представленная модель психолого-педагогического сопровождения детей-подростков с девиантным поведением направлена на выявление и учет особенностей личности подростков, на организацию субъектно-субъектных отношений между подростками и остальными участниками учебно-воспитательного процесса, на осознание ребятами процесса своего саморазвития.

В нашем исследовании принимали участие 52 ученика Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя школа № 41» города Иваново, обучающиеся 7 «Б» и 7 «В» классов. Возраст обучающихся – 12-14 лет. Гендерный состав выборочной совокупности – 28 девочек и 24 мальчика. Подавляющее большинство учеников воспитываются в полных семьях – 37 чел., из них 7 чел. – дети из многодетных семей; 15 обучающихся воспитываются в неполных семьях. Работа по коррекции девиантного поведения реализовывалась в 2019-2020-х гг. [6].

Для диагностики склонностей к девиантному поведению мы использовали такие методы, как:

1) анализ документов (изучение личных дел подростков). Цель: выявить основные причины постановки подростков на внутришкольный учет и/или на учет в органах КДН;

2) наблюдение за поведением подростков в школе. Цель: выявить степень выраженности девиантного поведения подростков. Наблюдение мы проводили во время пребывания ребят в школе. Ситуации наблюдения: поведение и активность на уроках, во внеурочное время, во время посещения буфета, игровая деятельность и общение на переменах.

3) метод экспертной оценки. Цель: выявить обучающихся, предрасположенных к нарушению норм поведения в школе и распределить их по степени выраженности девиантных проявлений. В роли экспертов выступили 7 школьных учителей и заместитель директора по воспитательной работе, которые работают с исследуемыми классами и могут дать оценку взаимоотношениям подростков со сверстниками.

4) тестирование:

а) методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел). Цель: выявить готовность (склонность) обучающихся к реализации различных форм отклоняющегося поведения.

б) методика «Личностный опросник агрессивности» А. Басса - М. Перри. Цель: выявить уровень проявления агрессивных и враждебных реакций человека.

В процессе наблюдения мы выяснили, что обучающиеся могут во время урока нарушать нормы поведения, принятые в школе – отказываться от выполнения учебных заданий, от ответов у доски, отвлекаться на разговоры и игры с одноклассниками (или в гаджетах), грубить педагогам. 42,3% школьников вели себя недисциплинированно, могли игнорировать на вопросы или замечания преподавателя, иногда проявляли раздражительность, отсутствовали на уроке без уважительной причины (или могли попроситься выйти и не возвращались до звонка) и пр.

Во внеурочное время частота проявления девиантного поведения повышается – дети не стесняясь могут проявить агрессивность, нарушают нормы и правила поведения в школе, вызывают других учеников на конфликты, не выполняли общественные поручения, участие в классной жизни практически не проявляют.

При посещениях буфета нарушения поведения мы увидели у 19,2% школьников. Они агрессивно вели себя по отношению к сверстникам, толкались, грубили сверстникам, могли бросить пищу, кричали, размахивали руками, чтобы обратить на себя внимание.

Во время игр большинство школьников показали признаки нарушения школьных норм поведения, выраженные на среднем уровне, ученики привлекали к себе внимание криками, иногда – неприличными жестами, участвовали в агрессивных играх.

На наш взгляд, таким школьникам нужна помощь в формировании и развитии адаптивных качеств личности, оптимизации форм поведения и профилактике асоциального поведения. Обнаружено, что 7 детей (13,5%) были жертвами вымогательства.

По результатам наблюдения и беседы с классными руководителями обоих классов было выявлено, что 10 подростков курят и 27 пробовали, 13 из них первый раз попробовали курить по предложению своих друзей, в 1 случае – по предложению брата. При этом каждый из подростков знает, что курить – это плохо, но говорит об этом с иронией, сарказмом. Кроме этого, 6 подростков имели замечание за вымогательство, хотя хорошо осведомлены о том, что это правонарушение и оно может быть уголовно наказуемо.

Анализ результатов применения метода экспертной оценки показал, что из всей выборочной совокупности 14 подростков (26,9%) отмечены как «сильно конфликтные» (из них трое поставлены на учет в органах КДН). Педагоги характеризовали этих учеников как несдержанных, расчетливых, стремящихся словом или делом как-то задеть сверстников, пытающихся во что бы то ни стало доминировать над ними. Данные подростки нетерпимы к чужому мнению.

20 подростков (38,5%), по словам педагогов, «умеренно конфликтны». Трое из них стоят на внутришкольном учете из-за частого пропуска занятий без уважительных причин. Педагоги отмечают их стремление занять ведущую, центральную роль в коллективе. Им важна не защита интересов, а психологическая победа над «противником». Подростки замечены в том, что любят манипулировать сверстниками.

Остальные 18 человек (34,6%) охарактеризованы как «слабо конфликтные». У этих подростков получается контролировать своё поведение в процессе взаимодействия со сверстниками.

Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел) показала, что 46,2% обучающихся склонны к преодолению норм и правил (высокий уровень), 57,7% обнаружили чрезмерную склонность к аддиктивному поведению. Эти данные соотносятся с оценками экспертов и нашими наблюдениями: в классах есть тенденция к нарушению дисциплины, ряд учеников противопоставляет собственные взгляды ценностям класса. Значительная часть испытуемых – 42,3% учеников имеют среднюю склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. Это говорит о том, что ребята не до конца осознают ценность человеческой жизни и собственной в том числе, склонны к риску, иногда маскируют чувство вины поведенческими реакциями. 12 обучающихся (23,1%) склонны решать проблемы через насилие, утверждают свою самооценку за счет унижения других людей. Таким образом, результаты методики в целом подтверждают результаты опроса экспертов.

Личностный опросник агрессивности А. Басса - М. Перри позволил диагностировать наличие и выраженность агрессивных и враждебных реакций подростков. У испытуемых в ряде случаев проявляется высокая склонность к физической агрессии, выражению гнева, вербальной агрессии. Конечно, подростковый период в целом характеризуется эмоциональной нестабильностью, несдержанностью, затруднением волевого контроля. Но частое

проявление таких реакций существенно осложняет межличностные взаимоотношения с окружающими людьми и негативно отражается на общеличностном развитии подростков. Среди ребят нами был выявлен большой процент учащихся, проявляющих агрессивные реакции. Так, выявленные агрессивные реакции касались враждебности, угрозы окружающим, вербальных реплик и прочего.

Таким образом, по итогам диагностической работы мы выявили в обоих классах 27 подростков, имеющих проявления девиантного поведения либо склонность к их проявлению.

Экспериментальную группу составили 14 подростков из 7 «В» класса, имеющие следующие проблемы: пропуск занятий без уважительной причины, проявление агрессии, участие в драках, враждебное поведение в отношении сверстников и учителей, высокая склонность к физической агрессии, выражению гнева, вербальной агрессии. Обучающиеся 7 «Б» класса (13 человек со склонностью и/или проявлением девиантного поведения) определены в качестве контрольной группы.

Таким образом, результаты констатирующего этапа исследования позволили обозначить направления организации психолого-педагогической работы по коррекции девиантного поведения подростков: снижение уровня агрессивности и склонности к враждебному поведению, развитие доверия к людям (в том числе – взрослым), выработка конструктивных способов поведения в конфликтной ситуации, создание условий для развития уверенности в достижении успеха в различных видах деятельности, научить продуктивно взаимодействовать через развитие коммуникативных умений и адекватного Образа-Я.

Цель программы – скорректировать отклоняющееся поведение подростков, помочь преодолеть кризис подросткового возраста, создать условия для профилактики появления новых отклонений.

Задачи программы:

- создать условия для самопознания обучающимися своей личности;
- содействовать становлению адекватной самооценки и Образа-Я;
- создать условия, способствующие формированию опыта продуктивного взаимодействия, развитию коммуникативных навыков;
- формировать навыки асертивного поведения;
- развивать уверенность в возможности достижения успеха в различных видах деятельности социально одобряемыми способами.

Реализация программы коррекции осуществлялась с использованием следующих форм работы:

1. Беседы с подростками, родителями обучающихся.
2. Индивидуальные и групповые консультации для подростков и родителей.
3. Коррекционно-развивающие занятия.
4. Социально-психологический тренинг.

В процессе реализации программы применяются различные группы приемов:

- 1) воздействия на чувства, сознание (эмоциональное заражение, подражание, пример, внушение, погружение);
- 2) организации и осуществления учебно-познавательной деятельности (беседа, диспут, мозговой штурм);
- 3) изучения конкретной ситуации (наблюдение, анализ, упражнения).

Содержание программы коррекции девиантного поведения подростков представлено в таблице 1.

Таблица 1 - Содержание программы коррекции девиантного поведения подростков

Направления работы	Задачи	Содержание работы
Диагностическая работа	- выявить подростков, имеющих склонность к девиантному поведению; - оценить каждого из подростков по степени конфликтности со сверстниками; - выявить степень проявления агрессивного поведения у подростков	- проведение наблюдения - изучение и обобщение мнений экспертов, участвовавших в исследовании; - изучение личных дел подростков (социальной паспорт класса); - диагностика склонности к отклоняющемуся поведению; - диагностика у агрессивности; - составление обобщенных психологических характеристик личности подростков-девиантов.
Психолого-педагогическое просвещение и консультирование	- повысить психолого-педагогическую компетентность родителей и педагогов; - восстановление здоровых внутрисемейных взаимоотношений и предупреждение возможных их нарушений.	- информирование о видах и причинах проявления девиаций; - ознакомление с трудностями переходного периода в подростковом возрасте; - тренинг по формированию умений эффективного общения с подростком.
Коррекционно-развивающая работа	- скорректировать отклоняющееся поведение подростков; - помочь преодолеть подростковый кризис; - развивать мотивационную сферу личности; - развивать навыки межличностного взаимодействия; - формировать навыки саморегуляции.	- устранение агрессии и склонности к враждебному поведению, развитие доверия к людям, в том числе – взрослым; - формирование положительных личностных качеств и социально приемлемых поведенческих реакций; - обучение проявлению адекватных способов поведения у в конфликтной ситуации; - коммуникативные тренинги: «Испорченный телефон», «Комплимент» «Восточный базар»; - проведение занятия с элементами тренинга по теме «Моя жизнь в моих руках» (целеполагание и целеосмысление, осмысление мотивационной составляющей); - обучение психологической саморегуляции, упражнения на снятие состояния тревожности, агрессии и страхов
Профилактическая работа	- формировать негативное отношение к аморальным поступкам и асоциальному поведению; - формировать навыки здорового образа жизни; - развивать осознание своей роли в социуме и	- развитие нравственно-этических чувств и убеждений; - развитие у подростков бережного отношения к своему телу, здоровому образу жизни и отказ от вредных привычек; - обучение подростков навыкам социально приемлемого поведения в ситуациях взаимодействия со взрослыми и сверстниками;

Направления работы	Задачи	Содержание работы
	ответственности за свои поступки.	- помощь в вопросах организации субъект-субъектного взаимодействия с окружающими.

Вся коррекционная работа педагога-психолога носила комплексный характер: проблемы решались целенаправленно, систематически, с опорой на индивидуальные характеристики подростков, участвующих в данной работе. С нашей подачи было организовано посещение ряда подростков на дому для выяснения причин их отсутствия на уроках. С подростками и их родителями (в одном случае – бабушкой-опекуном) беседовали дома не только представители школы, но и КДН. Отметим, что для семей стало неожиданным такое внимание со стороны школы и комиссии по делам несовершеннолетних. Наши посещения возымели эффект: подростки стали реже пропускать уроки в школе.

В рамках коррекционной работы проводились занятия с подростками в групповой и в индивидуальной формах. Обобщенная структура занятий была таковой:

- подготовительный этап – разминка, формирование готовности к занятию (в этой части занятия выполнялся выбранный подростками ритуал приветствия, затем на выбор – дыхательная гимнастика, упражнение на снятие мышечных зажимов, на создание мотивации к работе на занятии);

- основной этап – работа над задачами занятия (беседы, игры, требующие взаимодействия и сотрудничества; упражнения на вербальное и невербальное взаимодействие; «мозговой штурм», формирование поведенческих навыков и др.);

- заключительный этап – о подведение итогов (упражнения на рефлекссию (эмоционально-смысловую и эмоционально-оценочную), ритуалы прощания).

С самого начала проведения занятий мы обозначили правила группы, чтобы ребята понимали, что это не обычные уроки, а занятия, направленные на познание самого себя, на развитие себя как личности. Нам необходимо было, чтобы каждый подросток чувствовал себя комфортно во время занятий, не стеснялся высказываться, не боялся быть непонятым или осмеянным. Мы также выбрали и закрепили формы приветствия, которое проходило в форме игры, что помогало формированию положительного эмоционального фона, сплочению группы, формированию чувства близости с другими подростками. Коллективно был выбран и ритуал прощания (выбор остановился на аплодисментах).

На организационно-мотивационном этапе работы мы познакомили подростков с основными правилами работы в тренинговой группе, с общим содержанием наших встреч. На этом этапе применение личностно-ориентированного подхода позволило обратить их внимание на возможность личностного роста («усовершенствование себя»). Мы выявляли мнение ребят о предпочитаемых формах работы, уровне их самостоятельности; было предложено начать заполнять «Карту личностного роста», в которой подростки фиксировали свои стремления, цели и имеющиеся трудности. В дальнейшем это помогает выстроить работу в группе таким образом, чтобы каждый участник чувствовал личностную значимость выполняемых упражнений и мог видеть своё продвижение к своим же собственным целям.

Отметим, что с самого начала реализации коррекционной программы участники были достаточно активны. Но непривычные для них задания (проигрывание разных ситуаций и их обсуждение) вызывали некоторое недоумение. Подчеркнем важность в нашей работе и позиции подростка по отношению к самому себе, к самооценке собственного

поведения, желание исправить свои отрицательные качества, избавиться от негативных привычек, заняться самосовершенствованием и самообразованием.

Учитывая индивидуальные особенности подростков – повышенный уровень с агрессивности, конфликтность, слабый волевой контроль и др. – и в то же время наблюдая их стремление к признанию, авторитету, мы подбирали такие упражнения и деловые игры, которые бы способствовали обращению внимания на себя, формировали интерес к саморазвитию. Такие упражнения, как «Слушай себя», «Я умею...», «Мои плюсы и минусы», «Цветик-семицветик» способствовали развитию у учащихся умения отслеживать процессы, происходящие внутри себя, чувства, возникающие внутри себя, самопознанию.

Задания, где ребятам предлагалось нарисовать себя или сравнить с другими людьми, способствовали формированию умения адекватно видеть себя на фоне других, формированию адекватной самооценки («Рисуем себя», «Свет мой, зеркальце, скажи...», «Все равно ты молодец, потому что...»).

Упражнения «Я сильный – Я слабый», «Препятствие», «Как мы боремся с трудностями» были направлены на развитие у подростков чувства уверенности в себе, в собственных силах, умения преодолевать трудности. Следует отметить, что участники испытывали некоторые затруднения при описании своих эмоций, чувств, при оценивании своих качеств. Гораздо проще им было оценить поведение других людей, дать совет другому, а на первых занятиях отмечались стремления покритиковать, высмеять (подобные формы поведения мы пресекали). Такая ситуация показывает, что подросткам-девиантам нелегко дается самопознание, недостаточно сформированы навыки саморазвития и самовоспитания.

Во время не только учебной деятельности, но и тренинговых занятий возникали конфликтные ситуации между подростками. Анализируя эти конфликтные ситуации мы старались показать не только возможности выхода из них, но и подчеркивали роль жестов, интонации, других невербальных средств в провоцировании конфликта. Для положительного разрешения конфликтных ситуаций проводили беседу индивидуально с каждым участником, просматривали с ними варианты решения сложившейся ситуации, выбирали с ними пути решений таких же ситуаций в будущем.

Такой способ работы педагога-психолога по решению конфликтных ситуаций способствовал снижению агрессивных проявлений подростков при общении с окружающими людьми. Упражнения «Чемодан в дорогу», «Я в будущем», «Сказочные дома» направлены на осмысление подростками происходящих в данный момент личностных изменений, на формирование мотивации для дальнейшей работы над собой.

При формировании адекватных способов поведения в конфликтной ситуации мы учитывали, что отклоняющееся поведение возникает как результат неэффективного переживания: преодоления трудных ситуаций, их псевдопреодоления, поэтому стремились помочь подобрать новые альтернативные способы преодоления трудностей без ущерба для своей личности. В качестве тренинговых упражнений для осмысления проблемы поиска оптимального способа поведения в той или иной ситуации мы использовали такие игровые упражнения, как:

«Встретились два существа»: игрокам надо придумать и показать сценку-эпизод встречи двух «существ» и то, чем эта встреча закончилась. Важным условием выполнения данного задания является требование презентации своего «существа» только невербальными средствами – пантомимикой, жестами, мимикой, типичными для этого персонажа у звуками показать характерные его особенности. Особенно важен характер отражения ре-

акции этих существ друг на друга.

«Матрешка»: это упражнение помогает раскрыться подростку, стимулирует стремление к самопознанию. Игрокам дается такое указание: «Упражнение позволяет лучше узнать, кто вы и что прячется за вашей внешней оболочкой. Дело в том, что в человеке много слоев. Верхний – это тот образ, тот персонаж, которого человек демонстрирует миру. Это изображение видно всем. Но нижние слои скрыты от посторонних глаз, и иногда сам человек с ними плохо знаком ... Я хочу, чтобы вы на время представили себя такой матрешкой, словно и впрямь собираетесь ею стать. Сначала вы должны описать себя так, как вас видят другие. Затем откройте матрешку и найдите в ней спрятанный от посторонних глаз слой и поговорите об этом тоже. Затем вы снимете с матрешки еще одну оболочку и откроете следующий, более глубокий слой ... Пожалуйста, говорите о себе, пока не дойдете до тех частей своего «Образа Я», которые вы не хотите никому показывать. Такие слои, которые не хочется никому показывать или показывать только избранным, есть у каждого». Это оговорка помогает справиться с чувством неловкости и обеспечивает игроку, выполняющему задание ощущение психологической защищенности.

«Граница»: ребята встают парами на расстоянии примерно 10 шагов друг от друга. Задание – постепенно идти навстречу друг другу и постараться уловить момент, когда будет неприятно дальнейшее приближение напарника, и в то же время следить за тем, когда этот момент возникнет у него самого.

Для усиления положительного влияния на подростков-девиантов, верификации формирующихся положительных форм поведения в классном коллективе мы опирались на возможности деятельностного подхода. Мы использовали педагогические приёмы, связанные с включением подростков экспериментальной группы в деятельность класса. Так, например, с большим интересом обучающиеся 7 «В» класса восприняли предновогоднюю снежную эстафету, предложенную участниками экспериментальной группы. А узнав, что С.А. увлекается компьютерами, активно пользуется Интернет-ресурсами и компьютерными графическими программами, мы применили к данному ученику прием доверия. Прием доверия предполагает, что подросток выполняет значимое для класса общественное поручение, в котором он сможет проявить свои знания и умения. Мы попросили С.А. выбрать себе одного помощника и сделать от имени мальчиков класса коллаж к 8 Марта для девочек.

Таким образом мы подтвердили постулат группы педагогов-практиков под руководством Галича Г.О. [2] о том, что совместная деятельность является влиятельным фактором изменения личности и характера поведения подростков.

Другим, не менее важным аспектом коррекционной работы, была работа с родителями участников экспериментальной группы. В этом ключе реализовывались просветительское и консультативное направления работы. Стоит отметить, что с запросами к нам обратилось только четыре родителя подростков. В первую очередь, родителей интересовали учебные достижения их детей, и только потом – самочувствие ребенка в коллективе класса.

Мы приглашали родителей на родительские собрания, индивидуальные беседы и консультации. К сожалению, не все родители проявляли активность, участвовали в наших встречах. А это значит, что работа с их детьми должна продолжаться, т.к. в их семейном воспитании существенных изменений не происходит. В то же время наша упорная работа дала положительные результаты: многие родители посещали собрания, индивидуальные беседы, два родителя дали согласие на лечение.

Консультации с родителями педагог-психолог проводил индивидуально согласно тем проблемам, которые были выявлены в ходе посещений семей и анализа проблем подростков. Были проведены консультации родителей по вопросам проявления физической агрессии подростками; разъяснены родителям ошибки, которые они совершают в воспитании подростков.

На специально организованных родительских собраниях мы освещали темы, направленные на коррекцию проявлений агрессии и тревожности подростков. Так, большой интерес вызвало собрание на тему «Диктат или равноправие детей и родителей?» В ходе выступления мы не только предлагали свои варианты решений, но и обращались к другим родителям за советами и их опытом воспитания. На основе анализа и обобщения опыта воспитания в семьях мы разрабатывали индивидуальные рекомендации по воспитанию у детей нравственных качеств, по изменению взаимоотношений в семьях. Обращали внимание на приемы, которые способствуют быстрому разрешению конфликтных ситуаций, снижению агрессии подростков, привлечению внимания подростков к учебному материалу.

На завершающем этапе ребята делились успехами, достигнутыми при заполнении «Карты личностного роста», в которой подростки фиксировали свои стремления, цели и имеющиеся трудности. По итогам реализации программы коррекции мы заметили, что ребята начали самостоятельно ставить перед собой вполне рациональные цели, искать и находить адекватные средства их достижения, правильно оценивать свои возможности. Им удалось сформировать положительные социальные установки на себя, свое настоящее.

Повторная диагностика показала статистически значимые изменения (по Т-критерию Стьюдента и ф-критерию Фишера) личностных характеристик подростков экспериментальной группы:

- опрос экспертов показал значимые различия в поведении подростков экспериментальной группы: снизилось проявление конфликтности, возникновение самих конфликтных ситуаций с участием данных подростков; улучшилась саморегуляция подростков, у них стало получаться сдерживаться, контролировать свои эмоции; ребята они стали раскрываться классному коллективу, находить общие темы для разговоров ($\phi^*_{эмп}=2.62$ при $1.64 < \phi^*_{эмп} < 2.31$);

- методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел) показала снижение склонности к преодолению норм и правил, склонности школьников к аддиктивному поведению и агрессии. Есть и позитивные сдвиги, которые выражаются в повышении волевого контроля эмоциональных реакций и контроля поведения ($T_{эмп}=3.3$ при $2.06 > T_{эмп} > 2.78$);

- личностный опросник агрессивности» (А. Басса - М. Перри) показал скачок в изменении проявления агрессивных реакций в экспериментальной группе. Подростки проделали большую работу по преодолению агрессивного отношения к окружающим, научились выражать своё недовольство в конструктивном диалоге. Положительная динамика выражается в снижении уровня физической агрессии, гнева, враждебного поведения. Однако над снижением внутреннего напряжения, вербальной агрессии нам еще предстоит работать. У ребят не всегда получается сдержать колкость, язвительное замечание, хотя часто потом они сожалеют об этом. О несдержанности говорит и недостаточное развитие уровня волевого контроля. Физические действия, поведение подростки научились контролировать лучше, чем речь ($T_{эмп}=2.9$ при $2 > T_{эмп} > 2.68$).

Выводы:

1. Разработанная на основе созданной нами модели психолого-педагогического сопровождения подростков с девиантным поведением программа коррекции девиантного поведения способствует формированию навыков конструктивного взаимодействия и развитию коммуникативных умений подростков, что приводит к снижению агрессивности и враждебности по отношению к окружающим.

2. Реализация просветительско-консультативного, коррекционно-развивающего, профилактического направлений работы с подростками-девиантами содействовала удовлетворению стремления подростков к признанию, авторитету, актуализации их положительного опыта. Мы стремились к формированию у них адекватного образа-Я, показывали возможность выбора форм поведения, в результате чего способствовали успешному включению подростков в совместную деятельность с классным коллективом.

3. Работа по коррекции девиантного поведения подростков более эффективна, когда в этот процесс включаются родители обучающихся, когда они проявляют заинтересованность в процессе воспитания своих детей и улучшении взаимоотношений в семьях. Вместе с тем стоит отметить, что возможности социальной сферы в оказании помощи проблемным семьям на данный момент недостаточны.

Список литературы

1. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования: Монография. – Ростов на/Д.: Изд-во Ростовского педагогического университета, 2015.

2. Галич Г.О., Карпушкина Е.А., Корчагина Л.Н., Морозова Н.Л., Тупарева Н.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2010. № 16 (20). – С. 84-91.

3. Гуреева И.В. Отклоняющееся (девиантное) поведение детей школьного возраста, его причины. Коррекционная работа / И.В. Гуреева. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://festival.1september.ru/articles/624309/>

4. Дубинин С.Н. Психологические детерминанты и механизмы коррекции девиантного поведения личности: дис. ... докт. психол. наук. – Нижний Новгород, 2011. – 380 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologicheskie-determinanty-i-mekhanizmy-korreksii-deviantnogo-povedeniya-lichnosti>

5. Кедрова И.А. Девиантное поведение подростков как социально-психологическая проблема // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. - URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20813>

6. Кривова Ю.Е. Работа педагога-психолога с подростками с девиантным поведением [Электронный ресурс]. – URL: <https://lib.rucont.ru/efd/736544/info>

7. Кривова Ю.Е. Возможности личностно-ориентированного подхода в коррекции девиантного поведения подростков // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: сб. материалов науч.-практ. конф. – Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2020. – С. 85-86.

8. Кривова Ю.Е., Пшеничнова И.В. Личностно-ориентированный подход в работе педагога-психолога с подростками с девиантным поведением // European Journal of Natural History. – 2020. – № 2 – Р. 62-66. - URL: <https://world-science.ru/en/article/view?id=34065>

9. Панцырь С.Н., Новгородцева А.П. Личностные особенности подростков с девиантными формами поведения / С.Н. Панцырь // Культурно-историческая психология, 2013. №2. - С. 64-72

10. Простакишина Ю.А. Проблема категориально-понятийного аппарата в области отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 6. - URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28252>

2.3. Социальная профилактика как эффективная технология деятельности специалистов по работе с подростками, склонными к суицидальному поведению

В настоящее время сохраняет остроту и актуальность проблема профилактики распространения суицидального поведения среди российских подростков. В параграфе представлены результаты отдельных современных отечественных и зарубежных исследований по данной проблеме. Выделены факторы и причины, побуждающие подростков к совершению попытки суицида, как связанные с неблагоприятной социальной средой, так и особенностями развития подростка. Показана негативная роль Интернета, с помощью которого подростки вовлекаются в опасные виртуальные группы, подвергаются кибербуллингу, провоцируется суицид. Отмечается неготовность современных педагогов к осуществлению профилактической деятельности с детьми, склонными к суициду. Представлен опыт создания базы данных о социально-психологических особенностях подростков, совершивших попытку суицида, информация которой представляется важной для более глубокого изучения данной категории детей и организации профилактической работы с ними. Раскрыта сущность и роль социальной профилактики в деятельности специалистов социальной сферы. Предложен алгоритм социально-профилактической деятельности суицидального поведения среди детей и подростков. Определена роль и функции педагога в организации и реализации профилактической деятельности.

Проблеме суицидального поведения детей и подростков и его профилактике уделяется значительное внимание в современных научных исследованиях. Только за период с 2018 по 2022 гг. в Elibrary размещено 126 статей, освещающих результаты исследований по данной проблематике. Интерес ученых и практиков обусловлен появлением новых факторов, связанных с глобальными изменениями в жизни людей, в том числе с расширением негативного влияния Интернет-технологий на жизнеспособность молодого поколения, а именно на рост суицидальных попыток среди детей и подростков.

По данным ВОЗ, ежегодно в мире около миллиона людей завершают жизнь самоубийством, в России – более двух тысяч человек, из которых более трети – несовершеннолетние. По данным издания «РИА Новости», количество детских суицидов в 2021 году составило 692 случая. Исследования данной проблемы показывают, что только в 10 % случаев у подростков имеется истинное намерение покончить с собой, а в 90 % случаев – это «крик о помощи». Детская смертность от неестественных причин ставит перед научным сообществом задачу комплексного исследования причин и факторов суицидального поведения, изучения его особенностей в той или иной возрастной группе, разработки мер профилактики и снижения смертности от суицидальных попыток, особенно в детском и подростковом возрасте, так как родители и педагоги зачастую не замечают изменений в поведении подростка и не готовы вовремя прийти на помощь. Необходима специальная профессиональная подготовка педагогов, в том числе обучение использова-

нию электронных баз, как для анализа проблемы, так и для планирования новых исследований.

Материалы и методы исследования. Все вышесказанное поставило перед нами цель - на основе проведенного анализа научных исследований подросткового суицида показать возможности использования базы данных результатов исследования социально-психологических особенностей подростков, совершивших попытку суицида, для организации просветительской деятельности и социальной профилактики этого деструктивного явления.

Для достижения цели использовались методы теоретического анализа научных источников и нормативно-правовых документов, методы сравнения и обобщения научных данных по проблеме психолого-педагогической подготовки будущих педагогов к реализации профилактической деятельности по предупреждению суицидального поведения в подростковой среде. Кроме того, мы провели контент-анализ публикаций по данной проблематике, размещенных на платформе Elibrary, отражающих основные направления исследований в данном направлении, в частности, опыт подготовки педагогических кадров. Для создания базы данных проводились беседы с подростками по специально разработанному плану, а также применялся контент-анализ 122 типовых форм информации о случаях попыток суицида или завершенного суицида лицами в возрасте от 10 до 18 лет. При обработке данных контент-анализа использовались методы первичной математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. Отечественными учеными проблема детского и подросткового суицида исследуется как на уровне всего российского общества, так и на уровне регионов. Статистика МВД и результаты исследований показывают высокий уровень суицидов в республике Башкортостан, Бурятии, Саха Якутии, на Алтае, в Сибири и др. Так В. Л. Линевиц отмечает стабильно высокие показатели подростковых суицидов в республике Башкортостан, особенно среди девушек возрастной группы 15-17 лет, в которой совершается более 80 % попыток самоубийства (на эту же группу приходится более 90 % завершенных суицидов). Автор отмечает, что уровень самоубийств несовершеннолетних, проживающих в сельской местности Башкирии, в несколько раз превышает городской. По мнению автора, снизить остроту проблемы и повысить эффективность профилактических мероприятий может только скоординированная деятельность всех субъектов (которой недостает именно в сельской местности), занимающихся организацией профилактики суицидов детей, подростков и молодежи Республики Башкортостан [7].

Н. Б. Семенова в своих исследованиях показала многократное превышение смертности от самоубийств среди детей и подростков коренных народов Сибири по сравнению со средними значениями по Российской Федерации [13].

Причиной подростковых суицидов ученые считают хроническое депрессивное состояние, вызванное длительным нарушением межличностных отношений и социальной изоляцией. Результаты большинства зарубежных исследований показывают, что полученные подростками психологические травмы, посттравматические стрессовые расстройства, сформировавшиеся в результате сексуального и иного насилия, катастроф и виктимизации (в частности кибербуллинга), сопряжены не только с депрессией, но и с суицидальностью [22]. Кроме того, исследователи показывают, что у современных подростков не сформировано ценностное отношение к собственному здоровью, а в конечном итоге – и к жизни [8].

Данную связь подтверждает исследование Е. В. Храмова, проведенного на базе одного из медицинских центров г. Москвы, в котором приняли участие 24 человека в возрасте от 12 до 16 лет. У испытуемых были выявлены следующие психосоматические нарушения: нарушения пищеварения, вегетососудистая дистония, нарушения дыхания, сна, психогенные головные боли и головокружение. Приступы крайне негативных переживаний с последующим состоянием «опустошенности» вызывались также отрицательным прогнозом своего будущего и осознанием своей беспомощности перед непонятными и пугающими жизненными проблемами. Негативный прогноз будущего оказался статистически сопряженным с РС ($r=0,70$; $p=0,01$)» [29].

Специалисты исследуют, как новые социальные вызовы изменили суицидальное поведение современных подростков по сравнению с предшествующими поколениями. Так И. И. Шереметьева, изучая суицидальное поведение подростков отклоняющегося поведения, получающих медицинскую помощь в Алтайском краевом психоневрологическом диспансере (152 человека) и наркологическом диспансере (126 человек) в настоящее время и в 70-е годы XX века, сделала выводы об изменении социального портрета современного подростка с отклоняющимся поведением: «в сторону проживания в менее благоустроенных условиях, воспитания в семьях с нарушенной структурой или многодетных семьях, с более высокой вовлеченностью в образовательный процесс, с низкой профессионально-трудовой занятостью родителей по сравнению с предыдущим поколением подростков». А также более ранним возрастом начала проявления суицидальных угроз и первой суицидальной попытки у современных подростков. Автор отмечает более частое совершение суицидальных попыток контингентом современных подростков наркологического стационара, предъявлением суицидальных угроз демонстративного и протестного характера, шантажом суицидом по сравнению с подростками предыдущего поколения [30]. То есть результаты говорят о меньшей личностной зрелости и большей подверженности суициду у современных подростков., а также отстраненности родителей от проблем своих детей.

В жизни подростков большое значение имеет молодежная субкультура. Субкультура молодежи, являясь одним из факторов социализации личности, играет противоречивую роль, так как она, с одной стороны, отчуждает, отделяет молодежь от общей культуры общества, с другой – способствует освоению ценностей, норм, социальных ролей. Проблема состоит в том, что ценности и интересы молодежи ограничены в основном сферой досуга: модой, музыкой, развлекательными мероприятиями, часто малосодержательным общением. Молодежная субкультура зачастую носит развлекательный и потребительский характер, а не познавательный, созидательный и творческий.

Исследователи сходятся во мнении, что в субкультуры объединяются люди, которых не удовлетворяют общепринятые стандарты и ценности. Кроме того, для возникновения субкультуры в обществе нужно совпадение нескольких разных факторов. В субкультуре в явном или скрытом виде может проявляться сопротивление доминирующей культуре. Это зависит от того, насколько представители субкультуры противопоставляют свои убеждения общепринятым. Существует мнение, что большинство субкультурщиков – это аутсайдеры, которые не вписались в доминирующую культуру. В социологии таких людей, застрявших между социальными группами, называют маргиналами. В этом смысле многие субкультурщики, несмотря на различия между собой, – маргиналы. Не соответствуя представлениям большинства о «нормальном человеке», они сознательно

отказываются от общепринятых норм и уходят в какую-то субкультуру. То, что раньше общество осуждало в них как «странность», например, любовь к вычурным прическам, среди своих воспринимается позитивно.

Чаще всего молодежные субкультуры носят замкнутый характер и стремятся к изоляции от массовой культуры. Это вызвано как происхождением субкультур (замкнутые сообщества по интересам), так и стремлением отделиться от основной культуры, противопоставить её субкультуре. Входя в конфликт с основной культурой, субкультуры могут носить агрессивный и иногда даже экстремистский характер. В молодёжных субкультурах проявляется как протест, так и эскапизм (бегство от реальности), что является одной из фаз самоопределения. Молодые люди жаждут жить в мире ярких, красочных переживаний, глубоких чувств. В противном случае жизнь превращается в череду однообразно протекающих серых дней, молодой человек погружается в угнетенное эмоциональное состояние. В целом субкультура, будучи объектом идентификации человека, является одним из способов его обособления в обществе, то есть становится ступенькой автономизации личности, что и определяет ее влияние на самосознание индивидуума, его самоуважение и самопринятие. Так, в процессе взросления и становления себя как личности несовершеннолетнему важно принятие его самого (внешний вид, хобби, интересы и др.) социально значимым ровесником или взрослым: вступая в ту или иную субкультуру, подросток имеет возможность проявить свою индивидуальность, не боясь осуждения со стороны окружающих людей, признания его достижений и личностных качеств, побороть чувство изоляции и одиночества, найти единомышленников, в то же время субкультура может способствовать формированию аддиктивного и аутоагрессивного поведения, негативно влиять на психическое и психологическое состояние несовершеннолетнего. При снижении или отсутствии морально-этических установок, правосознания со стороны членов подростковой субкультуры, неблагоприятном средовом воздействии, невозможности соответствовать положительным социальным ожиданиям, развитию вредных привычек (регулярное употребление алкогольных, наркотических и психоактивных веществ) высока вероятность формирования девиантного и криминального поведения у подростка, а также суицидального.

В настоящее время рост подростковых суицидов связывают с социальными сетями, создающими виртуальные группы, такие как «Море китов», «Разбуди меня в 4:20» и др. О. Б. Левковская сравнивает их действие с классическими признаками суггестивного воздействия (пассивное восприятие, ослабление личного сознания, доверчивость лица, подвергающегося внушению, слабость и отсутствие критики и сопротивления внушению. В этих группах наблюдались мотивы подражания, повышения своего социального статуса в классе, мотив испытать себя и, наконец, умереть [6].

Большую опасность для жизни современных детей и подростков представляет кибербуллинг, как «агрессивное, преднамеренное действие, совершаемое группой или отдельным лицом, использующим электронные формы контакта, неоднократно и в течение долгого времени против жертвы, которая не может легко защитить себя». Ситуация переживания травли в Интернет-пространстве связана с широким спектром проблем психического здоровья и поведения у подростков: депрессией, тревогой, низкой самооценкой, повышением риска употребления психоактивных веществ, формированием суицидального поведения. Следовательно, взрослым, находящимся рядом с подростками, важно проявлять как бдительность, так и компетентность в этом вопросе. Однако изучение литературы по проблеме, показало, что среди значительного объема статей, посвященных

детскому и подростковому суициду, нет работ, посвященных подготовке педагогических кадров для работы с детьми, склонными к суициду. В МБОУ СОШ № 51 г. Челябинска было проведено анкетирование среди подростков 13-14 лет (выборка 124 человека), в результате которого мы выявили, что 89% опрошенных слышали о кибербуллинге и шоплифтинге, проинформированы об игре «Синий кит» и даже в ней участвовали (7%). Знакомы с кибербуллингом 36% опрошенных (слышали и знают о нем), но при этом ни разу не слышали об этом явлении почти одна треть опрошенных (29%), что определяет их в группу риска. Выявлено, что подростки подвергались кибербуллингу: 11% – сами оказывались под давлением мобберов, 21% респондентов ответили, что ему подвергались друзья и 11% – одноклассники. С шоплифтингом сталкивались («интересовались», «занимаются знакомые», «пробовали сами») всего 14% опрошенных. Это говорит о том, что эта форма девиантного поведения не так распространена среди подростков. Выявлено, что имеют представление о шоплифтинге как о противоправном поведении 58% опрошенных подростков, не слышали о нем 10% (12 человек). В исследовании также использовалось наблюдение и анализ практической деятельности социального педагога школы для оценки реализации профилактических мероприятий. Было выявлено, что с детьми мероприятия по профилактике девиантного поведения проводятся, в рамках ее подростки информировались об игре «Синий кит», поэтому часть детей знакома с кибербуллингом. В то же время было отмечено, что о поведении в сети интернет, безопасности детей. речь заходит очень редко [12].

В целях изучения представленности в Elibrary научных исследований по проблемам подготовки педагогов к реализации профилактики подростковых суицидов нами был проведен контент-анализ 126 статей с общей темой «Подростковый суицид и его профилактика». За единицу анализа было принято название статьи. Статьи с общей или близкой тематикой были объединены в рубрики. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Результаты контент-анализа статей по проблеме подросткового суицида

№ п/п	Рубрика	Количество статей	% от общего числа статей
1.	Подростковый суицид: понятие, причины, факторы, особенности	57	45,2
2.	Суицид как девиантное поведение, социально-педагогическая проблема, его диагностика	9	7,2
3.	Подростковый суицид в условиях цифровизации	8	6,4
4.	Влияние «групп смерти» на подростковый суицид	12	9,5
5.	Правовые аспекты подросткового суицида	6	4,7
6.	Детский суицид как проблема общества	10	7,9
7.	Подростковый суицид в контексте детско-родительских отношений	3	2,4
8.	Подростковый суицид в образовательной среде	5	3,9
9.	Профилактика подросткового суицида (в т.ч. технологии)	16	12,8
	Всего:	126	100

Из таблицы следует, что почти половина всех проанализированных статей (45,2%) направлена на изучение феномена «суицидальное поведение подростков», определение его сущности, причин и факторов возникновения, методам диагностики [6, 13, 22, 27, 29, 30]. Часть работ посвящена изучению проблем молодежи и подростков [1, 8, 10, 12, 15, 17-19, 28]. Значительная часть работ исследует роль цифрового пространства и «групп смерти», вовлечение в которые стало особенно заметным в последнее десятилетие [3, 20]. Профилактике, как мы видим, посвящена каждая восьмая работа (12,8%) [7, 16, 21, 23, 24, 26], работ же, направленных на актуализацию подготовки педагогов и родителей практически нет. Мы обнаружили 3 работы, исследующие подростковый суицид в контексте детско-родительских отношений. Детская безнадзорность зачастую приводит и к девиантному, и к суицидальному поведению [28].

Анализ суицидального поведения подростков показывает, что они испытывают двойственные чувства, с одной стороны они чувствуют безнадежность и отчаяние, с другой — надежды на спасение. Вовремя оказанная поддержка может помочь человеку осознать опрометчивость задуманного. Поэтому очень важно быть внимательными по отношению к своим родным и близким, простой разговор по душам и рука помощи в трудную минуту может помочь спасти жизнь. А на государственном уровне важны комплексные программы профилактики, объединяющие все заинтересованные стороны. Эти программы предполагают, что реализация их будет осуществляться компетентными специалистами, понимающими суть проблемы и владеющими необходимыми технологиями.

В 2020 г. Минздравом России до регионов были доведены методические рекомендации «Суицидальное поведение несовершеннолетних (профилактические аспекты)». На основе этих рекомендаций и в рамках выполнения комплекса мер до 2020 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних в ряде регионов были разработаны межведомственные программы по профилактике суицидального поведения среди этой группы населения [9].

26 апреля 2021 г. Правительством Российской Федерации был утвержден новый комплекс мер до 2025 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних [11]. Важно, чтобы разработанные заинтересованными ведомствами рекомендации нашли отражение и воплощение в повседневной профилактической работе специалистов образовательных и социальных организаций, призванных оказывать помощь детям и подросткам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, чтобы предупредить возможность суицидальных попыток и конструировать позитивную жизненную стратегию подростка.

Вопросы профилактики детских и подростковых суицидов находят отражения в работах ученых и педагогов. Под профилактикой понимают комплекс мер, предупреждающих возникновение социальных проблем, позволяющих устранить причины или условия их появления. Условиями успешной профилактической работы считают ее комплексность, последовательность, дифференцированность, своевременность. Эффективность социальной профилактики во многом определяется профессионализмом субъекта воздействия и комплексным характером профилактической работы. Эта технология включает постановку социального диагноза (выявления социальной проблемы), целеполагание (выдвижение цели и конкретизация ее сопровождающими целями-задачами), планирование (разработка плана или программы профилактических действий), реализацию (проведение социально-профилактических мероприятий на основе комплекса методов, форм и

средств), контроль и оценку (подведение итогов на основе выработанных критериев оценки результативности осуществленных процедур) [12].

Социальная профилактика подросткового суицида подразумевает систему мер, предупреждающих суицидальное поведение. Предлагаем алгоритм социально-профилактической деятельности с клиентом с суицидальным поведением. Эта технология включает ряд последовательных этапов от постановки социального диагноза до контроля и оценки результативности осуществленных процедур, включающая диагностический, ориентировочно-целевой, содержательно-организационный и результативный этапы, реализация которых позволит повысить уровень психологической защищенности подростков, сформировать установки на социально ответственный и правопослушный образ жизни, навыки их реализации. Также предложены условия, повышающие успешность внедрения данной технологии в общеобразовательном учреждении: социальное партнерство на основе межведомственного взаимодействия, а также объединение усилий школы и семьи, а в процессе повышения уровня культуры общения и поведения подростков в виртуальном пространстве [12].

Индивидуальная профилактическая работа с подростком с суицидальным поведением включает 4 шага (Рослякова С.В.):

Шаг 1. Диагностика (выявление проблемы клиента, причин возникновения психологических затруднений. В диагностике склонности к суициду можно использовать опросник суицидального риска, модифицированный Т.В. Разуваевой, а также методику диагностики психических состояний Г. Айзенка, тест «Стресс» на оценку стрессоустойчивости, для изучения структуры личности и определения ее состояния опросник ПДТ В.М. Мельникова - Л.Т. Ямпольского.

Шаг 2. Целеполагание и планирование. Совместное планирование, побуждение подростка к словесному оформлению планов предстоящей деятельности, психологическая поддержка помощью приемов логической аргументации и рационального внушения уверенности.

Шаг 3. Разрешение проблемы. Применяется психологическое консультирование и психотерапия. Основными показаниями для использования этих методов является наличие кризисной жизненной ситуации (распад семьи, неуспеваемость в школе и др.); устойчивое расстройство поведения (страхи, воровство, хулиганство, употребление алкоголя и др.). Проводится также социальная реабилитация, как процесс восстановления способности человека к жизнедеятельности в социальной среде, которая была ограничена или нарушена по каким-либо причинам.

Шаг 4. Оценка результата. Результат оценивается по следующим показателям: Отказ от мыслей о смерти, появление склонности к нейтральному или общественно-полезному поведению [цит. по 23].

Профилактика суицидов детей, подростков и молодежи должна включать скоординированную деятельность образовательных учреждений, районных, городских и республиканских психологических центров, специалистов психотерапевтических отделений системы здравоохранения, отделений по делам несовершеннолетних МВД РФ. Также профилактика суицида у несовершеннолетних должна включать подготовку педагогов, родителей по распознаванию признаков риска суицидального поведения у учащихся, повышению навыков бесконфликтного общения. Система школьного образования повсеместно должна внедрять программы по укреплению психического здоровья, пропаганде здорового образа жизни и профилактике самоубийств среди детей и подростков.

Важно проводить работу с родителями, направленную на повышение родительской ответственности и компетентности в вопросах воспитания детей, оказание им помощи в трудной жизненной ситуации, особенно в кризисные периоды [16, 21, 23, 24, 26].

В высшем педагогическом образовании необходимо кроме усиления психолого-педагогической подготовки следует уделять внимание современным информационным ресурсам, представляющим новые более широкие возможности для изучения данной проблемы.

Несомненным научным вкладом в решение данной проблемы явилась работа коллектива исследователей под руководством Н.В. Сивриковой (2022), которым создана база данных, содержащая информацию о социально-психологических особенностях подростков, совершивших попытку суицида (Челябинская область, 2020-2021 гг.). Данные позволяют оценить и выявить социально-психологические факторы риска совершения подростками суицидальных попыток. База не содержит личных данных, пригодных для идентификации личности. Может применяться в психологических и социальных исследованиях в области психологии девиантного поведения, психологии личности, в учебном процессе, научно-исследовательской работе и просветительской деятельности.

Заниматься сбором информации о подростках могут специалисты, вовлеченные в работу с ними. В нашем случае это были сотрудники полиции и социальной службы. Они заполняли разработанную нами специальную форму по результатам беседы с подростком и/или его близкими. Для определения конечного содержания матрицы данных был проведен контент-анализ 122 типовых форм информации о случаях попыток суицида или завершённого суицида лицами в возрасте от 10 до 18 лет. В результате построена матрица эмпирических результатов размерностью в 16 показателей. В эти показатели входили: статус поведения (суицидальные мысли, попытка суицида, завершённый суицид), год рождения, возраст на момент фиксации поведения, год сбора данных, дата фиксации отклоняющегося поведения, пол, статус семьи, вид самоповреждения, причины суицида, психический статус ребенка, тип психологической помощи.

Данные, содержащиеся в матрице, позволяют оценить и выявить социально-психологические факторы риска совершения подростками суицидальных попыток. База не содержит личных данных, пригодных для идентификации личности. База способствует повышению воспроизводимости результатов научных исследований за счет удобного хранения, редактирования, использования данных [14].

Создание базы данных «Социально-психологические факторы риска совершения подростками суицидальных попыток» позволяет психологам, педагогам, специалистам социальных служб проводить анализ содержащихся в ней данных в различных направлениях. Так, анализируя статус семей подростков, совершивших попытку суицида, можно выявить, в каких семьях чаще происходит завершённый суицид.

Имея данные о половом составе, можно сравнивать суицидальное поведение девушек и юношей: статус подростка, вид самоповреждения, причины суицидального поведения.

Можно сравнивать суицидальное поведение в разных возрастных группах подростков. Анализируя данные о психологической помощи, можно выделить группы подростков, получавших и не получавших психологическую помощь и ее тип.

Особенно важным нам видится использование базы данных для организации профилактической и просветительской работы с подростками и родителями. Прежде чем разрабатывать меры профилактики, специалистам надо понимать, по каким причинам

дети в вашем регионе совершают самоубийства. Для этого они используют базу данных и анализируют, какие причины наиболее часто приводят к завершённому суициду у мальчиков и девочек, у детей разного возраста, и на основе результатов проведенного анализа разрабатывают программу. Если у девочек и мальчиков причины одинаковые, то программа может быть общая, а если разные, то в таком случае разрабатываются отдельно программы для мальчиков, отдельно для девочек.

На основе базы данных можно выделить группы риска совершения завершённого суицида и в разрабатываемую программу включить элементы на выделение детей, входящих в эту группу и для них разработать специальную программу. Например, это может быть тренинг на развитие навыков самосохранения и формирование ценностного отношения к своей личности и др. Понимая суть содержащейся в базе данных информации, опытный исследователь может провести анализ в соответствии с поставленной целью и использовать результаты как для большего понимания проблемы, так и для планирования и разработки мер, направленных на профилактику такого негативного явления в нашем обществе, как подростковый суицид [26].

Изложенное в параграфе позволило нам сделать следующие выводы.

1. Проблема детского и подросткового суицида активно изучается представителями различных направлений в науке. Акцент делается на исследование социально-психологических особенностей подростков, склонных к суицидальному поведению.

2. Исследуется роль Интернета в современных коммуникациях детей, его негативное влияние, в том числе на формирование суицидального поведения. Уделяется внимание «группам смерти», вовлекающим детей в деструктивные сообщества.

3. Необходима комплексная работа по профилактике суицидального поведения подростков в масштабах всего общества, направленная в первую очередь на подготовку специалистов и родителей к профилактической работе с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации.

4. Необходимо создавать базы данных по социально значимым проблемам нашего общества, таким как суицидальное поведение подростков, и предоставлять возможность специалистам делать анализ данных и в соответствии с полученными результатами разрабатывать пути помощи подросткам, направленные на снижение смертности от суицида среди подростков в нашей стране.

Список литературы

1. Взаимосвязь типа направленности личности подростка с особенностями его социальной активности / Т. Г. Пташко, Е. Г. Черникова, А. Е. Перебейнос [и др.] // Science for Education Today. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 79-96. – DOI 10.15293/2658-6762.2001.05.

2. Калугина, Е. В. Реализация педагогической технологии формирования готовности будущих педагогов к тьюторской деятельности / Е. В. Калугина, Е. А. Столбова, В. С. Цилицкий // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 10. – С. 30-35.

3. Карауш, И. С. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков / И. С. Карауш, И. Е. Куприянова, А. А. Кузнецова // Суицидология. – 2020. – Т. 11. – № 1(38). – С. 117-129. – DOI 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129.

4. Конфликтологическая подготовка будущих педагогов / Н. А. Соколова, Н. В. Сиврикова, Е. Г. Черникова [и др.] // Образование и наука. – 2020. – Т. 22, № 7. – С. 101-124. – DOI 10.17853/1994-5639-2020-7-101-124.
5. Конфликтология социальной сферы / А. К. Бисембаева, В. Ф. Жеребкина, Е. В. Моисеева [и др.]. – Челябинск : Южно-Уральский издательский центр РАО, 2021. – 266 с. – ISBN 978-5-907408-43-2.
6. Левковская, О. Б. Суицидальное поведение в детско-подростковом возрасте (лекция для непсихиатров) / О. Б. Левковская, Ю. С. Шевченко // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 100-109.
7. Линевич, В. Л. Социально-правовая незащищенность подростков как фактор суицидального риска / В. Л. Линевич // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 4(82). – С. 85-90.
8. Личностные ценности подростков малого и большого города и риски в процессе их формирования / Е. Г. Черникова, Т. Г. Пташко, А. Е. Перебейнос, Н. В. Сиврикова // Science for Education Today. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 215-233. – DOI 10.15293/2658-6762.1902.15.
9. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 6 марта 2020 г. №15-2/И/2-2645 «О методических рекомендациях «Суицидальное поведение несовершеннолетних (профилактические аспекты)». <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php>
10. Пищик, В. И. Динамика смысловых составляющих ментальности поколений / В. И. Пищик, Н. В. Сиврикова // Российский психологический журнал. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 73-82.
11. Распоряжение Правительства РФ от 26.04.2021 №1058-р «Об утверждении комплекса мер до 2025 года по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних». <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php>
12. Рослякова, С. В. Современные формы девиантного поведения подростков и их социальная профилактика / С. В. Рослякова, Е. Г. Черникова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10. – № 1(34). – С. 209-212. – DOI 10.26140/anip-2021-1001-0053.
13. Семенова, Н. Б. Суицидальное поведение у детей и подростков коренных народов Сибири: социальные факторы риска / Н. Б. Семенова // Суицидология. – 2018. – Т. 9. – № 4(33). – С. 3-16. – DOI 10.32878/suiciderus.18-09-04(33)-3-16.
14. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622095 Российская Федерация. Социально-психологические факторы риска совершения подростками суицида : № 2022621998 : заявл. 10.08.2022 : опубл. 18.08.2022 / Н. В. Сиврикова, Е. М. Харланова, Н. А. Соколова, Е. Г. Черникова; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет».
15. Сиврикова, Н. В. Взаимосвязь ценностей со стилем медиапотребления студентов / Н. В. Сиврикова, Д. Ю. Бережная // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 60. – С. 166-180. – DOI 10.17223/17267080/60/12.
16. Содержание и методика педагогической деятельности в социальной работе : (социальная педагогика) / Н. А. Соколова, Н. П. Артемьева, В. Ф. Жеребкина [и др.] ; Челябинский государственный педагогический университет. – Челябинск : Челябинский государственный педагогический университет, 2014. – 349 с.

17. Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России / Н. В. Сиврикова, М. И. Постникова, Е. Л. Солдатова [и др.] // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 144-165. – DOI 10.21702/rpj.2019.1.7.
18. Соколова, Н. А. Социально-экономическое положение работающей молодежи промышленных предприятий: социологический анализ / Н. А. Соколова, Е. Г. Черникова // Здоровоохранение, образование и безопасность. – 2016. – № 3(7). – С. 39-46.
19. Соколова, Н. А. Исследование социальной активности молодежи / Н. А. Соколова, Е. Г. Черникова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3. – С. 239-248.
20. Соловьева, К. С. Подростковый суицид как отражение реалий современного информационного общества / К. С. Соловьева // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 2-2. – С. 458-469. – DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-458-469.
21. Социальная педагогика : Учебник и практикум / Н. П. Артемьева, В. Ф. Жеребкина, Е. В. Моисеева [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 309 с. – (Университеты России). – ISBN 978-5-534-01218-7.
22. Suárez-Soto E., Pereda N., Guilera G. Poly-victimization, resilience, and suicidality among adolescents in child and youth-serving systems. Children and Youth Services Review, 2019. Vol. 106, 8 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2019.104500
23. Теория и технологии социальной защиты и обслуживания семей и детей : учебн. пособие для академического бакалавриата / Р. С. Димухаметов, В. Ф. Жеребкина, Е. В. Моисеева [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Челябинск : Южно-Уральский центр РАО, 2020. – 511 с.
24. Цилицкий, В. С. Разработка и проектирование индивидуальной образовательной программы (ИОП) тьюторского сопровождения / В. С. Цилицкий // Инновационные технологии в профессиональном образовании : Материалы IV Всероссийской научно-методической конференции, Грозный, 26–27 декабря 2015 года / Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова. – Грозный: Типография АЛЕФ, 2015. – С. 366-369.
25. Черникова, Е. Г. Система социального образования студента в условиях педагогического процесса вуза / Е. Г. Черникова, Т. Г. Пташко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4. – С. 95-100.
26. Черникова, Е. Г. Возможности использования электронных баз данных в профессиональной деятельности специалистов по профилактике подросткового суицида / Е. Г. Черникова, И. Г. Рябых, Р. Я. Шамгунова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 11(213). – С. 687-691. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.11.p687-691.
27. Черникова, Е. Г. Проблема изучения факторов подросткового суицида и его профилактики в современных научных исследованиях / Е. Г. Черникова // Казанский вестник молодых учёных. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 26-37.
28. Черникова, Е. Г. Детская и подростковая беспризорность в России в начале XXI века: исследование и профилактика / Е. Г. Черникова // Детство: историко-социологические и психолого-педагогические аспекты : Коллективная монография. – Челябинск : Южно-Уральский научный центр РАО, 2022. – С. 76-100.
29. Храмов, Е. В. Психологические и психосоматические факторы риска суицидального поведения подростков / Е.В. Храмов. – Текст : непосредственный. //

Современная зарубежная психология. – 2020. – Том 9. – № 1. – С. 68-75. – Текст : непосредственный.

30. Шереметьева, И. И. Суицидальное поведение у современных подростков (клинико-социальный патоморфоз) / И. И. Шереметьева, В. Н. Ведяшкин. – Текст : непосредственный // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2018. – № 1(98). – С. 68-74. – DOI 10.26617/1810-3111-2018-1(98)-68-74.

2.4. Психолого-педагогические и социокультурные подходы к преодолению алкогольной и наркотической зависимости в центре социальной реабилитации и адаптации

За последние годы ситуация реабилитации и адаптации алко- и наркозависимых существенно изменилась: появилось много новых синтетических наркотиков, что ускорило динамику формирования зависимости. Доступность наркотиков повлияла на прирост потребителей среди молодежи и росту масштаба проблемы наркомании. Это диктует необходимость в повышении потенциала социального служения и увеличении количества компетентных специалистов в преодолении зависимости от новых ПАВ, быстро формирующих наркотическую зависимость, что показывает необходимость в работе с новыми проявлениями зависимости, такие как психологические изменения в быстром формировании и преобладания наркотической субличности. В сфере работы с алко- и наркозависимыми одним из таких потенциалов является как психолого-педагогическая работа, раскрывающая сущность зависимости, и социокультурный компонент - православная культура, которая может служить основой программ для алко- и наркозависимых и их созависимых родственников [1].

Начиная с 2010 года, в Россию стали проникать синтетические аналоги растительных наркотиков. По степени токсичности синтетические или дизайнерские (измененные аналоги растительных наркотиков) – превосходят естественные в 5 раз, а зависимость от них развивается в 2 раза быстрее. Из существующих видов они являются наиболее опасными психостимуляторами [3, 4]. Основное последствие употребления таких наркотиков - стремительное формирование стойкой наркотической зависимости; разрушение личности; поражение многих органов и систем человека. Другая опасность в том, что «синтетика» образует прочную связь со схожими рецепторами сразу обоих типов в мозге (в отличие от растительных аналогов). Наркотик в первую очередь расстраивает мышление. Низкие оперативные возможности интеллекта сочетаются с общей растерянностью, невозможностью собрать мысли и сосредоточиться на чем-либо [12].

Пациенты, много месяцев назад прекратившие приём ПАВ не в состоянии сосредоточиться на теме беседы, некоторые не могут читать. Грубо нарушается память, расстраивается сон. За очень короткий срок резко снижается интеллект. В настроении преобладает раздражительность, возникает параноидный синдром. Данная проблема быстрого и разрушительного характера на физическое и психическое состояние человека создает необходимость новых подходов к изучению проблемы и работы с зависимостью от синтетических наркотиков, которая отличается по срокам формирования и силе разрушения. Специалистам в сфере помощи алко- и наркозависимым необходимо формировать знания, навыки, умения реагирования и работы с новыми вызовами.

Специалисты констатируют низкий уровень обращаемости в государственную наркологию из-за страха больных перед установленными законом ограничениями при постановке на наркоучет и низкого уровня доверия – только один из семи наркопотребителей обращается за лечением. Но и среди обратившихся количество выходящих в ремиссию по оценкам самих же наркологов не превышает 13,3%. Низкая эффективность обусловлена спецификой российской наркологии – акцентом только на медицинской стороне проблемы. Для выхода из кризисной ситуации, преодоления зависимости у алко- и наркозависимых есть потребность обращения в некоммерческие организации, практикующие комплексную реабилитацию, которые могут оказать профессиональную помощь и предотвратить срывы и возвраты к употреблению ПАВ.

В нашем исследовании мы обратились к направлению помощи в котором специалисты реабилитационного центра оказывали консультационную, методическую, просветительскую помощь, повышения качества оказываемой помощи. Основные направления работы социального служения социально-культурной деятельности изложены в Концепции Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви Московского Патриархата [11].

Психолого-педагогическое и социально-культурное направление включает в себя направления деятельности: 1) оказание психологической помощи и поддержки алко- и наркозависимым; 2) культурно-просветительская работа по внедрению новых методик; 3) обучение и публикация методических материалов, обмен опытом, проведение конференций, стажировок, чтений и т.п.

Психолого-педагогические подходы в социальной реабилитации алко- и наркозависимых заключается в реализации социальных программ: 1) разработка и внедрение типовых программ и методик по психолого-педагогической и социальной работе; издание методических материалов, оказание методической помощи; 2) оценка эффективности психологической, благотворительной и социальной деятельности церковных организаций на местах; 3) изучение опыта масштабной благотворительной деятельности, развитие православного сообщества социальной сферы; 4) распространение опыта эффективных добровольческих православных организаций в регионах, создание Общецерковного Содружества православных добровольцев [6].

Формы социально-культурной деятельности: 1) проведение обучения: психологические тренинги, лекции, семинары, конференции, встречи, включая интернет-конференции, интернет-семинары и форумы, нацеленные на формирование компетентности специалистов, волонтеров, передачу опыта; 2) организация сотрудничества церковных и государственных социальных учреждений; 3) систематическое информирование общества о социальной деятельности Церкви; 4) организация семинаров, выставок, конференций, интернет-ресурсов, публичных акций и других мероприятий, нацеленных на активизацию социальной деятельности и популяризацию в обществе идеи милосердного служения ближним; 5) повышение общественной значимости социального служения средствами социальной рекламы [3, 4].

Авторы (П.И. Астафьев, П.А. Бакунин, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавина, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, В.И. Несмелова, Н.Н. Соловьев, Н.Н. Страхов, Л.А. Тихомирова П.А. Флоренский, СЛ. Франк, С.С. Хоружий) выделяют православную культуру как ресурс для развития человека и общества. Также определяют православную культуру как основу в анализе проблем бытия личности и общества. Утверждается отсутствие неопределенности в жизни, указывают, что следование принципам православной

культуры носит мотивационный характер для алко- и наркозависимых, дает устойчивую жизненную позицию [2, 8, 11].

Учитывая многогранность проблемы зависимости, которая включает в себя психологическую, социальную, медицинскую и духовную составляющую, - все эти проблемы не решаются государственными учреждениями и некоммерческими организациями, реабилитация которых направлена преимущественно на медикаментозное лечение. Данный факт отчётливо демонстрирует необходимость реализации новых подходов к формированию ресурсов у выздоравливающих от ПАВ.

Подход к формированию устойчивой мотивации к трезвому образу жизни и преодолению зависимости от ПАВ, основанный на православной культуре будет, реализуется с помощью совокупности форм и средств обучения, которые включают в себя формы и методы подготовки, представленные в виде модели [7, 8, 9, 12] (рис.1):

Программа комплексной социокультурной помощи алко- и наркозависимым социально-культурной деятельности в реабилитационной работе

Цель: формирование устойчивой мотивации к преодолению употребления алко- и наркозависимыми ПАВ

Задачи:

- психологическая работа с зависимыми;
- формирование ценностных ориентаций,
- изучение основных событий из Ветхого и Нового Завета;
- раскрытие поучительного значения библейских событий для человека.
- развитие доброжелательности и эмоциональной отзывчивости, понимания и сопереживания другим людям

Форма

Психологические консультации Скрининговые мотивационные консультации для наркозависимых

Программа подготовки, в т.ч. основанная на православной культуре

Видео-лекции, видео-интервью и видео-истории зависимых 30 видео-интервью наркозависимых **родственников**,

Евангельские чтения

Принципы:

Гуманистический

Просветительский

Образовательный

Итог: формирование устойчивой мотивации к преодолению зависимости от ПАВ

Реализация психологического направления – **«Программа психологической помощи алко- наркозависимым и со-зависимым родственникам»** через различные формы и методы [5, 6]:

Тезисное содержание основных направлений программы.

1) Скрининговые мотивационные консультации для наркозависимых.

Консультации направлены на оказание консультативной поддержки, разъяснение природы зависимости, вовлечение в систему практической поддержки, ориентацию в мотивационном курсе, выявление ресурсов для формирования приверженности к курсу, информирование о возможных вариантах прохождения курса и помощь в выборе наиболее оптимального из них.

Ожидаемые результаты: Повысится их уровень понимания а) природы зависимости, б) необходимости обращения к специалистам за долгосрочной помощью, в) структуры мотивационного курса, г) собственных ресурсов для формирования мотивационного воздействия и е) возможных стратегий поведения.

2) Диагностическая сессия (офлайн) для наркозависимых, находящихся в процессе реабилитации и на финальном этапе реабилитации. Сессия состоит из ряда тестирований на входе и выходе в мотивационный курс, которые выявляют уровень мотивационной готовности и состояние эмоционально-мотивационной сферы с помощью батареи методик («Мотивы употребления наркотиков» И. В. Аксючица; Тест «Уровень субъективного контроля»; «Тест аддиктивных установок» Мак-Маллан – Гейлхар; «Исследование стадии психотерапевтических изменений»; «Шкала стадий готовности к изменениям и готовности лечиться»). На основе собранной информации для каждого участника курса разрабатывается индивидуальный финальный план и постреабилитационная программа после прохождения курса реабилитации.

Ожидаемые результаты: наркозависимых людей будет определен уровень мотивационной готовности, выявлены ведущие мотивы употребления наркотиков и уровень принятия ответственности за свое поведение. У наркозависимых людей сформируется понимание их актуального этапа мотивационной готовности и возможность для обсуждения и разработки со специалистами индивидуального плана формирования и укрепления мотивации на финальном этапе в постреабилитационный период.

3) Психокоррекционные индивидуальные консультации (2 раза в месяц для каждого участника курса), мотивационные индивидуальные беседы (2 раза в месяц для каждого участника курса), группы сообщества (5 раз в неделю), группы по мотивационным заданиям (3 раза в неделю), группы кинотерапии (2 в месяц), беседы по основам ценностноориентированного образа жизни ("заповедь недели" (2 в месяц) для наркозависимых, направлены на формирование и укрепление уровня личной мотивации, присвоения ответственности за изменение зависимого поведения, выработку осознанности и нормативных способов преодоления трудной жизненной ситуации. Тематическое содержание: кризисные состояния и их преодоление, терапевтические интервенции и конфронтации, природа зависимости и выздоровления; виды и методы преодоления отрицания, триггеры влечения и способы его минимизации, смысл жизни и ценности как основа для психофизической трезвости и качественной жизни без наркотиков.

Ожидаемые результаты: у алко- и наркозависимых повысится уровень признания существования проблемы, сформируется приверженность к продолжению социальной реабилитации в формате долгосрочного реабилитационного курса, повысится уровень внутренней мотивации на изменение зависимого поведения, уровень личной ответствен-

ности за процесс исцеления, сформируются представления о нравственном идеале, ритме и границах нормативной осознанной жизни. Ожидается повышение среднего показателя длительности пребывания участников курса в реабилитационной программе.

4) Мотивационные консультации (первичные обращения на контактно-информационный телефон, через форму обращения на сайте и мессенджеры в соцсетях, онлайн и офлайн) для родственников и близких наркозависимых, впервые обратившихся за помощью. Консультации направлены на оказание первичной консультативной поддержки, разъяснение природы зависимости, вовлечение в систему практической поддержки, ориентацию в мотивационном курсе, выявление ресурсов для формирования мотивационного воздействия, информирование о возможных стратегиях поведения и помощь в выборе наиболее оптимальных из них.

Ожидаемые результаты: родственников и близких наркозависимых людей, впервые обратившихся за помощью, получают первичную консультативную поддержку. Повысится их уровень понимания а) природы зависимости, б) необходимости обращения к специалистам за долгосрочной помощью, в) структуры мотивационного курса, г) собственных ресурсов для формирования мотивационного воздействия и е) возможных стратегий поведения.

5) Коррекционные группы (оффлайн и онлайн еженедельно каждую субботу недели) для родственников и близких наркозависимых. Организация курса подготовки для со-зависимых родственников, основанного на методических пособиях и разработках [5, 6].

Ожидаемые результаты: у прошедших курс, сформируются практические навыки формирования мотивационного воздействия в условиях реальных практических ситуаций взаимодействия, преодоления со-зависимого поведения и формирование принимающего поведения своего зависимого родственника (Темы программы для со-зависимых родственников: 1. Созависимость – общее представление, происхождение термина, определения. 2. Объективные и субъективные признаки созависимости, анкета. 3. Маски и типы созависимых. 4. Формирование созависимости в семье. 5. Выздоровление: Семья в процессе выздоровления. Стадии выздоровления. Инструменты выздоровления, Программа 12 шагов. Мероприятия направлены на практическое освоение теоретических знаний об основах мотивационного воздействия, в процессе которого у родственников будет возможность в ситуациях здесь-и-сейчас применить и закрепить микро-навыки мотивационного диалога с наркозависимыми людьми, отработать практические кейсы и получить конструктивную обратную связь. Применяемые методы в процессе мероприятий: рефлексия, конфронтации, интервенции, мотивационный диалог, семейные расстановки, рациональная терапия) [10, 12].

Ожидаемыми результатами сформированности устойчивой мотивации к трезвому образу жизни, отказ от употребления психоактивных веществ алко- и наркозависимыми является высокий порог фрустрации, снижение уровня личной эмоциональности и тревожности, достичь которых помогают психолого-педагогическая работа и православный социокультурный подход к формированию устойчивой мотивации к преодолению зависимости.

Список литературы

1. Брук Т. М. Наркомания: современные методы профилактики и реабилитации: учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений физической культуры / Т. М. Брук, Е. Г. Мильнер. - Смоленск: СГАФКСТ, 2008. - 78 с.

2. Киселева, Т. Г. Социально-культурная деятельность: учебник / Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников. - М.: МГУКИ, 2004. - 539 с.
3. Ефлова М.Ю. Гражданская активность: опыт включенного наблюдения // Социальные исследования. - № 8. - 2012. - С. 101-110.
4. Ефлова М.Ю. Опыт Русской Православной Церкви по социальной инклюзии наркозависимых. «Власть. г. Казань. – 2015. - №6. - С.103-106.
5. Гайнуллина Э. Н., Янгуразова З. А., Хисамутдинов Р. А. Социологический анализ реабилитационных программ и факторов, способствующих процессу реабилитации и ресоциализации лиц с наркотической зависимостью. Философия, социология, культурология и политология. С. 1244-1250.
6. Методология социальной реабилитации наркозависимых в церковной общине / Епископ Каменский и Камышловский Мефодий, Р.И. Прищенко, Е.Е. Рыдалевская. - М. 2021. - 148 с.
7. Полякова О.Б. Педагогический потенциал православного образования в программе Школы приемных родителей // Образование. Наука. Научные кадры». - 2018. - № 3. - С. 185-187.
8. Полякова О.Б. Социально-культурная деятельность Русской Православной Церкви на современном этапе // Интеграция современных научных исследований в развитие общества: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (29 сентября 2017 года), Том II – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2017 – 490 с. - С. 247-251.
9. Полякова О.Б. Этапы работы с семьей, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. Международная научно-практической конференции «Наука сегодня: проблемы и перспективы развития»: материалы международной научно-практической конференции, г. Вологда, 29 ноября 2017 г.: в 3 частях. Часть 3. – Вологда: ООО «Маркер», 2017. – 144 с. - С. 131-133.
10. Прищенко Р.И. Преодолеть страсть наркозависимости. Методика реабилитационного процесса, основанного на святоотеческом опыте борьбы со страстями. – М.: Лепта Книга, 2020. – 264 с. – (Серия «Азбука милосердия»: метод. и справ. пособия).
11. Угринович Д.М. Психология религии. - М.: Политиздат, 1986. - 352 с.
12. Черкасов А. В. Организация социальной работы с гражданами, состоящими на учете в наркологических службах: научн.-метод. рекоменд. в 2-х частях. Ч. I. Новочерк. Гос. мелиор. акад., каф. философии. Новочеркасск: ЮРГТУ(НПИ), 2008.

2.5. Личностные особенности осужденных, склонных к игровой зависимости (в контексте функционирования научной школы Академии ФСИН России «Психолого-педагогическое сопровождение осужденных, отбывающих уголовные наказания»)

В последнее время проблема отклоняющегося поведения личности является весьма актуальной для российского общества и исследуется в широком контексте медицинского и психологического познания. Недовольство реальной жизнью и желание уйти от нее является одной из сложнейших проблем человеческой жизни. Формы и способы ухода чрезвычайно разнообразны и нередко носят патологический характер. Одной из них является зависимое поведение, когда жизнь человека и его поведение начинают зависеть от различных факторов. Список объектов зависимости достаточно широк: различные

вещества, игры, источники информации и эстетического наслаждения, люди, работа, пища. Аддиктивное, или зависимое, поведение (например, пристрастие к азартным играм и др.) является одним из наиболее распространенных типов девиантного поведения и выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), сопровождающихся развитием интенсивных эмоций.

Рассматриваемый в работе вид аддиктивного поведения в научной литературе описывается такими терминами, как гэмблинг, патологическая азартная игра, азартомания, игромания, лудомания, и исследован в работах Т.В. Андреевой, К.К. Александрова, И.Л. Баскаковой, Л.И. Божович, Г.М. Бреслав, У.Н. Кузьминой, С.А. Красненковой, В.И. Лебедева, Ф.Г. Щеглова и др.

Проблема аддиктивного поведения в юридической психологии отражена в работах современных ученых Ю.М. Антоняна, Ю.А. Алферова, Н.В. Змановской, В.Ю. Рыбникова, А.П. Хмель, Г.В. Чернышовой и др.

По мнению И.Л. Баскаковой, С.А. Красненковой, В.И. Лебедева и др., личность осужденного, имевшего опыт участия в азартных играх, весьма специфична. Такие осужденные отличаются от не играющих по целому ряду психологических, уголовно-правовых, пенитенциарных и иных признаков. Однако большинство ученых подчеркивают важность изучения движущих сил, приводящих к аддиктивным изменениям в личности осужденного. Эта проблема требует специального научного исследования. Исследование психодинамики личности осужденных, имеющих склонность к игре, позволяет раскрыть внутренние движущие силы аддиктивного поведения осужденных с учетом экстремальности условий жизнедеятельности, которые складываются в местах лишения свободы. Все это обуславливает актуальность темы настоящего исследования.

Среди общих признаков склонности к азартным играм, определенных Е.В. Змановской и В.Ю. Рыбниковым, отметим следующие: нарастание частоты игры, регулярность игры, увеличение длительности одного сеанса непрерывной игры, увеличение размера и частоты ставок для достижения переживаний, стремление повторить игру после проигрыша, чтобы отыграться, большие проигрыши, поиск денег для игры, увеличение долгов, утрата интересов к другим сторонам жизни, продолжительный игровой стаж [4, с. 106].

Интересным, на наш взгляд представляется рассмотрение игровой зависимости наряду с наркотической и алкогольной зависимостью, затрагивающей в основном молодое поколение, способствующей формированию у них преступного поведения.

Несмотря на то, что в исправительном учреждении в рамках проведения воспитательной работы администрация учреждения старается разнообразить быт осужденных (проводится много спортивных соревнований (волейбол, футбол, шахматы, теннис), иногда даже приезжают концертные бригады или артисты цирка), азартные игры не сдают свои лидирующие позиции. Это происходит потому, игры «под интерес» (название азартной игры на жаргоне) являются не просто внешним атрибутом жизни осужденных, но и способом манипулятивного управления их поведением со стороны осужденных, придерживающихся воровских традиций.

Страшны не сами игры, а их последствия, которые часто приводят к совершению других, более опасных преступлений, поэтому игра в азартные игры является нарушением правил внутреннего распорядка, которое квалифицируется не просто как нарушение режима, но и как мелкое хулиганство (карты в исправительном учреждении офици-

ально запрещены), а следовательно, как злостное нарушение режима. При этом даже двойное наказание за нарушение и за злостное нарушение (отметим, что за каждое нарушение осужденный получает самостоятельное дисциплинарное взыскание) не останавливает осужденных от игры в карты.

Азартные игры привносят в однообразную жизнь осужденных новые краски, риск, эмоции.

М. С. Иванов выделяет четыре стадии формирования игровой зависимости [5, с. 44-46]:

1. Стадия легкой увлеченности (характеризуется получением удовольствия от игры, связанного с выигрышем, при этом проигрыши человек игнорирует). Люди, находящиеся на этой стадии, называются «социальными» гемблерами, в местах лишения свободы их численность составляет, по результатам исследования М. П. Чернышковой, примерно 35 % от всей выборки этой категории осужденных [8, с. 57]. На этой стадии устойчивая игровая зависимость еще не сформировалась.

2. Стадия увлеченности (игра в азартные игры становится уже потребностью). Такие люди уже относятся к категории «регулярных» гемблеров. Численность их незначительна, так как они еще могут контролировать свою потребность в игре, и колеблется около 6 %.

3. Стадия зависимости («проблемные» гемблеры), на которой игра становится уже насущной потребностью. Если для гражданского общества их численность составляет от 10 до 14 %, то в местах лишения свободы эта категория составляет около 30 % от общего числа играющих в азартные игры и представляет собой добычу для осужденных, организующих азартные игры. Как правило, такие люди, как и в случае с алкогольной и наркотической зависимостью, факт наличия у себя зависимости не признают. Иногда на этой стадии встречаются и «патологические» гемблеры, которые имеют уже настолько сильное влечение к игре (25,8 %), что не в состоянии прервать ее самостоятельно.

Для таких осужденных азартные игры в местах лишения свободы становятся не просто развлечением, так как возвращение долга часто приобретает форму противоправных действий в пользу криминального сообщества, а в случае невозможности вернуть долг нередко совершение суицида (крайней формой дезадаптивного поведения). В связи с этим лица, активно участвующие или организующие азартные игры с целью получения материальной или иной выгоды, ставятся на профилактический учет.

4. Стадия привязанности, которая характеризуется угасанием игровой активности у человека. Большинство осужденных, организующих азартные игры с целью извлечения материальной или иной выгоды, или активно участвующих в них, имеют возраст от 21 до 40 лет (68,7 %). 2/3 осужденных из этой категории холостые, но у 20 % из них имеется семья. 24,4 % из них имеют неполное среднее образование, у 33,9 % – среднее общее образование, у 23,7 % – среднее профессиональное. Большинство из них (88,4 %) не обучаются в школе, а 88,7 % не стремятся получать профессиональное образование.

58,9 % из них осуждены впервые, 32,5 % имеют три и более судимости.

Основная часть осужденных (83,6 %) не участвуют в общественной жизни исправительного учреждения, 83,6 % – не трудоустроены. 77,6 % осужденных этой категории, по мнению сотрудников, стараются во время отбывания наказания поддерживать социально полезные связи.

84,9 % из них являются нарушителями, 3/4 из которых – злостные, хотя 72,9 % содержатся в обычных условиях содержания.

61,7 % из них имеют только дисциплинарные взыскания или совсем незначительное количество поощрений. Для 84,3 % из них нахождение на профилактическом учете продлевается. 80,1 % осужденных данной группы состояли на учете от 3 месяцев до 4 лет.

Отметим, что в Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20 ноября 2006 г. № 333, перечислены категории осужденных (подозреваемых и обвиняемых), требующих постановки на профилактический учет и повышенного внимания со стороны сотрудников всех заинтересованных служб [7]. Среди них особо выделяются лица, организующие или активно участвующие в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды.

Азартные игры для подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, являются не только способом «скрасить тягостный «досуг», разнообразить вялотекущую жизнь острыми впечатлениями», но и средством выживания.

В учреждениях пенитенциарной системы азартные игры (или игры «под интерес») порождают негативные процессы. Американский «Тюремный каталог», давая советы по «выживанию» в СИЗО или тюрьме, настоятельно рекомендует не участвовать в азартных играх на деньги. Это наставление предостерегает непросвещенного, неопытного в таких делах человека в них ввязываться, объясняя это тем, что эти игры всегда связаны с обманом, приводят к «разборкам» и дракам между заключенными. Указывается на то, что проигрыш «определенно приведет человека к смерти» при невозможности оплатить карточный или другой долг, а в случае выигрыша, наоборот, – может довести другого проигравшего до отчаяния [8, с. 75].

Игра «под интерес» – неотъемлемая часть тюремной субкультуры и, по мнению А.С. Михлина, выполняет следующие функции:

- коммуникативную – помимо времяпрепровождения, использование уголовного жаргона (арго), специальных жестов, кличек, татуировок, как средства общения и взаимодействия);
- экономическую – пополнение «воровского общака» за счет денежных и иных материальных средств осужденных и их родственников;
- объединяющую – сплачивающую осужденных в группы;
- криминальную – как способ втягивания в преступную деятельность в местах принудительного содержания [6, с. 52].

По мнению Л.И. Божович, картежная игра имеет в воровской среде немалое значение в достижении высших ступеней «жульнической» квалификации. Неумение постоянно рисковать всеми своими деньгами, «тряпками» или даже жизнью, также, как и неверность воровской этике, составляет признак «дешевого человека». Осужденный, склонный к азартным играм, всегда носит при себе колоду карт и готов играть где угодно и при каких угодно обстоятельствах. Азарт руководит всеми поступками игрока. Многие осужденные сравнивают ощущение при игре с ощущением при краже [2, с. 98].

Г.М. Бреслав говорит о том, что согласно тюремным традициям, человек, не заплативший карточный долг, несет наказание как за грубейшее, с точки зрения криминального сообщества, нарушение лагерного закона. Одним из наиболее суровых видов наказания считается перевод должника в категорию так называемых «притесняемых» («обиженных», «опущенных»), лиц с наиболее низким криминальным социальным статусом, т.е. лиц с повышенной внушаемостью и слабыми эмоционально-волевыми свойствами, испытывающими трудности в адаптации. В большинстве случаев должники, боясь рас-

правы, пытаются изолироваться в так называемом безопасном месте (помещении камер ШИЗО), в связи с чем, прибегают к каким-либо противоправным действиям. Другим распространенным способом защиты осужденных-должников от нарушения их физической, психологической и социальной безопасности является совершение ими самоубийств (суицидов) [3, с. 122].

Проблема азартных игр в местах лишения свободы осложняется еще и риском приобретения патологической зависимости лицами, которые в период отбывания срока наказания оказываются постоянно втянутыми в процесс игры. Сотрудники института исследования феномена азартных игр штата Альберта (провинция Канады) задались вопросом, в какой степени азартная игра входит в привычку людей, отбывших срок заключения. Согласно предпринятым исследованиям, процент привыкания к игре довольно высок, и это, как утверждает М.П. Чернышкова, можно считать новым аспектом мировой игровой темы. Психотерапевты вынуждены продумывать для азартных игроков «поневоле» особые корректирующие программы, которые входят в стандартные адаптационные курсы для поселенцев ИУ [8, с. 59].

Азартные игры для подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, являются не только способом «скрасить тягостный «досуг», разнообразить вялотекущую жизнь острыми впечатлениями», но и средством выживания. Поэтому не все их виды являются разрешенными. Официально в ИУ запрещены азартные игры «под интерес» и, в первую очередь, карты, а также «кости», домино, другие игры, организуемые с целью извлечения материальной или иной выгоды. Они иницируются заинтересованными в них лицами, чаще имеющими корыстную направленность и преступные мотивы, проводятся в ночное время в наиболее укромных местах, когда менее всего осуществляются контрольные функции сотрудниками режимных служб.

На «зоне», в частности, в карты играют организованными группами, в которых временно распределяются роли, а приемы втягивания и «обыгрывания» новичков доведены до автоматизма (так называемые «игра на заманку» или «игра на характер»). Потенциальная жертва даже не догадывается, насколько методично она будет обыгрываться. В случае же проигрыша (а так случается чаще всего) и отсутствия возможности расплатиться участники азартных игр попадают в зависимость от их организаторов. Они вынуждены совершать незаконные действия в пользу преступного сообщества, совершают правонарушения. Желая расстаться с кредитором и «уйти» от серьезной проблемы они прибегают не только к попыткам побега. Ценой расплаты нередко оказывается собственная жизнь. Выигравшие, наоборот, будут «выбивать» долг любыми способами, пока не получат свое. Насколько трагичным окажется исход – их не волнует.

Разнообразные «советчики» (в хорошем смысле этого слова) предостерегают лиц, ранее не содержащихся в условиях изоляции, от участия в азартных играх. В.А. Ажиппо, например, говорит о том, что азартные игры в целом – «это зло, и нужно с первых дней пребывания за решеткой собрать волю в кулак и никогда не приближаться к играющей публике».

Еще одним подтверждением того, что азартные игры являются средством выживания на «зоне», влекущим за собой негативные последствия, являются результаты необычного исследования, проведенного в федеральных и провинциальных исправительных учреждениях Онтарио, поводом для которого послужил полный запрет на курение и заключенных, и сотрудников, объявленный Правительством Канады в 2008 году. Целью исследования был сравнительный анализ использования в местах лишения свободы табака в

качестве своеобразной валюты для азартных игр. В анкетировании приняли участие заключенные мужского пола: до запрета на курение – 254 и после – 395 человек, которые опрашивались о типе сделанной ими ставки во время пребывания в тюрьме. В результате исследования было установлено, что если до запрета на курение табак использовали в качестве валюты 2,3% заключенных, то после запрета их количество namного увеличилось (в 12,4 раза) и достигло 28,6%. Полученные данные свидетельствуют о том, что запрет на курение привел к изменению типа валюты в азартных играх, активизировав денежные пари, а также к тому, что обстановка в ИУ namного усложнилась.

Таким образом, азартные игры, запрещенные в отечественных и зарубежных пенитенциарных учреждениях, скрытно проводятся заключенными с целью извлечения материальной или иной выгоды. В карты играют организованными группами, в которых заблаговременно распределяются роли, а приемы втягивания и «обыгрывания» новичков доведены до автоматизма. Азартные игры отрицательно влияют на личность осужденных и влекут за собой негативные последствия.

В случаях участия в азартных играх бывает довольно трудно определить начало становления аддиктивного процесса, так как аддикция развивается постепенно, исподволь и к ней полностью отсутствует критическое отношение.

И.Л. Баскакова, анализирувшая особенности организующих или активно участвующих в азартных играх в исправительной колонии, отмечает у игроков высокий интеллект, большую энергию при узком круге интересов, авантюризм, максимализм, чрезмерную критичность по отношению к близким и друзьям и в то же время склонность избегать серьезных конфликтов с помощью искажения фактов и лжи. У них отмечается жажда острых ощущений, сильная потребность в признании окружающих, непокорность, суеверность. Им свойственна фетишизация денег, которые они воспринимают как источник своих проблем и в то же время как способ их решения [1, с. 94].

Данные наблюдения и психодиагностики, проведенных У.Н. Кузьминой, позволяют дать обобщенную характеристику осужденного, организующего азартные игры с целью извлечения материальной или иной выгоды. Это – мужчина среднего возраста, отличающийся высокой криминальной зараженностью и рецидивом преступного поведения. Не стремящийся поддерживать социальные и семейные связи. Имеющий достаточный стаж пребывания в условиях изоляции от общества, склонность к противоправным действиям, проявляющуюся в хранении и передаче запрещенных предметов, отрицательно реагирующий на воспитательный процесс. Он занимает лидирующие позиции в криминальной группе, имеет доступ к материальным и финансовым ресурсам ИУ («общаку»), обладает хорошими знаниями неформального кодекса поведения в местах лишения свободы, включая приверженность ему и владение преступным жаргоном [4, с. 99].

К.К. Александров говорит о том, что личность осужденного, склонного к участию в азартных играх, характеризуется размытостью моральных норм, половой распущенностью, жестокостью, утратой таких общечеловеческих качеств, как жалость, сострадание. Из акцентуаций характера у него преобладают такие, как гипертимность и экзальтированность.

У.Н. Кузьмина акцентирует внимание на том, что осужденному, имеющему склонность к участию в азартных играх, свойственны следующие **личностные** особенности: интеллектуальная развитость, коммуникативная активность, организаторские способности, склонность к риску, упрямство, неустойчивость самооценки, авантюризм, высокий уровень притязаний, чувство собственного превосходства над другими (чрезмерная кри-

тичность к окружающим), асоциальность установок, эгоцентризм, возбудимость, импульсивность, решительность, стремление манипулировать другими, высокий уровень мотивации, направленной на достижение четких целей связанных с «игрой», «жажда острых ощущений», демонстративность, эмоциональная неустойчивость, переживание скуки в обычном межличностном общении, избегание межличностных конфликтов с помощью лжи, искажения фактов.

В настоящее время представляется возможным выделить некоторые предрасполагающие факторы, создающие повышенный риск развития этой формы аддиктивного поведения. К ним относят чрезмерную требовательность, сочетаемую с жестокостью, установки на престижность. Имеются данные о том, что благоприятную почву для развития игровой аддикции создает «вещизм», переоценка значения материальных благ, фиксирование внимания на финансовых возможностях и затруднениях, зависть к более богатым знакомым, убеждение в том, что все проблемы в жизни связаны только с отсутствием денег [9, с. 206].

Венгерский психоаналитик Шандор Ференци выдвинул другое объяснение игровой зависимости, которое получило название «гипотеза инфантильного всемогущества». Ференци считал, что каждому, кто когда-нибудь играл в казино или на бирже, знакомо чувство абсолютной уверенности в успехе, которое является отголоском инфантильного всемогущества.

Помимо психоаналитических, существуют и другие объяснения поведения игроков-осужденных. Страсть к игре связывают, например, со склонностью к риску или потребностью в острых ощущениях. Социологические исследования показывают, что в азартные игры чаще всего играют люди двух типов. Большая их часть очень спокойные и даже скучные люди, а остальные стремятся к деятельности, связанной с высоким риском. Первые делают это из-за нехватки острых ощущений в жизни, а у вторых склонность к риску является, по-видимому, устойчивой чертой характера.

Г.М. Бреслав рассматривал феномен патологической склонности к азартным играм осужденных в рамках поведенческой модели, считая, что в ее основе лежат появляющиеся в процессе взаимодействия индивида и среды аддиктивные паттерны поведения.

Когнитивная теория связывает патологическую игру с когнитивными ошибками, иррациональными убеждениями и так называемой «иллюзией, контроля». Типична следующая когнитивная ошибка осужденных-игроков: типичное объяснение проигрыша («я проиграл потому, что был невнимателен»). К иррациональным убеждениям относят следующие четыре стержневые характеристики: нетерпеливость к длительным усилиям («я должен выиграть в следующей ставке»), низкая фрустрационная толерантность («это ужасно, если я не выиграю»), искажение самооценки («я ничто, если я не играю и не выигрываю»), преувеличение («я не могу существовать, если я не играю»). «Иллюзия контроля», игрок верит, что может контролировать случайные события посредством различных способов ритуального поведения [3, с. 121].

Психодинамически ориентированные терапевты объясняют компульсивное поведение игрока доминирующими психологическими защитами, присущими обсессивно-компульсивной личности.

Проведя анализ литературных источников по проблемам психологических особенностей личности осужденных, склонных к азартным играм, можно сделать вывод, что для данной группы осужденных характерны стереотипность поведения, зависимость, склонность к колебаниям настроения. Выявляются также инфантилизм и черты незрело-

сти: невыраженность интеллектуальных и духовных интересов, отсутствие твердых нравственных норм, безответственность.

Исследование проводилось на базе ФКУ ИК-11 УФСИН России по Кировской области.

Обобщенные результаты диагностики исследуемых групп осужденных по методике «Шкала игровой зависимости» (Томас А. Такер) сведены в таблицу 1.

Таблица 1 - Обобщенные результаты диагностики по методике «Шкала игровой зависимости»

Уровень игровой зависимости	Количество респондентов (%)	
	осуждённые, склонные к участию в азартных играх (экспериментальная группа)	осуждённые, не проявляющие особого интереса к азартным играм (контрольная группа)
Низкий	0	50
Средний	35	45
Высокий	65	5

Из таблицы 1 видно, что количество человек, имеющих высокий уровень игровой зависимости в группе осуждённых, склонных к участию в азартных играх (экспериментальная группа), заметно выше, чем у контрольной группы: 65% респондентов экспериментальной группы получили в результате диагностики степени игровой зависимости более 8 баллов, что характеризует их как людей, имеющих высокий уровень игровой зависимости.

Также мы видим, что половина респондентов в группе осуждённых, не проявляющих особый интерес к азартным играм, имеет низкий уровень игровой зависимости, в то время, как в экспериментальной группе таких осужденных не было выявлено. Это значит, что большинство осуждённых, не проявляющих особого интереса к азартным играм, не испытывают никаких негативных последствий игры. Данные респонденты могут играть изредка, с целью общения или на досуге – игра не является проблемным пристрастием.

Большинство же исследуемых осужденных контрольной группы имеют средние значения шкалы по методике «Шкала игровой зависимости».

Средние значения по данной шкале у респондентов 1 группы 15,4 баллов (высокое), в то время как у респондентов 2 группы значимо ниже 3,8 (3 балла – норма). Это позволяет заключить, что осуждённые экспериментальной группы играют в азартные игры на уровне, ведущем к негативным последствиям: контроль над пристрастием к азартным играм уже потерян, и чем выше результат, интенсивнее игра, тем серьезнее могут быть проблемы. Жизнь осужденного сосредоточена на игре. Он не может остановиться ни после выигрыша, ни тем более после проигрыша. Ощущение эйфории, имеющее место в период между ставкой и исходом игры, подкрепляет влечение. Нарастает социальная дезадаптация: появляются финансовые проблемы, конфликты, участие в рискованных мероприятиях, возможны правонарушения, направленные на добычу денег. Одновременно с этим снижаются психологические навыки в игре: появляются нерасчетливые ходы, неоправданный риск, количество проигрышей растет. Изменяется иерархия потребностей: доминирующей становится потребность в игре, вытесняя базисные физиологические потребности в еде, сне. Попытка прекратить игру сопровождается тревогой, напряжением, депрессией, нарушением сна, вегетативными

нарушениями и суицидальными мыслями. Для осуждённых экспериментальной группы высока вероятность патологического формирования игровой зависимости.

Обобщенные результаты диагностики исследуемых групп осужденных по опроснику «Методика диагностики степени готовности к риску» (Шуберта) сведены в таблицу 2.

**Таблица 2 - Обобщенные результаты диагностики по опроснику
«Методика диагностики степени готовности к риску»**

Степень готовности к риску	Количество респондентов (%)	
	осуждённые, склонные к участию в азартных играх (экспериментальная группа)	осуждённые, не проявляющие особый интерес к азартным играм (контрольная группа)
слишком осторожны	5	10
умеренно осторожен	5	25
средние значения	15	55
склонен к риску	45	5
высокая склонность к риску	30	5

Из таблицы 2 видно, что количество человек, склонных к риску в группе осуждённых, склонных к участию в азартных играх, заметно выше, чем у контрольной группы: 30% осужденных экспериментальной группы получили в результате диагностики степени готовности к риску более 20 баллов, что характеризует их как людей, имеющих высокую склонность к риску. Большинство же исследуемых осужденных контрольной группы имеют средние значения шкалы по опроснику «Методика диагностики степени готовности к риску».

Средние значения по «Методике диагностики степени готовности к риску» у респондентов 1 группы 16,1 баллов (высокое), в то время как у респондентов 2 группы значимо ниже 6,4 балла (10 баллов – норма). Таким образом, можно констатировать, что для испытуемых 1 группы характерна повышенная склонности к риску. Высокая готовность к риску сопровождается низкой мотивацией к избеганию неудач (защитой). Готовность к риску достоверно связана прямо пропорционально с числом допущенных ошибок. С ростом отверженности личности, в ситуации внутреннего конфликта растет готовность к риску.

Склонность к риску представляет собой довольно устойчивую характеристику осуждённых, склонных к участию в азартных играх, и обуславливается наличие у них следующих личностных особенностей: стремление к поиску новых ощущений; упорство; экстраверсия; импульсивность; эгоцентризм; самостоятельность; рациональность; самоэффективность.

Обобщенные результаты диагностики исследуемых групп осужденных по методике «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий) сведены в таблицу 3.

Из таблицы 3 видно, что количество человек, имеющих высокую степень выраженности лидерских качеств в группе осуждённых, склонных к участию в азартных играх, заметно выше, чем в контрольной группе.

Проанализировав данную таблицу, мы видим, что в экспериментальной группе у всего лишь 0,5% респондентов слабо выражены качества лидера, что не сказать про испытуемых контрольной группы, то есть, в контрольной группе практически нет лиде-

ров. Данных осужденных не интересует власть, они не хотят управлять, командовать и нести ответственность ни за кого, кроме себя. Они часто испытывают неуверенность в своих силах, неловкость при общении с другими людьми. Если такие люди приходят к власти, то из них получается нестандартный лидер.

**Таблица 3 - Обобщенные результаты диагностики по методике
«Диагностика лидерских способностей»**

Степень выраженности лидерских качеств	Респонденты (%)	
	осуждённые, склонные к участию в азартных играх (экспериментальная группа)	осуждённые, не проявляющие особый интерес к азартным играм (контрольная группа)
Качества лидера выражены слабо	0,5	45
Качества лидера выражены средне	35	30
Качества лидера выражены сильно	64	25
Человек как лидер склонен к диктату	0,5	0

Качества лидера выражены средне в экспериментальной группе 35% и практически также (30%) выражены в контрольной группе. Эти осужденные не стремятся к власти, однако, если им представится такая возможность, они ее не упустят. Они интуитивно чувствуют, что нужно сказать людям и о чем лучше промолчать, лидерские качества помогают этим людям преодолевать трудности.

Сильно выражены качества лидера у 64% респондентов экспериментальной группы, и всего лишь 25% у контрольной группы. Также в экспериментальной группе 0,5% – есть человек, который как лидер склонен к диктату. То есть в данной группе есть жёсткий, авторитарный руководитель, лицо, облечённое неограниченной властью в какой-либо области. Чего не сказать про контрольную группу.

Средние значения по данной шкале у респондентов 1 группы 38,2 баллов (высокое), в то время как у респондентов 2 группы ниже 31,3 (до 35 баллов – норма). Это позволяет заключить, что осуждённые экспериментальной группы очень эмоциональные люди, главной целью которых является получение удовольствия от жизни. Они стремятся к лидерству, любят поспорить и почувствовать себя главными. Часто они теряют контроль в жизни и стараются получать те же самые удовольствия, но от игры. По результатам диагностики по методике «Диагностика лидерских способностей» можно сделать вывод, что для осуждённых, склонных к участию в азартных играх, характерны следующие качества: волевые качества, способность преодолевать препятствия на пути к цели; терпение, готов долго и хорошо выполнять однообразную работу; инициативность, предпочитает работать без мелочной опеки, независимость; психическая устойчивость; хорошая адаптация к новым условиям и требованиям; самокритичность, трезво оценивает не только свои успехи, но и неудачи; требовательность к себе и другим; выносливость, способность работать даже в условиях перегрузок; восприимчивость к новому, склонность решать нетрадиционные задачи оригинальными методами; решительность, способность самостоятельно и своевременно принимать решения, в критических ситуациях брать ответственность на себя.

Проведем статистическую обработку данных с помощью статистического U-критерия Манна-Уитни. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Результаты статистической обработки полученных экспериментальных данных

Название методики	Средний балл		Значение U- критерия U _{эмп}	Вывод
	осуждённые, склонные к участию в азартных играх	осуждённые, не проявляющие особый интерес к азартным играм		
Шкала игровой зависимости	15,4	3,8	74	Полученное эмпирическое значение U _{эмп} (74) по параметру «уровень игровой зависимости» находится в зоне значимости. Делаем вывод: различия между двумя группами по параметру «уровень игровой зависимости» статистически значимы.
Методика диагностики степени готовности к риску	16,1	6,4	52	Полученное эмпирическое значение U _{эмп} (52) по параметру «степень готовности к риску» находится в зоне значимости. Делаем вывод: различия между двумя группами по параметру «степень готовности к риску» статистически значимы.
Диагностика лидерских способностей	38,2	31,3	112	Полученное эмпирическое значение U _{эмп} (112) по параметру «степень выраженности лидерских качеств» находится в зоне значимости. Делаем вывод: различия между двумя группами по параметру «степень выраженности лидерских качеств» статистически значимы.

Таким образом, достоверные различия между данными респондентов двух групп выявлены по всем трем шкалам: уровень игровой зависимости, степень склонности к риску, степень выраженности лидерских качеств.

Исправление осужденных и предупреждение возможного рецидива с их стороны являются основными целями уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, при этом учреждения УИС должны не только обеспечить исполнение назначенного судом наказания, но и создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, осуществляя воспитательную и психологическую работу, направленную на их исправление.

Профилактика преступлений и правонарушений в среде осужденных заключается, прежде всего, в выявлении осужденных, личностные особенности которых увеличивают риск нарушения порядка отбывания наказания, а также условий, способствующих их совершению.

А.П. Закалюк под профилактикой преступлений понимает деятельность, включающую в себя осуществление разработанной системы мер, направленных на выявление условий и причин преступности, а также их устранение, и оказание необходимого воздействия (предупредительного характера) на лиц, склонных к совершению противоправных действий.

Основной целью профилактической работы является недопущение правонарушений со стороны лиц, содержащихся в учреждениях УИС, посредством системы профилактических мероприятий.

Индивидуальная профилактика правонарушений осуществляется путем изоляции осужденного от факторов, оказывающих на него негативное воздействие (других осужденных или определенных условий); привлечения его к учебе и общественно полезному труду; укрепления имеющихся у него социально полезных связей; проведения с ним разъяснительных бесед, а также применения других форм и методов положительного влияния.

Причинами пенитенциарной преступности являются:

- криминальная зараженность личности большинства осужденных;
- негативное влияние на личность осужденного криминальной субкультуры;
- условия изоляции от общества;
- недостаточно хорошее состояние инженерно-технического обеспечения деятельности исправительных учреждений (состояние ИТСОН, квалификация инженерно-технического персонала и др.);
- низкая эффективность деятельности сотрудников исправительного учреждения, направленной на профилактику и пресечение преступного поведения осужденных.

Профилактика правонарушений в учреждениях УИС осуществляется силами сотрудников пенитенциарных учреждений с помощью применения средств связи и сигнализации и инженерно-технических средств охраны и надзора.

Однако профилактические меры не всегда приносят желаемый результат. В качестве причин этой негативной тенденции можно назвать, с одной стороны, нежелание осужденных менять свое мировоззрение и привычное поведение (как на основании собственных предпочтений, так и под влиянием криминального сообщества), а с другой стороны, формальное отношение к этому процессу самих сотрудников учреждения, в основе которого лежат как объективные факторы (большая загруженность сотрудников, недостаточное время для всестороннего изучения личности осужденного, большая текучесть кадров в УИС), так и субъективные факторы (недостаточная профессиональная компетентность, профессиональное выгорание, недостаточная заинтересованность сотрудников в результатах своей деятельности, отсутствие необходимого опыта работы с определенными категориями осужденных).

По мнению В. В. Бочкарева, постановка осужденного на профилактический учет является наиболее яркой профилактической мерой охранительного порядка.

Одной из категорий осужденных, требующей постановки на профилактический учет и дальнейшего контроля и сопровождения, являются осужденные, организующие или активно участвующие в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды. Численность их составляет 4 % от числа всех осужденных, стоящих на профилактическом учете. Опасность их заключается в том, что многие осужденные страдают игровой зависимостью (научное название ее – лудомания, или патологический гэмблинг).

При этом, часто игра в учреждении приводит к убийству как плате за карточный долг или самоубийству (когда человек не видит другого выхода из сложившейся ситуации, особенно в случае «включения счетчика» за неуплату долга). Плата может носить и другой характер (предоставление информации, пронос с помощью родственников наркотических или других психоактивных веществ, деньги, доставка или изготовление запрещенных предметов, провокационные действия в адрес администрации и т. д.).

В случае возникновения угрозы жизни осужденного из-за карточного долга, которая стала известна администрации, его могут изолировать, поместив в штрафной изолятор или помещение камерного типа.

Осужденные, которые организуют азартные игры, могут действовать как сообща, так и в одиночку.

При этом деятельность сотрудников по пресечению азартных игр, выявлению лиц, «организующих или активно участвующих в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды», признается в целом неудовлетворительной.

Мы проводили анализ психологического сопровождения осужденных, организующих или активно участвующих в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды, на базе ФКУ ИК-11 УФСИН России по Кировской области.

При разработке мер индивидуальной профилактики учитываются следующие требования:

- 1) всестороннее изучение личности осужденных, которые поставлены на профилактический учет (их криминальные связи и криминально значимые свойства характера, привычки, наклонности, мотивы, лежащие в основе их негативного поведения);
- 2) разработка основных мер профилактического характера;
- 3) определение необходимого комплекса мер (система организации и контроля, оптимальные методы воздействия, критерии оценки эффективности индивидуальной профилактической работы).

На профилактическом учете в ИК-11 как «организующий или активно участвующий в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды» состоят 16 человек.

Возраст осужденных данной категории – от 28 до 35 лет. Состоящие на данном профилактическом учете лица имеют неполное среднее, среднее и средне-специальное образование. Осужденные отбывают наказание за преступление по ст. ст. 131, 132, 162, 105, 228 Уголовного кодекса Российской Федерации. К каждому из них применяется постановленная индивидуальная профилактическая программа.

Преступления, за которые отбывают наказание осужденные этой категории:

- ч. 4 ст. 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее за собой по неосторожности смерть потерпевшего;
- ч. 2 ст. 105. Убийство двух и более лиц;
- ч. 4 ст. 228. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (в крупном и особо крупном размере);
- ч. 3 ст. 131. Изнасилование, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей;
- ч. 4 ст. 162. Разбой в особо крупном размере.

Программа психологического сопровождения личности осужденного, состоящего на профилактическом учете как организующие или активно участвующие в картежных либо других азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды, включает в себя:

- составление психологической характеристики на основе результатов психодиагностического обследования (всестороннее обследование личности);
- проведение беседы с осужденными по результатам психодиагностического обследования;
- проведение индивидуальной психокоррекционной работы, направленной на изменение основных социальных ценностей и приоритетов; развитие мотивации к трудовой деятельности в ИУ; негативных личностных проявлений и черт характера;
- проведение групповой психокоррекционной работы;
- проведение просветительской и разъяснительной работы с осужденными этой категории.

Осужденные, склонные к игровой зависимости, контактны, имеют неплохие лидерские качества, хорошо сходятся с людьми, у них отмечается высокий уровень личностной и ситуативной тревожности, низкие волевые качества.

При изучении их личности используется блок методик, позволяющих выяснить:

- наличие личностных расстройств (ситуативных или застойных личностных расстройств, обусловленных экстремальными условиями жизнедеятельности);
- психофизиологическое состояние человека, его стрессоустойчивость, активность и коммуникативные способности;
- степень ответственности человека за свои поступки и свою жизнь (другими словами, уровень субъективного контроля над разнообразными ситуациями);
- наличие суицидального риска; выявление уровня сформированности суицидальных намерений с целью предупреждения серьезных попыток самоубийств;
- комплексный показатель агрессии человека (наличие физической, косвенной, вербальной агрессии, чувства негативизма, склонности к раздражению, подозрительности, обиды, чувства вины и аутоагрессии);
- тип акцентуации его характера (крайний вариант нормы, чрезмерное усиление отдельных черт характера, что в определенных ситуациях может приводить к неадекватной реакции);
- аспекты мотивации человека с помощью психосемантических методов (измеряет индивидуальную систему субъективных значений различных объектов для человека) и др. в зависимости от особенностей личности осужденного.

При проведении психодиагностического обследования учитываются и фиксируются внешние признаки поведения осужденных (опрятность внешнего вида, настроение, степень внутренней напряженности, связность речи, корректность высказываний, степень адекватности поведения осужденного ситуации психодиагностического обследования; отношение к тестированию; отношение к критике; характер установления контакта с психологом).

Анализ психологической работы с этой категорией осужденных показал ее низкую эффективность, причинами которой являются:

1. Отсутствие у осужденных желания менять свой образ жизни и свои ценности.
2. Диагностический инструментарий, используемый в исправительных учреждениях, может только косвенно выявить эту категорию осужденных.

Методики, используемые психологами, только косвенно могут указывать на наличие у обследуемого данной проблемы, с помощью них практически невозможно определить наличие склонности к азартным играм, не говоря уже об определении степени ее выраженности.

Психодиагностическое обследование не позволяет выявить, на какой стадии находится осужденный (к какой категории относится).

Проблемой является и то, что в УИС не используются методики, позволяющие достоверно установить степень зависимости от азартных игр, а также то, что большинство психологов слабо ориентируются в теоретических аспектах склонности к азартным играм, не располагают важной научно обоснованной информацией о факторах риска игрового влечения и признаках расстройства.

3. Чаще всего работа с данной категорией вызывает у психологов растерянность, связанную с незнанием ее специфики. В результате лица, организующие или активно участвующие в азартных играх, ставятся на профилактический учет не по результатам первичной психодиагностики в карантине, а, как правило, по факту уже произошедших и зарегистрированных инцидентов.

С целью повышения эффективности профилактической работы с осужденными, состоящими на профилактическом учете как организующие или активно участвующие в картежных либо других азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгод, необходимо применение комплекса мер различного характера:

1. Применять для выявления у осужденных игровой зависимости специализированные методы и методики, имеющие высокую прогностическую ценность (а это, как правило, зарубежные методики, адаптированные для русскоязычного населения и апробированные на отечественной выборке), которые в настоящее время психологами УИС не используются.

2. Разрабатывать меры индивидуальной профилактической работы с этой категорией осужденных с учетом разбиения процесса формирования игровой зависимости на стадии, что позволит выделять соответствующие меры воздействия (является ли осужденный «социальным» гэмблером, «регулярным», «проблемным» или «патологическим»).

3. Проводить работу по выявлению осужденных, имеющих игровую зависимость, еще на этапе помещения их в карантинное отделение.

4. Ограждать лиц, страдающих игровой зависимостью, от осужденных, организующих и активно участвующих в азартных играх.

5. Обучать осужденных, находящихся на первых двух стадиях формирования игровой зависимости, методам, направленным на снижение психоэмоциональной напряженности и переработку болезненно выраженных влечений, страха и тревоги.

Таким образом, количество человек, имеющих высокий уровень игровой зависимости в группе осуждённых, склонных к участию в азартных играх, значительно выше, чем у контрольной группы, что характеризует их как людей, имеющих высокий уровень игровой зависимости. Количество человек, склонных к риску в группе осуждённых, склонных к участию в азартных играх, заметно выше, чем у контрольной группы, что характеризует их как людей, имеющих высокую склонность к риску. Диагностика лидерских качеств осужденных, склонных к азартным играм, позволяет заключить, что это очень эмоциональные люди, главной целью которых является получение удовольствия от жизни. Они стремятся к лидерству, любят поспорить и почувствовать себя главными. Часто они те-

ряют контроль в жизни и стараются получать те же самые удовольствия, но от игры. Результаты статистической обработки полученных экспериментальных данных позволили нам выявить достоверные различия между данными респондентов двух групп по всем трем шкалам: уровень игровой зависимости, степень склонности к риску, степень выраженности лидерских качеств. Программа психологического сопровождения личности осужденного, состоящего на профилактическом учете как организующего или активно участвующего в картежных либо других азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды, должна включать в себя: составление психологической характеристики на основе результатов психодиагностического обследования (всестороннее обследование личности); проведение беседы с осужденными по результатам психодиагностического обследования; проведение индивидуальной психокоррекционной работы, направленной на изменение основных социальных ценностей и приоритетов; развитие мотивации к трудовой деятельности в ИУ; негативных личностных проявлений и черт характера; проведение групповой психокоррекционной работы; проведение просветительской и разъяснительной работы с осужденными этой категории.

Список литературы

1. Баскакова, И. Л. Игромания в колонии / И.Л. Баскакова. - М.: МКТУ, 2014. - 178 с.
2. Божович, Л.И. Азартные игры «за решеткой» / Л.И. Божович. - М.: «Академия», 2004. - 123 с.
3. Бреслав, Г.М. Психология игромана / Г.М. Бреслав. - М.: Просвещение, 2011. - 149 с.
4. Змановская, Е.В. Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие / Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников. - СПб.: Питер, 2011. - 129 с.
5. Иванов М. С. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека // Психология зависимости: хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. Мн.: Харвест, 2004. - 435 с.
6. Михлин, А.С. Уголовно-исполнительное право / А. С. Михлин. - М.: Норма, 2006. - 84 с.
7. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Приказ Минюста РФ от 20.05.2013 №72 (ред. от 09.08.2023) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения 15.02.2024).
8. Чернышкова М. П. Азартные игры (гемблинг) в местах лишения свободы как проблема пенитенциарной практики // Научные дискуссии. - 2015. - Т. 1. - 106 с.
9. Щеглов, Ф.Г. Игровая зависимость: рецепты удачи для азартных игроков / Ф.Г. Щеглов. - СПб.: Речь, 2014. - 241 с.

2.6. Девиантное поведение подростков: психолого-педагогический анализ и стратегии коррекции

Тема девиантного поведения подростков обладает высокой актуальностью, так как это явление оказывает серьезное влияние, как на самих подростков, так и на общество, в целом [1, 7].

В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. ключевым аспектом является профилактика девиантного поведения в молодежной среде [19]. Серьезные формы девиантного поведения приводят к трагедиям, потрясающим общество [22]. В последние 10 лет в разных странах произошло множество трагедий, например, связанных с расстрелами в школах, осуществленных подростками [11]. Большинство из этих инцидентов имели место в Соединенных Штатах Америки, где указанная проблема остается особенно актуальной. Примеры таких случаев включают стрельбу в средней школе Red Lake в Миннесоте в 2005 г., когда 16-летний ученик убил несколько человек, включая учителя и охранника, а также стрельбу в старшей школе Sandy Hook в 2012 г., где были убиты 26 человек, в том числе 20 детей [17]. Одним из наиболее известных и шокирующих случаев является стрельба в средней школе Marjory Stoneman Douglas в Паркленде, Флорида, в 2018 г., где 19-летний бывший ученик убил 17 человек и ранил еще 17. Этот случай вызвал общенациональные дебаты по вопросам контроля за оружием и безопасности в школах [6].

Эти трагедии оказывают глубокое воздействие на общество, вызывая обеспокоенность по поводу безопасности в образовательных учреждениях, привлекая внимание к проблемам психического здоровья и доступности оружия. В ответ на эти инциденты принимаются меры по усилению безопасности в школах, включая введение дополнительных мер безопасности и проведение тренингов для учителей и учащихся по реагированию на случаи активной стрельбы [5]. Обсуждаются и принимаются законодательные меры для ужесточения контроля за распространением огнестрельного оружия. Это вызывает общественное беспокойство и требует ответных мер по усилению безопасности и профилактики [4, 24].

Девиантное поведение, особенно насильственного характера, может оставить глубокие психологические шрамы как у непосредственных жертв, так и у свидетелей, и требует значительных социальных и экономических затрат на полицейские службы, судебную систему, системы здравоохранения и реабилитации [8].

Распространенность девиантного поведения может колебаться в зависимости от социально-экономического контекста, семейной среды, доступа к образовательным ресурсам и других факторов [7, 10, 12].

Цель - исследование теоретических основ психологических и педагогических аспектов девиантного поведения подростков.

Определение и история формирования научных взглядов на феномен девиантного поведения в подростковом возрасте. Девиантное поведение в подростковом возрасте - это отклонение от социально приемлемых и установленных норм поведения, которое может включать в себя различные формы - кражи, вандализм, употребление наркотиков и алкоголя, агрессивное поведение и даже насильственные преступления [6, 11, 13]. Исследование этого явления началось в рамках социологии и психологии, а позже оно стало предметом изучения в педагогике.

История формирования научных взглядов на девиантное поведение подростков. Один из основоположников социологии Эмиль Дюркгейм в работе «Правила социологического метода» (1895) и «Самоубийство» (1897) заложил основы изучения девиантного поведения как явления, возникающего из-за дисбаланса в социальной структуре общества [3]. Роберт Мертон разработал теорию аномии в работе «Социальная структура и аномия» (1938), предположив, что девиантное поведение может быть следствием несоответствия между культурными целями и социально одобренными средствами их дости-

жения. Альберт Коэн внес вклад в изучение молодежных субкультур и в работе «Делинквентные мальчики: Субкультура» (1955) изложил идею о том, что девиантное поведение подростков может быть реакцией на невозможность достичь успеха в обществе [9]. Трэвис Хирши в работе «Причины делинквентности» (1969) развил теорию социальной связи, согласно которой отсутствие или слабость социальных связей может привести к девиантному поведению. Исследования в области психологии девиантного поведения Аарона Цикцентмихайи, в частности, его работа "Поток: Психология оптимального переживания" (1990), может быть применимы для понимания механизмов, мотивирующих подростков к девиантному поведению [11]. Эти авторы и многие другие внесли значительный вклад в понимание девиантного поведения, особенно в контексте подросткового возраста. Их теории и исследования помогли формировать научные взгляды на эту проблематику, подчеркивая ее многоаспектность и сложность.

Теоретические основы девиантного поведения. Теоретические основы девиантного поведения и механизмы его формирования у подростков можно рассмотреть через несколько ключевых теорий, каждая из которых подчеркивает различные аспекты и факторы риска, способствующие девиантному поведению.

Психологические теории девиантного поведения. Теория Аномии (Эмиль Дюркгейм, Роберт Мертон) предполагает, что девиантное поведение возникает из-за разрыва между культурными целями общества и социально одобренными средствами их достижения. Подростки, не имеющие возможности достичь общественно одобренных целей (например, успеха и богатства), могут прибегать к девиантным способам их достижения [14].

Теория Субкультур (Альберт Коэн) опирается на предположение, что девиантное поведение подростков часто является частью субкультуры, которая имеет свои нормы и ценности, отличающиеся или противопоставляющиеся основной культуре [7].

Теория Социальной Связи (Трэвис Хирши) основана на том, что девиантное поведение возникает из-за отсутствия или слабости связей с обществом. Это включает отсутствие эмоциональных связей с семьей и школой, отсутствие участия в общественной жизни и слабые моральные убеждения [15].

В указанных теориях подробно рассматриваются основные механизмы формирования девиантного поведения, включающие следующие положения:

- недостаток социализации: неэффективная социализация в семье, школе или социальных группах; например, отсутствие эффективного родительского контроля или негативное влияние сверстников [19];
- социально-экономический статус - низкий социально-экономический статус и связанные с ним ограниченные возможности [17, 23];
- психологические факторы - некоторые психологические характеристики, такие как импульсивность, агрессивность или низкая самооценка, увеличивающие склонность к девиантному поведению.

К основным факторам риска формирования девиантного поведения в научной литературе относят:

- семейные факторы - недостаточный родительский контроль: отсутствие надлежащего наблюдения и руководства со стороны родителей [10];
- семейные конфликты - напряженные отношения в семье, насилие или злоупотребление;

- родительская девиантность - история девиантного поведения у родителей может служить негативным примером для подростков [7].

В современной психологии разработка теорий девиантного поведения подростков учитывает влияние Интернет-технологий и изменения в социальной структуре. Основные направления исследований в этой области включают следующие [16]:

1. Киберпсихология и девиантное поведение. Специалисты в области киберпсихологии считают, как взаимодействие подростков с цифровыми технологиями и социальными сетями может способствовать девиантному поведению. Внимание уделяется изучению кибербуллинга, зависимости от интернета, участия в онлайн-группах с девиантным поведением, а также влиянию социальных медиа на формирование идентичности и социальных норм [18].

2. Теории самоопределения. Психологи, вдохновленные работами Деци и Райана, исследуют, как потребности в автономии, компетентности и принадлежности могут влиять на поведение подростков в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется влиянию интернет-технологий на удовлетворение или подрыв этих основных психологических потребностей, что может приводить к девиантному поведению [22].

3. Когнитивно-поведенческие теории. Современные психологи используют когнитивно-поведенческие подходы для изучения, как мысли и убеждения подростков влияют на их поведение в онлайн-среде. Анализируется, как когнитивные искажения и негативные убеждения, формируемые в цифровом пространстве, могут привести к девиантным формам поведения, таким как киберпреступления или онлайн-агрессия [11].

4. Теории социального обучения. Ученые, следуя идеям Бандуры, изучают, как подростки учатся девиантному поведению через наблюдение за другими в интернете. Исследуются механизмы, через которые подростки могут подражать девиантному поведению, наблюдаемому в социальных сетях, видеоиграх и на других онлайн-платформах [7].

5. Нейропсихологические исследования. Нейропсихологи исследуют, как развитие мозга в подростковом возрасте взаимодействует с использованием интернет-технологий, способствуя девиантному поведению. Экспозиция цифровых технологий может влиять на развитие таких областей мозга, как префронтальная кора, что влияет на принятие решений, самоконтроль и социальное взаимодействие [10].

Эти направления отражают современное понимание девиантного поведения в эпоху цифровых технологий, подчеркивая взаимосвязь между психологическими процессами, социальным взаимодействием и влиянием технологий на поведение подростков.

Педагогический аспект девиантного поведения. Педагогический аспект девиантного поведения охватывает изучение того, как образовательная среда и педагогические методы могут влиять на девиантное поведение подростков и какие стратегии могут быть использованы для его коррекции и профилактики. Ряд авторов и исследователей внесли значительный вклад в эту область [1, 14, 18, 21].

Л.Виготский напрямую не изучал девиантное поведение, его теории социокультурного развития и зона ближайшего развития имеют значительное влияние на понимание роли образовательной среды в формировании поведения подростков. Подчеркивается важность социального контекста и взаимодействия с более опытными членами общества в процессе обучения и развития подростков [3].

Ури Бронфенбреннер разработал экологическую теорию развития человека, которая исследует, как различные уровни окружающей среды взаимодействуют и влияют на раз-

витие ребенка. Школа рассматривается, как одна из ключевых микросистем, влияющих на поведение подростков [18].

Альберт Бандура известен своей теорией социального обучения, согласно которой поведение усваивается через наблюдение, имитацию и моделирование, подчеркивает роль учителей и сверстников как моделей для подражания в школьной среде [16].

В настоящее время используются следующие методологические подходы педагогики девиантного поведения подростков:

- Позитивное воспитание и поддерживающая образовательная среда. Разработка положительных подходов к дисциплине и воспитанию, которые включают поддержку, понимание и установление четких, но справедливых границ. Использование позитивного подкрепления для поощрения желаемого поведения, а не только наказаний за нежелательное [19].

- Социально-эмоциональное обучение. Интеграция программ социально-эмоционального обучения в учебный процесс, направленных на развитие навыков самосознания, саморегуляции, социального взаимодействия и принятия решений [5].

- Индивидуальный подход к обучению. Разработка индивидуальных учебных планов и подходов, которые учитывают уникальные потребности и обстоятельства каждого ученика. Предоставление дополнительной поддержки и ресурсов для учащихся, находящихся в группе риска [9].

- Вовлечение семьи и сообщества. Активное вовлечение родителей и местного сообщества в образовательный процесс и разработку стратегий профилактики девиантного поведения [11, 17].

Эти подходы и идеи отражают комплексный взгляд на роль образования в формировании поведения подростков и подчеркивают важность интегрированного и поддерживающего обучения для предотвращения и коррекции девиантного поведения [14, 22].

Факторы, влияющие на развитие девиантного поведения подростков. Факторы, влияющие на развитие девиантного поведения подростков, многообразны и часто взаимосвязаны [2, 8, 14]. Они включают три ключевых аспекта: семейную среду и воспитание, влияние образовательной среды, а также роль социальных сетей и медиа.

Недостаточный или избыточный родительский контроль может способствовать развитию девиантного поведения. Отсутствие контроля оставляет подростка без надлежащего руководства, в то время как чрезмерный контроль может вызывать реактивное противодействие и неповиновение [6, 17, 22].

Отношения привязанности между родителями и подростками играют ключевую роль. Недостаток эмоциональной близости и поддержки может усилить склонность к девиантному поведению [13, 21]. Конфликты в семье, особенно если они включают насилие или злоупотребление, могут привести к повышенному риску девиантного поведения у подростков.

Родители, демонстрирующие девиантное или антисоциальное поведение, могут неосознанно предоставлять модель для подражания своим детям [16, 10]. Неудачи в учебе и отсутствие вовлеченности в школьную жизнь могут способствовать развитию девиантного поведения. Подростки, чувствующие себя отчужденными в школе, могут искать признание и принадлежность вне академической среды [11, 22]. Негативные или конфликтные отношения с учителями и сверстниками могут увеличить риск девиантного поведения. Отсутствие поддержки и понимания в школе может побуждать подростка к поиску альтернативных источников самоутверждения. Школы с высоким уровнем наси-

лия, буллинга и антисоциального поведения могут способствовать развитию девиантных тенденций среди учащихся.

Социальные сети и медиа часто демонстрируют девиантное поведение, которое может быть воспринято подростками, как приемлемое или даже желательное. Присоединение к онлайн-группам или субкультурам, которые одобряют или продвигают девиантное поведение, может укреплять такие тенденции у подростков [18]. Через механизмы социального обучения подростки могут усваивать и подражать девиантным моделям поведения, наблюдаемым в социальных сетях и медиа. Онлайн-среда часто предоставляет анонимность, что может способствовать ощущению безнаказанности и усилить тенденцию к девиантному поведению.

Эти факторы взаимосвязаны и могут усиливать друг друга. Понимание их роли и взаимодействия важно для разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции девиантного поведения среди подростков.

Современные девиации у подростков в контексте Интернета и виртуальной реальности представляют собой новый вызов для общества, так как технологии меняют способы взаимодействия и поведения [7]. Эти девиации могут включать в себя различные формы поведения, относящиеся к интернет-зависимости, кибербуллингу, виртуальному насилию и другим аспектам.

В настоящее время Интернет-девиации несут угрозу обществу и национальной безопасности России. У современных подростков Интернет-зависимость может привести к социальной изоляции и утрате межличностных навыков [8]. Кроме того, экспозиция насилия в Интернете и в виртуальной реальности может способствовать агрессивному поведению, а долгосрочное воздействие негативного онлайн-контента может способствовать развитию психических расстройств, с депрессивными и тревожными симптомами [14].

Интернет-зависимость в последние десятилетия стала одним из наиболее распространенных видов девиантного поведения. Чрезмерное использование Интернета, приводящее к негативным последствиям в повседневной жизни, таким как ухудшение успеваемости, социальная изоляция и психологические проблемы [15]. Кибербуллинг - использование цифровых технологий для унижения, запугивания или домогательства сверстников, включает в себя отправку угрожающих сообщений, распространение слухов онлайн и другие формы агрессивного поведения. Присоединение к онлайн-сообществам которые может продвигать экстремистские взгляды, деструктивное или девиантное поведение. Виртуальное насилие - участие в агрессивных или насильственных виртуальных играх - может способствовать агрессивным моделям поведения в реальной жизни [7]. Сексуальная девиация в Интернете - раннее и чрезмерное погружение в порнографический контент, что может вести к искаженному восприятию сексуальности.

Кейс-стади: рассмотрение конкретных примеров девиантного поведения и их анализ.

Кейс-стади № 1. Отсутствие позитивных примеров и неадекватная самоидентичность.

Фон ситуации: подросток, 15 лет, учащийся средней школы, демонстрирует повышенную агрессию, участвует в драках и проявляет неповиновение учителям. Ученик также активно участвует в онлайн-сообществах, где распространяется агрессивный и экстремистский контент.

Анализ ситуации. Семейные факторы риска: в семье наблюдаются частые конфликты; родители заняты и часто отсутствуют, что приводит к недостаточному родительскому контролю. Школьная среда - отсутствие эффективной поддержки со стороны учителей и сверстников, что усиливает чувство изоляции и непонимания. Влияние Интернета: подросток подвергается влиянию онлайн-субкультур, которые продвигают агрессивное поведение.

Вывод. Девиантное поведение подростка является многофакторной проблемой, включающей в себя как семейные, так и социальные аспекты. Отсутствие положительных моделей поведения и поддержки в реальной жизни способствует поиску принадлежности в деструктивных онлайн-сообществах.

Рекомендации. Психологическая помощь: индивидуальная работа с психологом для обсуждения личных проблем и развития социальных навыков. Работа с семьей: вовлечение родителей в процесс обучения и развития подростка, повышение их осведомленности о проблемах и способах их решения. Изменения в школьной среде: создание поддерживающей и включающей атмосферы в школе, усиление роли учителей и школьного психолога в жизни учеников.

Этот кейс демонстрирует сложность и многоаспектность проблемы девиантного поведения подростков, а также необходимость комплексного подхода к её решению.

Кейс-стади № 2. Интернет-зависимость и отчуждение.

Фон ситуации. 16-летний подросток, обучающийся в старшем классе, проводит большую часть времени в Интернете, играя в онлайн-игры и общаясь в социальных сетях. Ученик демонстрирует снижение академических показателей, социальную изоляцию и отсутствие интереса к реальной жизни.

Анализ ситуации. Семейная среда: родители часто отсутствуют дома, оставляя подростка без должного надзора и внимания. Образовательная среда: недостаточная мотивация и вовлеченность в учебный процесс, отсутствие друзей или близких сверстников в школе. Влияние Интернета: чрезмерное погружение в виртуальный мир как способ уклонения от реальных проблем и отчуждения.

Вывод. Подросток использует виртуальную реальность как средство для ухода от нерешенных проблем в реальной жизни. Недостаток семейной поддержки и понимания усиливает чувство одиночества и отчуждения.

Рекомендации. Психологическая поддержка: работа с психологом для развития навыков реального социального взаимодействия и преодоления интернет-зависимости. Усиление семейных связей: организация семейных мероприятий и диалогов, направленных на укрепление отношений и вовлечение подростка в семейную жизнь. Школьные инициативы: включение в школьные социальные проекты и группы, способствующие развитию коммуникативных навыков и социальной интеграции.

Кейс-стади № 3. Агрессия и влияние сверстников.

Фон ситуации. 17-летняя ученица средней школы начинает проявлять агрессивное поведение, участвует в конфликтах, пропускает занятия. Подросток также активно общается с группой сверстников, известной своими антисоциальными взглядами.

Анализ ситуации. Семейные проблемы: напряженные отношения в семье, отсутствие эмоциональной поддержки. Давление сверстников: подросток находится под влиянием группы сверстников, которая одобряет агрессивное и девиантное поведение. Личные проблемы: низкая самооценка, неуверенность в себе, что подросток компенсирует агрессивным поведением.

Вывод. Подросток ищет принадлежность и признание в группе сверстников, что приводит к усвоению девиантных форм поведения. Отсутствие положительных ролевых моделей и эмоциональной поддержки усугубляет проблему.

Рекомендации. Индивидуальное консультирование: работа с психологом для улучшения самооценки и разработки адекватных стратегий решения конфликтов. Вовлечение родителей: работа с семьей для улучшения домашней атмосферы и восстановления доверия. Школьные меры: программы менторства, вовлечение в позитивные социальные и образовательные активности для создания альтернативной социальной среды.

Стратегии профилактики и коррекции девиантного поведения. В рамках стратегий профилактики девиантного поведения среди подростков особое внимание уделяется ряду ключевых аспектов. Необходимо проведение обширных информационных кампаний, которые освещают потенциальные риски, связанные с излишним погружением в мир Интернета и виртуальной реальности, дабы осознанно предостеречь молодежь о возможных последствиях такого поведения [12]. Важным элементом является также интеграция уроков цифровой грамотности в учебные программы школ, целью которых является обучение учащихся безопасному и ответственному обращению с Интернет-ресурсами. Дополнительное предоставление профессиональной психологической поддержки тем подросткам, кто страдает от зависимости от Интернета и других форм девиантного поведения, становится неотъемлемой частью этих стратегий [7]. Осведомленность родителей о рисках, связанных с цифровым пространством, и обучение их методам эффективного контроля и поддержки своих детей также играют ключевую роль в этом процессе. Наконец, разработка и внедрение систем родительского контроля и фильтров, ограничивающих доступ к вредоносному контенту в Интернете, представляют собой значимый шаг в направлении обеспечения безопасности подростков в онлайн-пространстве.

Для повышения уровня безопасности в школьных учреждениях предпринимаются меры, такие как усовершенствование систем видеонаблюдения, укрепление контроля на входах в здания и обеспечение присутствия квалифицированной охраны, что в совокупности создает более надежную и безопасную образовательную среду [8, 14]. Кроме того, важным аспектом является предоставление доступа к услугам школьных психологов и консультационных служб, что становится ключевым ресурсом для учащихся, сталкивающихся с трудностями, предоставляя им необходимую поддержку и помощь. Программы профилактики девиантного поведения, включающие обучение умениям разрешения конфликтов и социально-эмоциональному развитию, а также повышение осведомленности о потенциальных рисках и последствиях девиантного поведения, становятся значимым шагом в направлении формирования здоровой школьной среды [18, 22]. В этом контексте обсуждение и принятие законодательных мер, направленных на эффективный контроль за распространением оружия и усиление ответственности за его незаконное использование, играют важную роль в общем контексте безопасности. Параллельно, стимулирование активного участия родителей в школьной жизни и создание партнерских отношений между учителями и родителями способствуют лучшему взаимопониманию и эффективной поддержке подростков [6, 21]. Наконец, вовлечение учащихся в разнообразные виды деятельности, такие как спорт, искусство, наука и другие продуктивные сферы, способствует развитию чувства самоэффективности и социальной адаптации, что является важным элементом в процессе их всестороннего развития.

Цель этих мер заключается не только в минимизации рисков и негативных последствий, связанных с увлечением подростков виртуальной реальностью и Интернетом, но и в создании обстановки, в которой цифровое пространство становится безопасной и здоровой средой для их развития [9, 22]. Понимая, что каждый случай уникален, эти стратегии предполагают возможность адаптации и комбинации различных подходов, что позволяет эффективно реагировать на специфические потребности и ситуации, с которыми сталкиваются подростки. Ключевым моментом здесь является осознание того, что профилактика и коррекция девиантного поведения требуют комплексного подхода, в рамках которого сочетаются как индивидуальные, так и системные меры, охватывающие широкий спектр вопросов безопасности и воспитательных стратегий. Таким образом, можно утверждать, что девиантное поведение подростков представляет собой многоаспектную проблему, требующую глубокого понимания и применения как непосредственных мер безопасности, так и долгосрочных образовательных и социальных инициатив.

Таким образом, девиантное поведение подростков, охватывающее широкий спектр психологических, социальных, культурных и образовательных аспектов, представляет собой сложную и многогранную проблему, для понимания и решения которой необходимо привлечение и интеграция знаний из различных областей. Основополагающую роль в профилактике и коррекции такого поведения играют семейная среда и образовательная система, где важнейшими факторами являются развитие эффективной коммуникации, предоставление эмоциональной поддержки и формирование положительных моделей поведения для молодежи. В современном мире, где технологии, особенно Интернет и социальные сети, оказывают значительное влияние на поведенческие нормы, возникает необходимость в создании и применении инновационных методов профилактики и коррекции, которые были бы адаптированы к особенностям цифровой среды. Таким образом, эффективная работа с девиантным поведением подростков требует всестороннего подхода, который включает в себя как образовательные программы, так и психологическую поддержку, а также законодательные инициативы и активное вовлечение семьи. Важно понимать, что проблема девиантного поведения подростков не ограничивается только профессиональной сферой специалистов, но также является вопросом социальной ответственности, требующим внимания и участия со стороны всего общества.

Эффективная работа по предотвращению девиантного поведения среди подростков требует мультидисциплинарного подхода, который объединяет усилия специалистов различных областей, включая психологов, педагогов, социологов и многих других. Такой подход подразумевает акцент на профилактических мерах и на раннем выявлении признаков отклоняющегося поведения, что позволяет своевременно предпринимать необходимые шаги для его коррекции. Кроме того, важно, чтобы стратегии работы постоянно адаптировались к текущим социальным тенденциям и изменениям, особенно учитывая все возрастающее влияние цифровых технологий на поведение молодежи. В этом контексте неопределимую роль играет социальная поддержка со стороны семьи, школы и общества в целом, так как она является фундаментальным элементом в процессе профилактики и коррекции девиантного поведения, помогая создавать устойчивую основу для здорового развития и адаптации подростков.

Список литературы

1. Болдина М. А., Никонов Ю. С. Профилактика как ведущая технология социальной работы с подростками, склонными к девиантному поведению // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. - 2016. - Т. 15. - № 2. - С. 99-103
2. Бутова М. В. Причины развития отклоняющегося поведения несовершеннолетних: коррекция и профилактика // Вестник Воронежского института МВД России. - 2019. - № 2. - С. 271-274.
3. Выготский Л.С. Педология подростка / В кн.: Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.
4. Дубинина, А.С. Особенности копинг-стратегии у детей подросткового возраста / А.С. Дубинина. - Текст: непосредственный. Молодой ученый. - 2019. - № 14 (252). - С. 60-64. - URL: <https://moluch.ru/archive/252/57747/>.
5. Жадан, В.Н. Девиантное поведение несовершеннолетних: формы предупреждения и коррекции / В.Н. Жадан. Юридическая наука. - 2021. - №7. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-nesovershennoletnih-formy-preduprezhdeniya-i-korreksii> (дата обращения: 14.12.2023).
6. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. СПб: Питер, 2017. 351 с.
7. Зиннуров Ф. К. Проблемы профилактики девиантного поведения детей и подростков в современных социокультурных условиях российского общества // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. - 2019. - № 1. - С. 129-133.
8. Косова Е. О., Кубарев В. С., Нелюбин Н. И. Коррекция и профилактика девиантного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2022. - № 2 (89). - С. 189-198.
9. Кузнецова Ю.Ю., Шпагина Е.М. Связь восприятия подростками стиля родительского воспитания со склонностью к девиантному поведению. Вестник практической психологии образования. 2021. Т. 18. № S3. С. 77-89.
10. Малолеткова А.В., Филипенко Е.В., Загидуллин А.Р. Формирование ценностно-смысловых установок на здоровье у обучающихся подросткового возраста, склонных к девиантному поведению, в процессе арт-терапевтического сопровождения. Инновации в образовании. 2023. № 10. С. 82-94.
11. Маджуга А.Г. Тренинговая программа "Формирование ценностно- смысловой установки на здоровье у подростков" как эффективное средство актуализации ресурсных возможностей здоровья // Педагогическое образование в России. 2017. № 7.
12. Никифорова Т. Ю., Маскалянова С. А. Педагогическая профилактика наркомании в системе общего образования: здоровьесберегающий аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2021. - Т. 26. - № 191. - С. 58-65.
13. Никифорова Т.Ю., Скрябина Д.В. Педагогическая профилактика девиантного поведения среди подростков в системе общего образования. Гуманитарные науки (г. Ялта). 2023. № 3 (63). С. 122-131.
14. Ничишина Т. В. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних в школе и семье: пособ. для педаг. учрежд. - Минск: Национальный институт образования, 2018. - 248 с.

15. Писаревская Е. А. О некоторых криминологически значимых показателях преступности несовершеннолетних в России и регионах // Уголовная юстиция. 2019. № 11. С. 206-209.
16. Погожева О. В. Активизация методов психологического консультирования, психокоррекции и психотерапии подростков в диапазоне нормальных психологических акцентуаций и признаков девиантного поведения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. № 1. С. 62-64.
17. Погожева О.В., Плиев С.М. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних на территории ставропольского края: современный правовой и институциональный анализ. Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 168-173.
18. Поминов А.В., Файзуллина Л. Р. Психологическое моделирование оценки педагогического решения в системе профилактики правонарушения несовершеннолетних. Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-4. С. 376-378.
19. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 10.01.2024).
20. Травничек Б.Е. Отношение воспитанников центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей, к спортивно-игровым конфликтам как основа проектирования программы педагогической профилактики. Глобальный научный потенциал. 2022. № 2 (131). С. 33-36.
21. Чикаева Г. С., Власова В. Н., Ковров В. В. Девиантное поведение молодежи: социальные факторы его детерминирующие // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2022. - № 1. - С. 263-268.
22. Юраш К.А. Теоретические аспекты профессиональной деятельности практического психолога по профилактике девиантного поведения подростков. Гуманитарные науки (г.Ялта). 2023. № 2 (62). С. 178-184.
23. Soloviev, A. Social Factors Influence on the Moscow Police Officers' Psychological Traumatization Formation during their Service in Emergency Coronavirus Disease-19 Pandemic Conditions / A. Soloviev, S. Zhernov, E. Ichitovkina // Clinical Research in Psychology. – 2020. – Vol. 3, No. 1. – P. 3. – EDN ZBHUMP.
24. Soloviev, A. Female Moscow Police Officers' Emotional Reactions Features during Service in the COVID-19 Pandemic Emergency Conditions / A. Soloviev, S. Zhernov, E. Ichitovkina // Journal of Biomedical Research & Environmental Sciences. – 2020. – Vol. 1, No. 6. – P. 213-215. – DOI 10.37871/jbres1145. – EDN GEOOLK.

2.7. Проблема алкогольной зависимости в современной Японии

Алкоголизм является одной из наиболее распространенных проблем здоровья и социального благополучия во всем мире. Япония не является исключением из этого правила, поскольку потребление алкоголя здесь имеет давнюю историю и широкое распространение.

«Нет сомнений в том, что алкоголизм в Японии растет», – утверждает доктор Хио-ракай Коно, бывший директор Национального института алкоголизма в Токио. «Что нас

удивляет, так это масштаб проблемы». Так, в Японии потребление алкоголя выросло в четыре раза с 1960 года [3].

Согласно последнему исследованию Исследовательского центра развития досуга в Токио, проблема употребления алкоголя затрагивает все слои общества. Напитки, содержащие алкоголь, часто употребляются в обстановке коллективных мероприятий, включая деловые и общественные встречи, а также в семейной обстановке. 60 % проблемно пьющих – это наемные бизнесмены, которые утверждают, что выпивать с клиентами или коллегами – это часть их работы и знак лояльности компании. Отказаться от выпивки начальнику в Японии и не пойти на номикай (буквальный перевод с японского – «вечеринка для питья») – оскорбление, способное испортить карьеру работнику.

Употребление алкоголя в Японии не является моральной проблемой, поскольку не существует религиозного запрета на употребление алкоголя, а движение за воздержание от питья не имеет в стране никакой популярности. К тому же, в отличие от многих жителей Запада, японцы не считают алкоголь наркотиком.

Потребление алкоголя в Японии имеет древние корни и может быть прослежен до традиционных японских обычаев и праздников. В Японии алкоголь рассматривается не только как способ релаксации, но и как способ социализации и укрепления связей между людьми [4].

Японцы имеют свои собственные традиции и ритуалы потребления алкоголя, такие как церемония наливания саке и обычай поднимать чашу для тоста перед каждым глотком. В Японии также распространено посещение известных баров-издакая, где можно попробовать различные виды алкоголя и закусок. В издакая действует система «Боттл-кип», когда посетитель, купив бутылку алкоголя, не выпивает её до конца, а оставляет на хранение в издакая. Можно оставить бутылку, которая будет размещена в отдельном шкафчике и будет ждать владельца до следующего посещения. Часто японцы имеют несколько бутылок в разных заведениях.

Так, в Токио насчитывается более 10 тысяч издакая, что делает их одним из самых популярных видов ресторанов в городе и свидетельствует о большом количестве приверженцев алкоголя.

Таким образом, бары играют особую негативную роль в распространении алкогольных напитков. Во многих барах в Японии работают хостессы, которые обслуживают клиентов, в том числе наполняя их стаканы алкогольными напитками и поддерживая атмосферу веселья и расслабления. Часто хостессы поддерживают разговор с клиентами, убеждают их заказывать еще больше алкоголя и могут даже пить с ними.

Эта практика часто приводит к возникновению привыкания к алкоголю и развитию алкоголизма у клиентов. Кроме того, хостессы могут сталкиваться с давлением со стороны работодателей на заказ алкоголя клиентами, что также способствует развитию алкоголизма.

Из-за этой проблемы в Японии недавно вступил в силу закон, который запрещает бары и рестораны продавать алкоголь после 22:00 часов. Тем не менее, алкоголь продолжает оставаться широко доступным и популярным в Японии, поскольку существует большое количество круглосуточных магазинов, свободно торгующих алкоголем.

Японцы традиционно относятся снисходительно к тем, кто пьет слишком много. В обществе, где не приветствуется открытость и является стыдным демонстрировать свои проблемы, пьянство – главный способ расслабиться и снять свое напряжение. Можно

сказать, что алкоголь в Японии играет роль психиатрической помощи для значительной части населения [5].

В 2023 году в Японии был проведен общенациональный опрос по выяснению особенностей и тенденций алкогольного поведения взрослых японцев. Обследования включали частоту и количество употребления алкоголя, стандарты диагностики алкоголизма и анкету для определения вредного употребления алкоголя (Alcohol Use Disorders Identification Test). В опросе приняли участие 4153 млн. человек.

Доля пожизненного опыта алкогольной зависимости по результатам диагностики составила 1,9% для мужчин и 0,2% для женщин, а общее количество пациентов, страдающих алкогольной зависимостью, составило 1,07 миллиона.

Потребление алкоголя в Японии является не только проблемой здоровья, оно также связано с рядом других социальных проблем, таких как дорожно-транспортные происшествия, пьянство, насилие, преступность, насилие в семье, жестокое обращение с детьми и самоубийство.

По данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии, алкоголизм является основной причиной разрушения семейных отношений, приводя к разводам более чем в 50 % случаев. Так, в 2023 году было зарегистрировано более чем 207 тысяч разводов, что является рекордным показателем по сравнению с предыдущими годами.

Пьянство (злоупотребление алкоголем) определяется как употребление более 60 г алкоголя за один раз один или несколько раз в неделю. Опасное употребление алкоголя определяется как употребление 280 г или более в течение 1 недели для мужчин и 168 г или более для женщин. Потребление алкоголя, которое может отрицательно повлиять на здоровье человека, определяется как употребление 40 г или более в день для мужчин и 20 г в день или более для женщин. Эпизодическое употребление алкоголя в больших количествах определяется как употребление 60 г или более алкоголя за один раз в течение последних 30 дней.

В Японии преобладают следующие виды алкоголизма [1, 2]:

1. Социальный алкоголизм, когда человек начинает употреблять алкоголь из-за социальных обстоятельств, например, в компании коллег или друзей. В Японии это довольно распространенный тип алкоголизма из-за широкого распространения культуры выпивки.

2. Структурный алкоголизм, когда человек становится алкоголиком из-за стресса на работе, проблем в семье или других факторов, которые влияют на его психическое и физическое здоровье.

3. Хронический алкоголизм, характеризующийся постоянным и чрезмерным употреблением алкоголя, что приводит к серьезным проблемам со здоровьем, социальной адаптацией и поведением.

4. Алкоголизм у молодежи. В последние годы в Японии наблюдается увеличение числа молодых людей, страдающих алкоголизмом. Это связано с изменением образа жизни и культуры употребления алкоголя среди молодежи. Например, на молодежных аниме-вечеринках принято пить Тюхай –фруктовый алкогольный напиток с содержанием алкоголя примерно 5-8 %.

5. Женский алкоголизм. Каждая пятая японская женщина употребляет алкоголь ежедневно, и число женщин-алкоголиков в стране продолжает расти. Одной из главных причин увеличения женского алкоголизма в Японии считается изменение социокуль-

турных норм. В прошлом женщины редко употребляли алкоголь и редко посещали бары или пабы. Однако сегодня женщины все чаще начинают употреблять спиртные напитки, принимая их за часть современного образа жизни. Кроме того, стресс и депрессия также играют важную роль в развитии алкогольной зависимости у женщин. Трудности на работе, проблемы в отношениях и другие стрессовые ситуации зачастую приводят к тому, что женщина обращается к алкоголю как к способу расслабления и утешения.

Как показывает проведенный вопрос, в Японии уровень употребления алкоголя среди мужчин значительно выше, чем среди женщин. Средний возраст употребления алкоголя у мужчин ниже, чем у женщин и составляет 25,3 года против 29,9 лет.

По данным опроса в Японии в 2023 году 1,07 миллиона человек страдали алкоголизмом в течение жизни (940 000 мужчин и 130 000 женщин), а в настоящее время число алкоголиков составляет 570 000 (500 000 мужчин и 70 000 женщин).

Процент желающих бросить пить среди алкоголиков составляет: 14% алкоголиков со стажем и 22% людей, сравнительно недавно заболевших алкоголизмом.

В целом по Японии доля пациентов, проходивших лечение от алкоголизма, является низкой (14% с жизненным стажем, 17% с нынешним алкоголизмом). Более 90% людей, страдающих алкоголизмом или проблемами с алкоголем, не получают в стране надлежащего медицинского лечения. Это прежде всего связано с тем, что люди скрывают свою девиацию, так как в Японии не принято подчеркивать свои проблемы и недостатки.

Можно констатировать, что Япония значительно отстает от западных стран в распознавании и лечении алкоголизма. Для пациентов-алкоголиков по всей стране имеется менее 1200 больничных коек, а в двух национальных психиатрических больницах страны выделено только 200 коек для таких больных. Наибольшей популярностью в последние годы стали пользоваться частные лечебные центры, но для их работы не требуется никакого медицинского образования или аккредитации. Некоторые центры по лечению алкоголизма находятся в ведении религиозных групп и подозрительных сект с агрессивными ритуалами (в частности, «Сериндзи Кемпо» и др.).

В последние годы Япония предпринимает шаги для предупреждения и борьбы с алкогольной зависимостью, которые включают образовательные кампании, программы по сокращению потребления алкоголя среди молодежи, а также предоставление доступа к профессиональной помощи для тех, кто страдает от алкогольной зависимости. Однако, как такового системного лечения алкоголизма и последующей реабилитации больных алкоголизмом в стране не существует. И это является проблемой глобального масштаба для Японии, где еще не произошло признание алкоголизма как пожизненной и неизлечимой болезни.

Часто алкоголику ставят в вину его рецидивы, что приводит к последующим депрессиям и самоубийствам. Японскому алкоголику не предлагают лечения, но предлагают «взять себя в руки и побороть зависимость» из-за приверженности тем или иным ценностям: организации, семье, группы. Эти меры значительно усугубляют страдания отдельных наркозависимых посредством обязательного соответствия доминирующим взглядам на то, что представляет собой алкогольная зависимость и успешное выздоровление.

Таким образом, алкоголизм остается серьезной проблемой здоровья и социального благополучия в Японии. Необходимо дальнейшее изучение этой проблемы и предпринятие совместных усилий для ее решения. Развитие эффективных мер по профилактике и лечению алкогольной зависимости может способствовать улучшению качества жизни

японского населения и снижению общественных издержек, связанных с этим заболеванием.

Список литературы

1. Health Science Council, Community Health, Health Promotion and Nutrition Group, Ministry of Health, Labor and Welfare. (2012) Healthy Japan 21 (2nd Plan). Reference Materials Related to Promotion [in Japanese]. http://www.mhlw.go.jp/bunya/kenkou/dl/kenkounippon21_02.pdf (11 September 2015, date last accessed).
2. Hiro H, Shima S. (1996) A study on the usefulness of problem drinking indicators AUDIT (Japanese Version). *Nihon Arukoru Yakubutsu Igakkai Zasshi* 31:437–50.
3. Japan Health Promotion & Fitness Foundation. (1997) Smoking and alcohol drinking. In Japan Health Promotion & Fitness Foundation (eds). *Health Awareness Survey*. Tokyo: Japan Health Promotion & Fitness Foundation, 89–92.
4. Osaki Y, Matsushita S, Shirasaka T, et al. (2004) National nutrition survey, percentage of adult drinkers in Japan, estimated percentage of heavy drinkers [in Japanese]. *Kosei no Shihyo* 51:22–6.
5. Osaki Y, Matsushita S, Shirasaka T, et al. (2005) Nationwide survey of alcohol drinking and alcoholism among Japanese adults [in Japanese]. *Jpn J Alcohol Drug Depend* 40:455–70.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарных Татьяна Дмитриевна – кандидат биологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий» (г. Воронеж, Россия).

Александрова Марина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры начального, дошкольного образования и социального управления, Институт непрерывного педагогического образования, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород, Россия).

Беляева Светлана Игоревна – кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Божкова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, Елабужский институт ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Елабуга, Россия).

Бринзевич Юлия Сергеевна – бакалавр по направлению подготовки «Социальная работа», кафедра социальной работы и социальной безопасности, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Архангельск, Россия).

Воднева Светлана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры европейских языков и культур, проректор по работе с молодёжью, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» (г. Псков, Россия).

Ганишина Ирина Сергеевна – доктор психологических наук, профессор, начальник кафедры юридической психологии и педагогики, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань, Россия).

Гонтарь Владимир Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник, Федеральное казенное учреждение «Научно-производственное объединение "Специальная техника и связь"» МВД России (г. Москва, Россия).

Гончарова Наталия Васильевна – специалист по работе с молодёжью, ГБПОУ «Железноводский художественно-строительный техникум имени казачьего генерала В.П. Бондарева» (г. Железноводск, Россия).

Донина Ирина Александровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологического и художественного образования, Институт непрерывного педагогического образования, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород, Россия).

Жильцова Юлия Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия).

Жернов Сергей Вячеславович – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной и возрастной психологии, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (г. Тамбов, Россия).

Задворная Марина Станиславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного образования, Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Ичитовкина Елена Геннадьевна – доктор медицинских наук, доцент врач-психиатр, ФКУЗ «ЦП №2 МВД России» (г. Москва, Россия).

Ковалева Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия).

Корышева Светлана Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия).

Кривова Юлия Евгеньевна – магистрант, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» (г. Шуя, Россия).

Леонтьева Александра Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия).

Ликова Ольга Александровна – педагог-организатор, ГБПОУ «Железноводский художественно-строительный техникум имени казачьего генерала В.П. Бондарева» (г. Железноводск, Россия).

Лях Юлия Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой «Общей и специальной педагогики», ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (МПСУ); профессор кафедры управления образовательными системами имени Т.И. Шамова, Институт социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет» (МПГУ) (г. Москва, Россия).

Майоров Георгий Александрович – кандидат экономических наук, заместитель заведующего кафедрой социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (г. Москва, Россия).

Максименко Ксения Николаевна – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Мишагина Ольга Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» (г. Шуя, Россия).

Нагорнова Анна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательской части, ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» (г. Тольятти, Россия).

Нагорнова Софья Юрьевна – студент 2 курса школы социальных и международных исследований, Университет Цукубы (筑波大学) (г. Цукуба, Япония).

Полякова Ольга Борисовна – кандидат педагогических наук, факультет МИЭФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия).

Пчелкина Евгения Петровна – кандидат социологических наук, доцент факультет психологии педагогического института, кафедра общей и клинической психологии, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») (г. Белгород, Россия).

Пшеничнова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» (г. Шуя, Россия).

Рожкова Вера Алексеевна – адъюнкт ФПНПК, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань, Россия).

Скопина Ирина Евгеньевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, старший преподаватель-методист юридического факультета, Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия).

Соловьев Андрей Горгоньевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психиатрии и клинической психологии кафедра психиатрии и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет» (г. Архангельск, Россия).

Софронова Светлана Алексеевна – магистрант, Елабужский институт ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Елабуга, Россия).

Федулова Анна Борисовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Архангельск, Россия).

Хачатурова Карине Робертовна – кандидат педагогических наук, учитель физики, руководитель ОДОД ГБОУ школы № 129 Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург, Россия), доцент кафедры психологии и педагогики образования Московский психолого-социальный университет (г. Москва, Россия).

Черникова Елена Геннадьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (г. Челябинск, Россия).

Шакирова Алина Мунировна – студент, Елабужский институт ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Елабуга, Россия).

Шерайзина Роза Моисеевна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой начального, дошкольного образования и социального управления, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород, Россия).

Научное издание

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

коллективная монография

В авторской редакции

Подписано в печать 15.04.2024. Формат 60х84/16

Печать оперативная. Усл. п.л. 9,5

Тираж 1000 экз. Заказ № № 38-07-04.

Отпечатано с готового оригинал–макета в издательстве ЗЕБРА
432072, Россия, г. Ульяновск, ул. Жуковского, 83.